

АЗБУКА ШАМАНА

КНИГА ТРЕТЬЯ

А едет Матвей Петрович в «карете» — словно «лягушонка в коробчонке». На нарты поставлен передвижной чум, только не конусом, а кубиком, из бересты и шкур. В нем даже окошко есть, стеклянное, в раме и с форточкой, у Демидовых приспособили. Вместо двери меховой полог, конечно, чего мудрить. И есть даже кресло, не может непривычный человек весь день на полу сидеть. И деревянная коробка: в ней бумаги и все, что для письма. Кузовок этот — передвижной штаб князя. Следом и рядом, на нартах и верхах, помощники, вестовые, переводчики. То и дело двое-трое подъедут, выслушают начальника — и глядишь, кто-то в лесу скрылся. А кто-то из леса съезжает на лед, докладывают, иногда самому. Посыльные, они же разведчики, «следопыты верхом на оленях»...

Книжка есть такая, про эвенков. В.А.Туголуков. Интереснейшая книга, как я про нее забыла? Огромная работа! «Эвенки — лучшие лесные охотники и следопыты мира, более искусные, чем лесные индейцы Северной Америки... Эвенки — люди высоких моральных качеств, большого благородства и щедрой души». А ведь вовсе не эвенк, родился в Москве. Вот пусть у нас они и работают разведчиками. Про них даже Пушкин написал, только они тогда назывались «тунгусы».

В тайге и в тундре много чего творится, а тут еще власть сменилась. Сколько безобразий, самоуправства, хищничества при царе творилось, а теперь ясачники, сборщики ясака, они по природе своей жестокие разбойники, а теперь думают, на них вовсе грозы нет?! Так будет им гроза. Посланцы Гагарина объезжают стойбища и возвещают волю нового правителя: он объявил, что в этом году ясака не будет — и всех, кто будет собирать (зима, охотничий сезон кончается, самое их время), гнать в три шеи, а лучше вязать и отправлять правителю в Якутск. А чтобы посыльные злокозненно не выдавали себя самих за сборщиков — послать эвенков, высоко моральных. И что узнают, пусть докладывают своим старшим. Формируется настоящая разведслужба, со старшими офицерами.

Прикомандированный от Демидова, толмач, он же старший секретарь, ему можно и письменные указания посылать — интересуется:

— Разбойников, каких приведут, вешать будете, ваше сиятельство?

Гагарин отмахивается:

— Не думал еще. Приведут — на рожу его погляжу.

Тоже забота. Если их дикие, почуяв волю, прикончат — тоже не дело. Незачем приучать распускать руки. Этих он, допустим, сдаст Демидову в крепостные. А здесь-то как? Кому можно верить? Точно ли, что тунгус тунгуса не обманет, а юкагир юкагира? А тунгус юкагира? Впрочем, у них, следопытов, что-то скрытно сделать трудно. Взглянет на лыжню и сразу знает: кто прошел, куда и откуда, когда, зачем, что при этом думал. Хорошо, а как ему, губернатору, тьфу, Правителю узнавать, что тут, под сплошными елками, творится, и как я могу решить и вязать, казнить и миловать? Если бы они могли хотя бы от трех наслегов старшего избрать...

Подожду. Жили же они как-то без нас. У них прежде ордынцы хозяйничали, тоже ясак брали, тоже налетали и уходили. Я тоже буду брать, но поменьше. А сободем года два брать не буду. Все они плачутся: требуют соболя, а соболя хитрый стал, осторожный, да и мало его — повыбили.

Исполню свою волю: съезжу на Таймыр, где земля кончается, и назад, на юг, в Якутск, политикой заниматься. У Цинов что-то с джунгарами не заладилось, у джунгар с казаками, а наши дикие посмотрят на них и тоже бузить начнут. Что если якуты взбунтуются?

Поеду посмотрю, что за народ Ня, нганасаны. Говорят, самый первобытный народ. Дикий-предикий, они даже оленей не разводят, только охотятся. Но добрые.

Нганасаны — древнейший палеоазиатский народ, потомки изначальных жителей Сибири, охотников на мамонтов. Ледник отступал, они шли за ним, заполняя свежую, с иголки, тундру. Дошли до края и остановились. В XVIII веке их было (считалось) тысячи полторы, сейчас около 600. Делятся на две языковые группы.

Гагарин к ним не поедет. (А то еще занес бы оспу какую-нибудь — потом-то и занесут). Он отправляет к ним последнего проводника-контактера — они у него меняются по мере продвижения, этот эвенк знает места и язык *ня* данной группы — с Потёпкой-шаманом. Очень здесь уважают шаманов. Не так давно здесь закончились празднования по случаю первого Солнца в этом году, дни «Чистого чума», когда чужим приезжать было бы бестактно. Потёпка с эвенком и подарками отправляется на Север, а князь разворачивает свой штаб к югу. Выяснят что надо, догонят и доложат.

Нганасаны народ такой самобытный и уединенный, что помнят как все было на самом деле. Никто их не сбивал с толку посторонними версиями. Итак, сначала был первочеловек — Ня. Он стоял на ледяной глыбе, вокруг был голый лед, и солнце было ледяное. Ни признака жизни, только ветер, снег, холод... и был он весь белый-белый, «плевался белою слюной, и кровь его была бела». Но у него было имя — Белый Человек! (на первобытном, т.е. нганасанском языке).

И он пошел, и запел песню, чудесную песню, прямо из советского мультика:

Лед земли и лед небес
вплоть до облаков
обыщу, но друга я
отыщу, ов-хов!

На самом деле он не шел, а витал, как дым, летел, как птица. И увидел он среди небес облако, а на нем чум. Как не зайти? В чуме жила женщина. Она развела огонь, сготовила еду и накормила Ня, и от горячей заоблачной еды «зашевелилось сердце в нем, настроилась на жизнь душа, и раздурмянилось лицо», а женщина уже была черноволосая, румяная, и губы «алели как заря» — и Ня «ощутил костер в груди и песню женщине запел:

Ов-хов! Играть с тобой хочу
и обнимать тебя хочу —
огнем, что у меня в груди,
в руках, в ногах, во всем что есть —
с тобой делиться я хочу!»

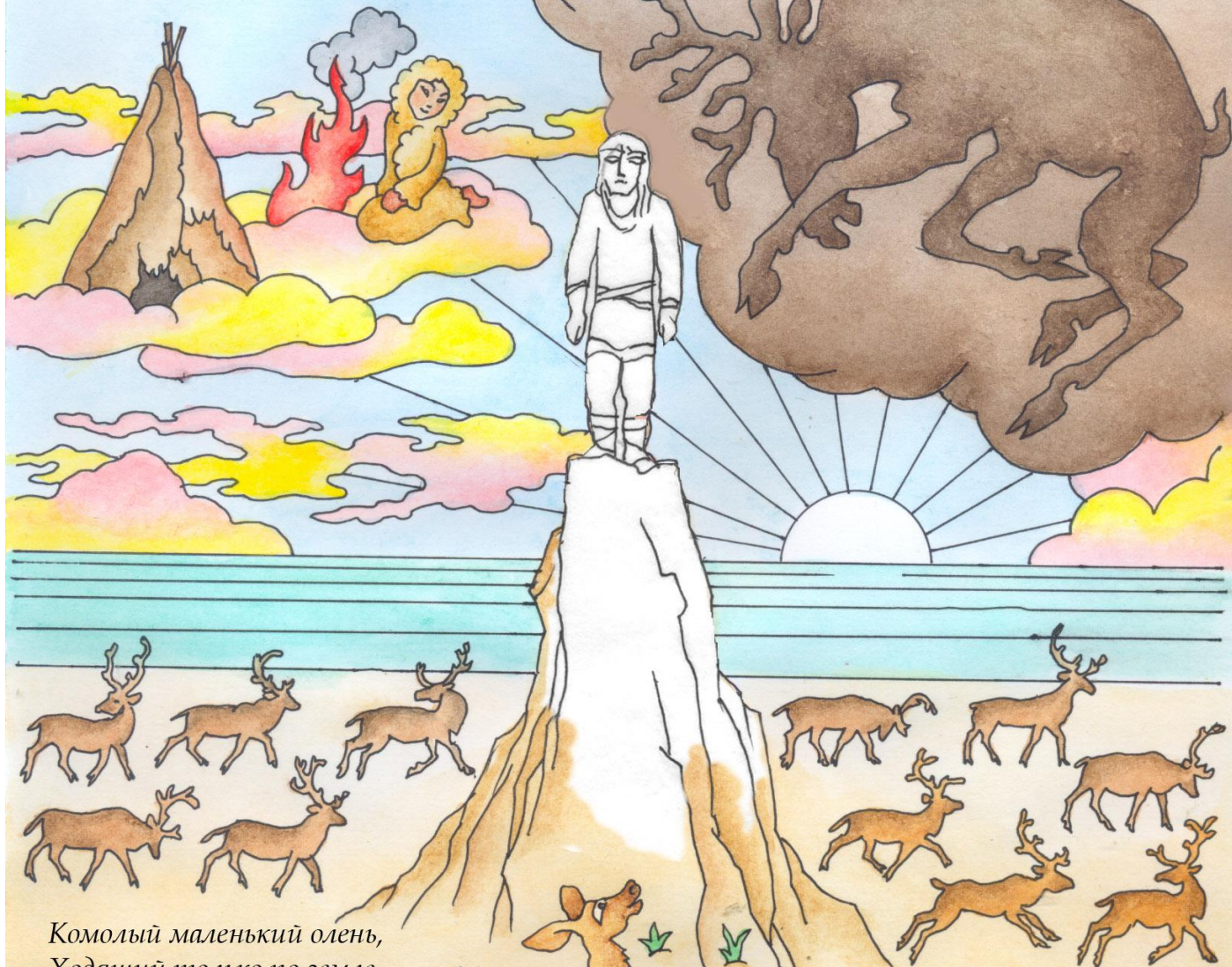
Женщина взяла его к себе на облачные шкуры, и стало им хорошо. И через три месяца «родилось у них дитя — травинка малая одна». Пришел срок расставаться, «и женщина сказала Ня: Пойдешь на землю, так возьми ребенка нашего с собой — пусть там, на ледяной земле, от нашего дитя пойдут деревья, травы и цветы и мхи...»

И стало так. А Ня вскоре затосковал по женщине, хотя и не ведал, что есть любовь, и снова полетел на небо, и снова они были счастливы, «и родился у них олень: комолый, маленький, ручной». Назвали его Моу-та, и на земле от него должны были произойти стада оленей, которые сделают человека могучим, счастливым, помогут жить в снегах и льдах».

И все было хорошо, но...

Там, где сейчас Таймыр стоит,
На голой глыбе ледяной,
Под солнцем, тоже ледяным,
Жил Самый первый человек.
Один он жил и звался Ня.
Был белотелым этот Ня,
И кровь его была бела...
Нет ни собаки, ни жены,
Ни друга, вовсе ничего...
Ов, деу-деу! Это ль жизнь?

Абэй! Хох-хох! Пришла беда.
Среди небесных духов был
Большой летающий олень,
Рогатый, мощный, неземной
был Неуго-Черный,
злой дух.

Комолый маленький олень,
Ходящий только по земле,
был лишь ребенком -
сыном Ня.
Олень-ребенок принял бой.
- Ты кто? Зачем пришел? -
вскричал
Бесстрашный сердцем
Моу-та
- Тебе я Землю не отдам!
И тут же битва началась.

... А на Таймыре собрались
Те люди, что произошли
От древних любящих
существ
От Матери-Земли, еще
Живущей в облаках, от Ня,
Отца Земли, от их любви,
От их детей - и до сих пор
Живут, потомков Моу-та
Считая братьями. Ов-хов!

Тогда не знал никто, никто, что вдруг случится ужас что...

Злобный черный дух, огромный, «рогатый, мощный, неземной» налетел на беззащитного Моу-та, поборол, сбил с ног и оставил лежать на земле без сил. И улетел. Сын-олень встал на ножки, встрепенулся и сказал: «Послушай папа, он вернется. Мне нужны рога!» Ня порылся в дорожной сумке, отыскал бивень мамонта и тяжелый камень «и из них два рога сыну смастерил» — один каменный, другой костяной. И Моу-та стал непобедимым.

Шерститься начали рога:
Шерстинки-шкурки стал олень
счищать с рогов о дерева.
И, с каменного рога спав,
шерстинки-шкурки возросли
горами посреди земли.
А с костяного рога спав,
шерстинки-шкурки разрослись,
стадами мамонтов пошли...

Благодаря траве и мхам,
кустам, деревьям и стадам
косматых мамонтов земля
неколебимость обрела:
прочнее стала — от того,
что пышно выросло на ней,
и тяжелее — от всего,
что принялось по ней ходить,
что принялось ее топтать.

И следующий раз Моу-та победил злого духа! Хотя бой длился не день, не два, а год-два. Потом Ня еще раз побывал у любимой женщины, она родила мальчика и девочку, он принес их к себе, и в чуме у него стало тепло. И от этих двух детей пошли все люди, много-много, как комаров в летней тундре. А от Моу-та развелись олени, столько, сколько зимой — белых мух. И всем стало так хорошо, что Ня решил отдохнуть. Лег и заснул. Спал не день, не два, а год. Проснулся — темно. Протер глаза — темно! Солнца в небе нет, за небом тоже нет!

В темноте и холоде лишь Моу-та не растерялся. Взлетел за облака, в глубине неба отыскал Солнце. Стал просить: Солнце, дай тепла, дай хоть лучик!

А Солнце: «Кто пришел сюда?
Зачем пришел? Мы не родня!
Вы нижние!»

Но Моу-та не отступал:
Там, на земле, где света нет,
родятся травы и цветы
и умирают, не пожив,
родятся люди, чтоб страдать,
и умирают, не пожив.
Дай, Солнце, нам тепло — не дашь,
умрет во тьме сама Земля.
Хотя бы лучик, Солнце, дай!

И Солнце сжалилось, велев
любимой дочери: «Отдай
тем нижним людям на Земле
один свой волос золотой!»
Принес тот волос Моу-та
на землю — и среди людей
прижился неземной огонь,
чтоб греть, светить и согревать,
чтоб не погаснуть до сих пор.

Все снова стало хорошо. А потом Духам в Небесах стало худо от людского гвалта на Земле. Люди хворали, плодились, пели, свистели, били в бубны, ссорились... Пока добрый дух Нгуо-Белый не догадался разделить людей. Им будет вольготней, а нам спокойней...

И разошлись люди — быть может, близкая родня, быть может, дальняя родня: юраки, энцы, остяки, тунгусы, лёсы (русские) — стали жить то уходя, то приходя, заговорили на своих Лишь им присущих языках.

Умчи меня, олень, в свою страну оленью...

Северный олень — это... это род, состоящий из одного вида... нет.

Северный олень — это стихия. Сколько на Севере стихий? У нас их четыре — земля, вода, огонь, воздух. На Севере земля, почва — это зыбкая, тонкая прослойка над вечной мерзлотой. Большую часть года она не видна под снегом. Вода — воды там много, но часто в виде льда, который исполняет роль земли, по которой можно перемещаться, и даже гораздо удобнее чем летом. По снегу тоже можно ходить и ездить, и строить на нем дома.

Воздух — воздуха у них очень много, и почти весь свежий. Часто очень морозный, но можно привыкнуть. Правда, летом он состоит в основном из гнуса.

Огонь — скорее символическое явление. Солнца то совсем нет, то есть немного, то слишком много, но холодного. Полярные сияния будоражат и восхищают, но от них не согреться.

И еще одна стихия — стада северных оленей. Если бы не они, жить на севере было бы нельзя.

А люди живут, им нравится, они довольны, раз приспособившись — во времена примерно древнего Египта — они не меняли способа жизни, да и не стали бы, если бы не мы. Какую культуру создали, поэзию, мифологию. Оленя они любили, почитали, ели, приручали. Считали родственником. Может быть и создателем Мира — надо посмотреть в книжке «Легенда об Олене-Человеке». Но до конца так и не приручили. И олень остался тем же, что и был, и главное остался! Диких предков верблюда, коровы, курицы ищут днем с огнем. Вот лошадь Пржевальского вроде бы нашлась, но говорят, это у казахов табун отбился лет 200 назад.

С другими оленями у них очень мало общего. Во-первых, они некрасивые. Длинные с короткими ногами, с толстой шеей (на самом деле это мех такой), длинной, массивной, всегда опущенной головой. С рогами, не всегда такими красивыми, как их рисуют, или вырезают силуэты. Часто они обломаны, не симметричны. Но зато они у всех, у самцов и самок (важенок).

Чтобы добраться до своей скудной пищи, надо выкопать ямку в снегу. И ямку эту важенка огораживает, как костяной корзиной — рогами. Чтобы наглый *хор* не отпихнул и не сожрал добытую с трудом жухлую траву, бурые опавшие листья, кустарнички, хвощи или бесценный ягель. Мудрая природа устроила так, что самцы сбрасывают рога в ноябре-декабре, а самки в конце весны. Кстати, оленьи рога довольно хрупки, но содержат полезные минералы, и местные грызуны их полностью сгрызают. Но и олень, питаясь травой, не глядя слопаёт леминга или птичье гнездо с яйцами и птенцами.

Рога — что... вот как устроена шкура оленя!..

Нет, всякое хитрое приспособление не объясняет, почему олени существуют такими огромными стадами. В кино это выглядит действительно как река, поток, разлив — а в нем водовороты...

На такой скудной пище! Фантастическое растение — ягель (лишайник, а не мох) растет на пару миллиметров в год. И олень сощипывает эти два миллиметра и идет дальше. На 25-30 км в день.

А если снег глубже 50-70 см, то олень теряет больше калорий, чем получает.

Страшно интересное кино, научно-познавательное.

Природа подарила оленям уникальный механизм: в период тьмы они меняют цвет глаз с золотистого на синий. Синие глаза видят менее четко, чем золотистые, однако они в тысячу раз (!) чувствительней к свету.

Изменение цвета происходит не на радужной оболочке глаза, а на отражающей поверхности за центральной зоной сетчатки, называемой «зеркальце». У человека его нет, но есть у многих ночных животных.

В условиях Арктики происходят резкие изменения в освещении: от непрерывного света полярного дня до непрерывной зимней темноты. Синие глаза в зимней темноте могут воспринимать ультрафиолетовое излучение с длиной волны до 320 нм. Северный олень распознаёт важные предметы, которые поглощают ультрафиолетовый свет и поэтому кажутся черными, сильно контрастируя со снегом: лишайники — основной источник пищи зимой, мочу — признак хищников или конкурентов, мех волков. Летом золотистый глаз отражает большую часть света обратно через сетчатку, а зимой темно-синий гораздо меньше света. Повышенная чувствительность происходит за счет снижения остроты зрения.

Что еще мы знаем про оленей? Период гона у них бывает от сентября до начала ноября.

Быки отбивают самок и отгоняют от них других самцов, довольно нервное состояние даже для самок (важенок). Доминирующие самцы почти не едят, непрерывно мечутся, метят территорию, издают «хоркающие» звуки (у эвенков самец называется «хор», у лопарей «хирвас» — один корень) бегают за самками, сражаются с соперниками (не так свирепо, как другие олени, но бывают и тяжелые ранения и даже гибель.). От такой жизни даже очень сильные быки худеют на 15-20%, их силы истощаются, и обладателей гаремов изгоняют из стада проигравшие, но сохранившие силы...

Беременность длится в среднем 7 с половиной месяцев. Оленята у диких оленей рождаются с мая по июнь, у домашних оленей отёл растянут, может начаться в середине апреля. Самки приносят по одному телёнку, редко двойню. Новорожденные пыжики очаровательны, как все дети животных, и вскоре бегают с мамой в стаде.

Зимний мех оленя — это остевые волосы, почти целиком наполненные воздухом. Они очень ломкие. На ногах волосы короткие, очень упругие и прочные, даже наст их не обдирает.

Под густым покровом ости находится тоже очень густой, тонкий, извитой пух. Все вместе создает теплый и прочный, насыщенный воздухом, непроницаемый для ветра меховой покров.

Под кожей олень накапливает за лето толстый слой жира. Поэтому на воде он держится, как мячик. Северные олени великолепно плавают, переплывают реки шириной в 5-7 км, в ледяной воде. Зимой шея оленя обрастает такой густой и длинной гривой, что кажется толстой, как туловище.

Вокруг копыт растут длинные, густые и прочные волосы. Копыта сильно расширенные, все четыре пальца хорошо развиты и постоянно функционируют, сильно отрастающие к зиме щетинистые волосы образуют щетку, как у рыси, северного волка и других северных животных. Суставы средних пальцев могут сильно прогибаться, почти как наша стопа, увеличивая площадь опоры, поддерживая животное даже на рыхлом снегу. На смерзшихся же снегах в тундре олень проходит, почти не оставляя следов. А летом олень так же легко ходит по болотам. Зимой пучки волос между средними пальцами сильно увеличиваются и препятствуют скольжению на льду.

Строение копыт северных оленей сильно изменяется по сезонам. К зиме сокращается мягкая пяточка, копыто сужается, твердеет, чтобы легче ходить и бегать по твердому насту и льду, а также раскапывать плотный снег и добывать корм.

Летний мех значительно короче и мягче. У новорожденных и на первом месяце жизни мех очень мягкий и нежный.

Природа и эволюция так отточили, приспособили этот удивительный организм, что он пригоден только для очень тяжелой жизни и не смог распространиться туда, где теплее и сытнее. Надо бы проверить на Марсе...

Те, кто создали уникальную цивилизацию в симбиозе с северным оленем, питались им, ездили на нем, одевались в него, и вполне ценили доставшееся им сокровище. Шкуру оленя использовали полностью, без остатка. Зимняя шкура называется «постелью», постелью и служит. Одежду шьют из телячьих шкурок, они называются по-разному, мы знаем только слово «пыжик», от недельного олененка, если он, увы, погибнет от мороза. Лучше всего шкура осеннего, шестимесячного теленка, из нее шьют малицы, женскую одежду.

С ног оленя, желательно осенью, снимают «камус», блестящий и гладкий, шьют из него обувь, рукавицы, используют для аппликаций на одежде.

Тонкая летняя шкура от молодых зверей, хорошо выделанная, называлась «ровдуга». Часть шкуры, снятая со лба оленя, идет на подошву для мужской летней обуви. На подошвы для обуви идет так же «щетка», снятая с нижних суставов ног. С нее легко стряхивается снег. Из шкуры от шеи до хвоста шьют малицы, иногда с капюшоном, иногда с воротником. Шкуру с брюха, из подмышек используют на ластовицы, клинья и т. п.

Шили нитками из жил того же оленя.

А ведь есть еще шапки, унты! Правда, есть еще белка, лиса, песец.

Одежду шили женщины, это была их обязанность и гордость: у кого муж и дети нарядней, узоры хитрей. В богатой семье украшали цветным сукном. В богатой семье новую одежду шили чаще...

Палеонтологи изучают особенные «породообразующие» организмы. Вроде ракушек, из которых состоит известняк. Ракушки бывают очень разные. Есть еще иглокожие, кораллы, криноидеи.

А мы будем изучать «народообразующие организмы». Это могут быть и животные, и растения. Вот олени. Они образовали целое кольцо народов в северной полярной зоне — финноугорские народы в западной, европейской части суперконтинента и палеоазиатские в восточной. Может быть, первоначально такими животными были мамонты. Как и сейчас у эскимосов Аляски и Гренландии — киты и тюлени. Но с оленями получилось гораздо тоньше, интереснее. Вряд ли мамонтов приручали и объезжали. Моржей тем более. Олени пробуждали в своих «пастухах» новые потребности и способности. «Пастухами» при стадах карibu были жители севера Америки, наряду с волками. Те и другие следовали за огромными стадами, не пытаясь как-то увеличить численность своих живых консервов, тем более подружиться с ними. Тем самым они, как и волчьи семьи, не могли себе позволить безответственно плодиться и размножаться. И не освоили крайние северные пределы континента, хотя бы до широты Таймыра. Первым звеном этой цепи до сих пор остается ягель.

Растительные организмы порой играли со своими симбионтами злые, очень злые шутки. Монокультуры, пшеница в Междуречье и кукуруза в Центральной Америке, не только уничтожали окружающую среду, но и порождали цивилизации с явным уклоном в сатанизм.

Мы не забыли про князя Гагарина, Матвея Петровича! Он уже, кажется, все про оленей знает. Только и думает, как бы пересесть на коня.

Вот ведь кто народы образует! Да что там, цивилизацию образовал, величайшую — нашу, современную! За что ему честь и хвала и любовь от благодарного человечества.

Крепкий олень может нести на спине до 70 кг, не толстого и не крупного мужчину свезет, пожалуй... но не хочется. Все равно что на деревенской коровенке верхом красоваться. Двое крупных оленей везут до 150 кг груза, за сутки пробегают до 25 км. Олени только бегают, не ходят и не скачут, как лошади. По очень хорошей дороге 18 км/час, а так — от 6 до 12.

Несколько раз во время стоянки поднималась суматоха: оголодавшие волки пытались выкрасть оленя даже из большого охраняемого лагеря. Одного поранили; двух волков застрелили лучники. Но волки не отставали...

Не зря Гагарин разъезжает по тайге, слушает байки бывалых следопытов о чудесах тайги, о нравах и повадках зверей. Истории шаманов, путешествия в поисках опасных духов, чудеса великих шаманов прошлого. Он их уже немного понимает. Шаманы у эвенков — большие люди, их уважают, во всем с ними советуются. Помнят их. У всякого рода свой шаман, но и к чужому могут обратиться, если свой, скажем, уехал на охоту или кочует. Они же и умные, и посредники с русскими, с начальниками.

Есть и шаманки. Страшной силы женщины. Была вот такая история. Давно это было. На Ангаре это было. Её тогда Тунгуской называли. Налетел страшный Карэндо и сожрал всех эвенков. Вот так вот всех и сожрал!

На рубеже XIX-XX веков тунгусы (эвенки) производили на русских ссыльных правдолюбцев такое впечатление:

«С открытым добродушным и беспечным лицом он сохраняет веселость в нищете и не унывает ни перед какими бедами и невзгодами. Преданные и услужливые до раболепства, тунгусы умеют сохранять собственное достоинство и быть гордыми без чванства. Они презирают ложь и могут служить образцом честности.

Воздержанность, умеренность и довольство малым доходят у тунгуса до *pes plus ultra*. По целым дням, даже во время жестоких морозов, он может обойтись без пищи, сохраняя при этом энергию и бодрость».

В XVII-XVIII веке, когда русские познакомились с тунгусами, другие были разговоры.

«Тунгусы друг друга обидеть боятся, чтоб ему тож зло не пришло; а по внезапности учинится обида, то воюют орда на орде, то есть князец на князца». Так русские называли главу рода, вождя, «нюнгэ», что значит «советчик».

Пресловутое «рыцарское вежество» зародилось и возросло задолго до времени феодалов, в родовом строе и возможно в кочевом, когда каждый — воин и член рода и отвечает за себя и свой род. Все правила поведения, пресловутый этикет, рассчитаны на то, чтобы не задеть чью-то гордость — случайно. За оскорблением следует убийство, за ним кровавая схватка. Иногда до полного уничтожения. Обычный мотив эпоса: в побежденном роде остался один мальчик, его вместе с матерью забрали в плен победители, он вырастает, узнает, чей он и кто убил отца его и братьев. В недрах рода-победителя живет будущий мститель. Но одного желанья мало! Надо стать непобедимым героем — «сонингом».

Будущий сонинг готовился с детства, тренировался, как олимпийский чемпион.

Меж тунгусами «бои чинятся великие, и если только меж ими по приказу великого государя им уйму не будет, и в тех их межъусобных боях и смертном убийстве великого государя в ясачном сборе учинится поруха и недобор великий».

Эвенки были отличными воинами. На рубеже XVII-XVIII веков монголы часто вторгались в Даурию, угоняли табуны и стада домашнего скота. Конные и оленные тунгусы охраняли казачьи остроги: «Часто случалось, что пятьдесят человек четыреста мунгалов в куски изрубят». Они бы иногда и казаков изрубали, но щиты, шлемы и кольчуги против огненного боя не защита.

Примерно тогда же русская администрация сумела прекратить междоусобные войны. Произошло всеобщее замирение, и эвенки смогли широко расселиться по Сибири. Припишем эту заслугу своему герою, Матвею Петровичу Гагарину. Это великое дело он и совершил по пути через тайгу в сопровождении шаманов и сонингов (сонинг, если не нужен был в данный момент своему роду, мог наняться на сторону. Фрилансер, словом).

Да... стало быть, налетел страшный Карэндо и сожрал всех эвенков. А одна старуха спряталась под котлом. Он искал-искал, кого еще сожрать, а ее не нашел. Вот она вылезла из-под котла (а она была шаманка) и пошла на берег озера. Там гуси паслись. Старуха выскочила и гусей напугала, они со страху обделались и улетели, она собрала помет, слепила из него катышек, принесла домой, положила в люльку и стала баюкать:

Опэй-э, скорей оживай-ка!

Овэй-э, скорей вырастай-ка!

Почему гусиный помет, а не землю, или скажем траву? Ей видней, она шаманка.

В то самое время, как губернатор Гагарин решился на измену царю и отечеству, царь Петр отправил в Сибирь указ: «Илимского и Якуцкого уездов, или где можно отыскать, лутчих ис тунгуского и ламуцкого народов шитых рож (*татуированных*) до четырех семей да шаманов, которые пользуют от болезни и будто шаманством своим угадывают, выбрать 4 человека лутчих и прислать в Петербург».

Да... как Иван Грозный перед концом за колдунами послал...

А еще эвенки очень стариков уважали. Ничего не делали без их согласия. «Стариков почитают; при встречах с ними в знак почтения подают две руки, а не одну, как остальным. Во время перекочевок за стариками ухаживают; в случае болезни старика останавливаются до тех пор, пока он не выздоровеет. Во время еды стариков потчевали самыми лучшими кусками». А как насчет старух? Женщины у эвенков ценились, рождение девочки было счастьем, роль ее в семье была просто неоценима, обязанности необозримы и тяжелы, возможность дожить до старости проблематична — особенно учитывая риск родов. Но матерей уважали, их совета спрашивали. Может и вкусными кусочками кормили.

В коментах возник законный вопрос: если, как выяснилось, олени-самцы поздней осенью теряют рога, а наоборот оленихи красуются в роскошном уборе, то как же тогда Санта-Клаус?

Ответ пришел в виде статьи с прекрасными иллюстрациями. Автор - Danielle Prohom Olson. <https://holy-matriarchy.livejournal.com/63242.html>

«О, чудесная Олениха... Посреди своих рогов она несёт свет благословенного солнца...»
(венгерская рождественская народная песня)

С самого раннего неолита, когда земля была намного холоднее, чем теперь, и олени были более широко распространены, северные люди почитали самку северного оленя. Она была «животворящей матерью», ведущей за собой стада, от которых они зависели, и, чтобы выжить, и они следовали за оленями, получая от них молоко, еду, одежду и укрытие.

И в наше время стадо ведет, как правило, пожилая важенка, опытная и умная.

По всем северным землям эпохи неолита, от Британских островов и Скандинавии, через всю Сибирь вплоть до Берингова пролива, она была почитаемой духовной фигурой, связанной с плодovitостью, материнством и возрождением жизни (тема зимнего солнцестояния). Её рога украшали святыни и алтари, были похоронены в церемониальных могилах и носились как шаманские головные уборы. Олениху часто показывали прыгающей или летящей по воздуху, с шей и ногами вытянутыми вперёд и назад. Её рога часто изображались как дерево жизни, несущее птиц, солнце, луну и звёзды.

Это очень убедительно. И то, что шаманство было женским делом, и что шаманки плясали в масках с рогами. Потом потеплело, степняки со своими конями и богатырями отгеснили единую оленнюю цивилизацию к Северу, она разделилась на отдельные племена, но многое сохранила в памяти. Саамы и лопари рассказывают про Мяндаша, Оленя-человека. Он был сыном Мяндаш-девы. Женой его стала «дочь человеческая», их дети — Мяндаш-парнь, парнишки-оленьячки.

Невозможно не задержаться, очень трогательная и печальная история семейной жизни Мяндаша.

Жила Мяндаш-дева, женщина-олень. У нее родилось теля — сынок. И скоро превратился в молодого оленя — Мяндаш-парнь (парень). Стал ходить на охоту. Построил вежу из оленьих шкур: опорами были оленьи ноги, стропилами ребра, чистое место хребетной костью обложил. Перевернулся — человеческий облик принял, и Мяндаш дева тоже. Стали жить в веже.

Мяндаш-парнь матери сказал: хочу жениться и взять за себя человеческую дочь. Мать отговаривала, а он свое: приведи человеческую дочь.

Мяндаш-дева обернулась дикой важенкой, переплыла через Мяндаш-йог, кровавую реку, бежала, бежала, пришла к человеческой веже, перевернулась и стала человеком и вошла в вежу. Там жил старик с тремя дочерьми. Стала сватать, старик сначала первую отдает. (рассказ о том, как две старшие дочери не выдержали испытания). Третья дочь угодила, и через кровавую реку перебралась. Вышла и села на берегу, руки положила на колени. Мяндаш-дева пришла к дому, там пыжики-оленцы играют. Она им говорит:

— Подите, ребятки, встретьте молодую.

Они, перебирая копытцами, побежали к ней. Она их приласкала и красные платочки повязала. Тут и Мяндаш с охоты пришел. Диким хирвасом обежал вокруг нее, а она его узнала... Мяндаш-сын вежу построил и стал жить с человеческой дочерью. И жили они хорошо. Пермские мастера отливали из бронзы медальончики: «Семейное счастье», «Мать кормит грудью», «Теплые колени»: отец пришел с охоты, голенького сыночка на коленях держит. Но счастье хрупко. Жена нарушила табу: как ребенок постелю намочит, бросать ее в реку. А к жене мать пришла в гости, пожила-пожила, да и не вытерпела такой расточительности: подговорила дочь постелю подсушить да и положить на место. И олень не смог жить с ней в доме, ушел. Это важный был запрет: когда охотник идет на охоту, от него не должно жилищем пахнуть, человеческим духом. Есть и другой смысл. В воде олени шкуры превращались в рыб, рыбы уплывали в океан, там превращались в уток и возвращались на землю, а тут опять становились оленятами...

А сын был у груди матери... он обернулся пыжиком, олененком, и в тундру за оленями побежал. Мать зовет, кричит, плачет, а он обернулся и говорит:

— Мама, мама! У тебя на коленях было мне хорошо, но здесь, в оленях, веселее, чем у твоей груди. Копытца хрустят на бегу, против ветра бежать мне весело, по воле.

Мать заплакала: Дитя родимое, от меня ты ушел, но от пули тебе не уйти!

Мяндаш-дева или Мяндаш-пырре, Златорогий Космический Олень.

Из книги В.В. Чернолусского

Великой Тьермес гонит грозовые тучи. Голова его в небо уходит... Зеленый мох — его волосы, рвут их ветра и никогда не сорвут.

В руках его радуга-лук; он мечет молнии-стрелы.

Собаки бегут впереди — каждая с оленя-быка.

Тьермес видит добычу, и Тьермес смеется. Громы грохочут, и небо высоко уходит, и падает вниз.

Он бежит; где стопы его коснутся земли — два лога ложится, в них реки текут, а горы ручьями звенят.

Из-за Норвеги далекой, где не наша жизнь, гонит Тьермес добычу. Она впереди, никогда не видима богу, близка для удара, вот-вот ударит молнией в сердце.

То олень бежит златорогий, его шерсть серебристее снега.

Черную голову держит высоко, закинул рога, на невидимых крыльях летит. Глаза его полузакрыты, но не смотри в них человек — от силы их будешь слеп. Уши закрой, как услышишь бег.

Знай: то Мяндаш-пырре.

Знай: когда Тьермес достигнет Мяндаш-пырре, первой стрелой ударит — весь камень гор раздастся, извергнет огонь, реки назад потекут, дождь иссякнет, озера иссякнут, море оскудеет. Но солнце будет.

Знай еще: когда великой Тьермес стрелой вопьется в черный лоб меж золотых рогов, огонь охватит землю, горы закипят, на месте этих гор поднимутся другие, сгорят они, как бородатый мох на старых елях.

Сгорят полуночные земли, и лед вскипит.

Когда на Мяндаш-пырре ринутся собаки и Тьермес нож вонзит в живое сердце, тогда конец. Спадут с небес все звезды, потухнет старая луна, утонет солнце. На земле же будет прах.

Имя громовника у восточных саамов (лопарей) — Тьермес — напоминает имя небесного бога обских угров, Торума: может быть, это имя восходит к божеству, которому поклонялись еще общице предки саамов и угров в эпоху прауральской общности.

Матвей Петрович столько сказок переслушал — не вспомнишь, в какой про что. Вот старуха эта, шаманка, еще в котле пряталась и гусиный помет в люльке баюкала. Может, она не просто шаманка, а сама Рогатая Матерь Оленей? И котел опять возникает... может, это тот самый «Котел из Гундеструпа», кельтский, на котором Олень-Человек?

А он в люльке-то вдруг запищал, ручками задвигал, встал на ножки, встрепенулся и говорит: Бабушка, а где все?

Она ему на небо показывает: злой Карэндо навверх улетел, его не найдешь, только, ай-ама, след в небе остался.

А Мурэвул уже могучий, красивый, большой. Взял крышку от котла, разбил пополам и крылья сделал. И полетел, эйюкэ, эйюкэ. Взлетел к облакам, по следу нашел жилище Карэндо. Видит: у входа снаружи лежат железные крылья. Стал он их подпиливать... а когда подпилил, стал вызывать врага на бой, кричать во всю мощь:

Олэло, Карэндо, выходи, померяйся силой со мной!

Олэло, зову я слетать на Ламу (на море, т. е. на Байкал).

А у Карэндо в ногах слабость, в руках дрожь. Но все же надел крылья, вылетел, стал парить над морем. Мурэвул взлетел выше, ударил его сверху, Карэндо стал падать, крылья его сломались, брюхо прорвалось, все эвенки вышли на свет. А сам он рухнул в море, ослабел, уменьшился, стал вороном.

Дальше, наверно, из другой сказки или нескольких других. Мурэвул стал большим, стал охотником. Вот только у него жены и детей не было. Однажды сидел он у костра, мастерил стрелы, вдруг видит, над ним летает прекрасная женщина: то вверх, то вниз. Мурэвул сразу захотел ввести ее в свое жилище, детей от нее народить. Зовет ее, а она не спускается. У этой женщины было загадочное прошлое: ее преследовали волки, гнались за ней по следу крови из раны (кем и когда она ранена, остается за кадром). Мурэвул построил дом, она спустилась, и стали на ложе одном,
на шкурах оленьих вдвоем
закат провожать, а рассвет
в объятиях жарких встречать...

И все стало хорошо. А потом стало плохо: тяжелая зима оленей повыбила. Мурэвул взял семью и пошел в другую тайгу искать диких оленей. Вдруг видит — Лягушка ведет оленей! Его оленей, тамга его (надрез на ухе). Так иль иначе, оленей он отспорил, переиграл лягушку в загадки. Потом у них было еще много приключений, и все стало хорошо.

Матвей Петрович любопытствовал о верованиях разных народов, теперь вот эвенков.

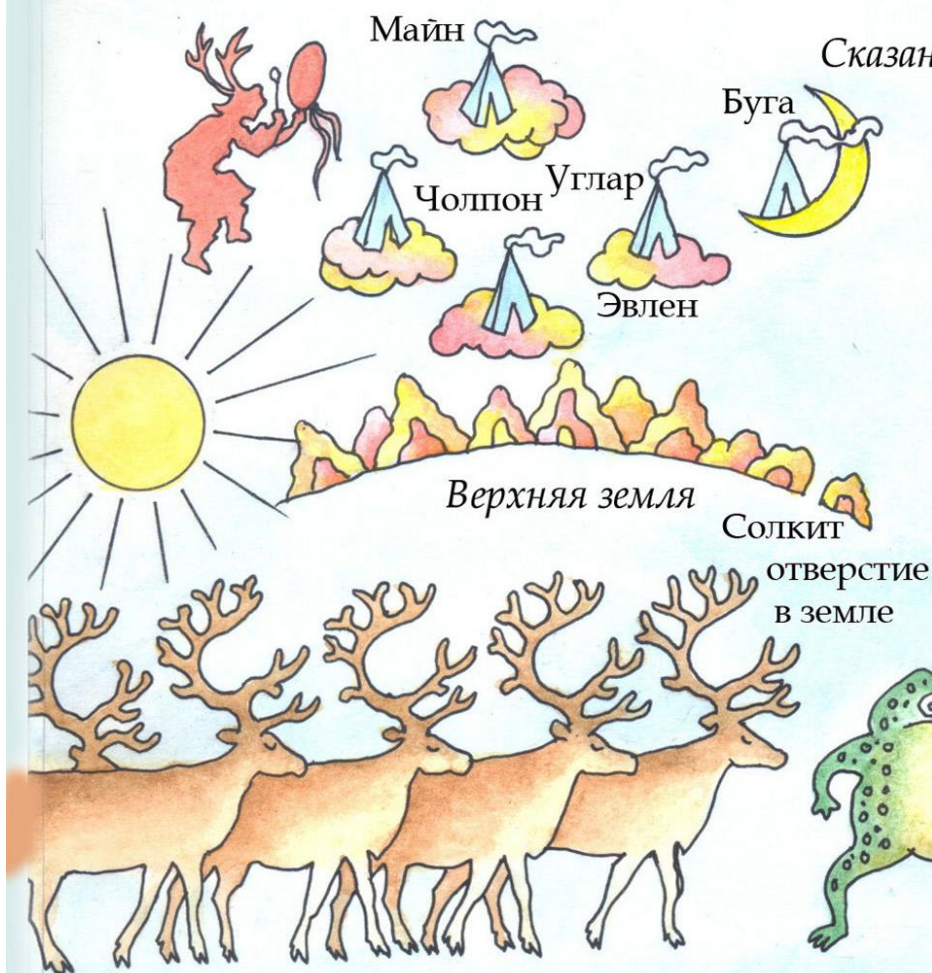
Спрашивал мудрого сильного шамана Миану Кимонко: ну, а бог-то у вас кто? У Вогулов — Нуми-Торум, отец, и Мир Суснэ-хум — сын. А у вас?

Шаман Кимонко ехал вместе с князем на Большой Суглан, собрание нескольких родов по окончании сезона охоты. Старейшины согласились встретиться с Правителем, обсудить и решить важнейшие вопросы, уладить споры из-за угодий. Да мало ли было проблем, кровная месть была, иногда удавалось замирить.

Кимонко не совсем понимал, о чем речь. Может, правда, не хотел понять. Зато рассказал, как устроен мир. Вот наверху, на небе, на Луне (Буга), на Венере (Чолпон), на Большой Медведице (Эвлен), живут гордые, заносчивые люди, они жителей Средней Земли, темных и отсталых, презирают. А вот в самом верху живет Майн, страшной силы богатырь. К нему и летают шаманы...

Правда, Майн, говорят, состарился, устал, спустился на лыжах на Среднюю Землю. На небе след его можно увидеть, Млечный путь...

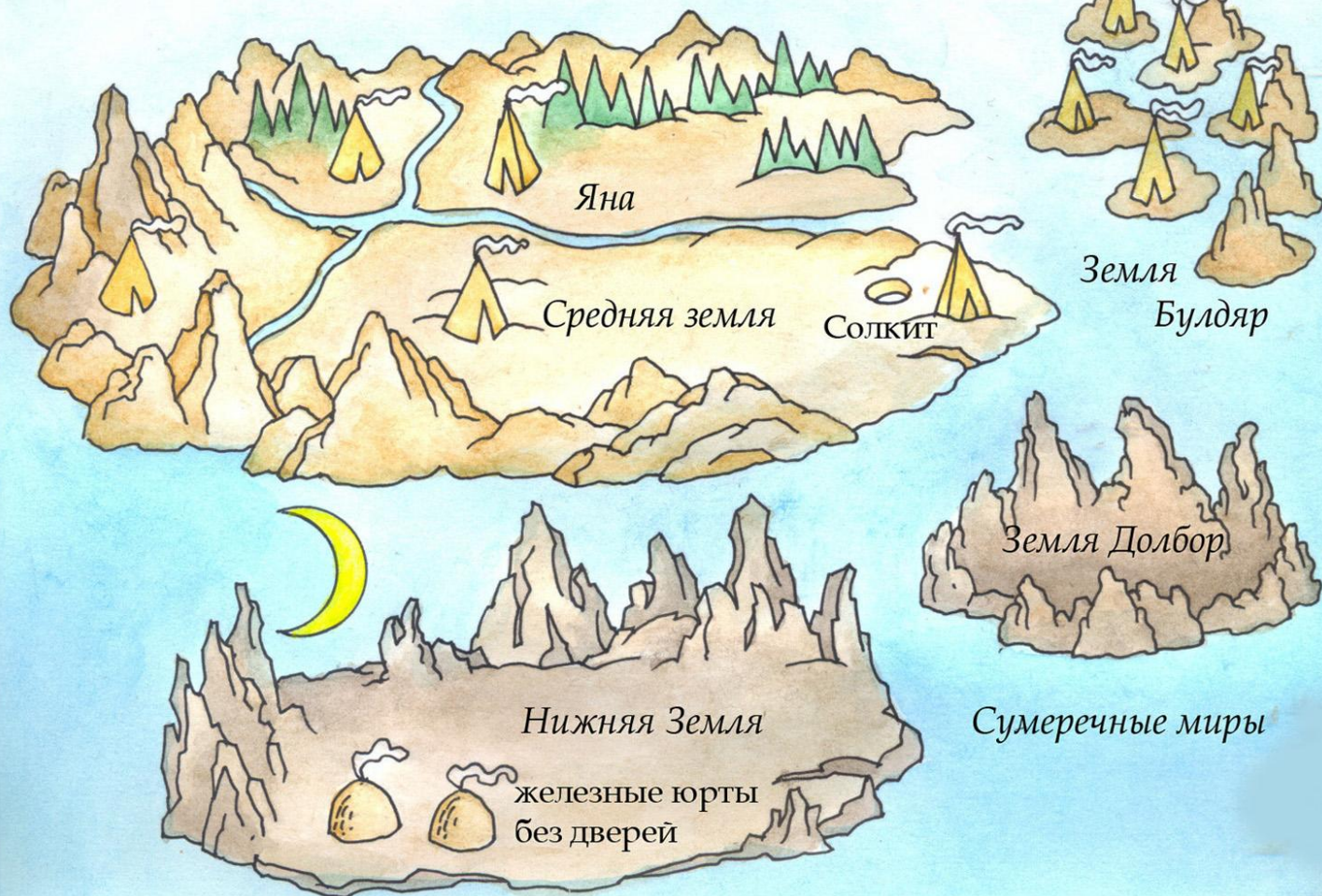
Эвенкийская космогония как ее изобразил художник-эвенк Семен Надеин

Сказание ангаро-енисейских эвенков
МУРЭВУЛ, Фрагмент.

Мурэвул лягушку спросил:
Олэло, откуда олени?
Олэло, олени твои ли?
Олэло, где стадо взяла ты?
Нисколько его не стыдись,
Лягушка сказала ему:

Эдайэн, олешки отбились,
Эдайэн, я их подкормила,
Эдайэн, мои ведь олени,
однако!

Как же объявил князь Гагарин о создании, если можно так выразиться, нового субъекта мировой политики? Какое изобрел административное устройство для новопровозглашенного государства (никем пока не признанного)? Кем себя назначил?

Никак. Никакого. Не провозгласил «Сибирь» государством. Титула для себя не придумал. Определенных обязанностей на себя не принял и на новых подданных не возложил.

Собрание нескольких эвенкийских родов походило на большую ярмарку, на которую приехали ханты, татары, якуты, буряты и даже казахи. Даже чукчи. Слышали, что теперь будет как-то по новому, что большой русский начальник ездил по улусам, расспрашивал, как люди живут. И теперь поставил свою ярангу — или палатку, или чум — неподалеку от места суглана эвенков. С ним, помимо казаков, попы, купцы, грамотеи, лучники верховые, оленные и конные, из разных народов, шаманы. Горят костры, котлы кипят, мясо варится, чай. Приходящих любопытствовать не прогоняют, а почтенных людей, у кого дельный к власти разговор, губернатор принимает у себя, разговаривает, расспрашивает. Есть у него толмачи на всякий язык. А еще сидит у его локтя человек, значки на бумаге рисует.

Князь все разговоры сводит к тому, что если будут враждовать роды и племена, биться насмерть за угоды, сильные воины друг друга истребят, семьи, дети их погибнут, скоро на их земле не чукчи с юкагирами будут воевать, а русские с китайцами. Словом, ребята, давайте жить дружно.

Кто сейчас в Сибири Матвей Петрович? Был он — русского царя главный генерал. А теперь — Большой Человек, Сильный Человек. Над его юртой Бело-зеленый флаг развевается, цвета снега, цвета ели.

«Где произошла последняя битва гражданской войны.

27 апреля 1922 года было объявлено об образовании Якутской Автономной ССР. Многие сложили оружие, но не генерал Пепеляев, к тому времени прозванный «сибирским Суворовым». Интересно, что Пепеляев, учитывая настроения местных русских, в первую очередь купцов и промышленников, воевал не под российским триколором, а под бело-зеленым знаменем Сибирской автономии, провозглашенной в 1918 году».

Через два года можно юбилей отметить.

О юбилеях тоже хочется замолвить слово...

Не нам бы праздновать победу над Японией. Сколько мы американцев Хиросимой попрекали, сколько их проклинали, врагов рода человеческого, что адскую силу с цепи спустили. А сколько бы мы своих солдат в этой Японии положили, последних сыновей в семьях... да и японцы могли бы посчитать, во сколько жизней им бы обошлась война до последнего — с очевидным концом. А мы, *непито-неедено*, островочки таки себе прибрали. Просто за то, что отменили договор о ненападении.

Когда-то давным-давно в редакции «Вокруг света» один автор рассказывал. Он служил в самое последнее время на самой границе, наверно, на Сахалине. Или в Маньчжурии? Стоял на берегу реки наш форт, а на другом — японский. Они все друг друга в лицо знали, когда у кого завтрак, когда баня. И вдруг наш один перебежал (переплыл) к японцам. А он мог выдать главную военную тайну: что за пределами вот этого форта и до Урала — ни одного нашего солдата...

Они отобрали группу смертников, чтобы ночью вплавь, с одними ножами, ворваться к японцам и предателя убить. И не успели: видели, как его на санях увезли, так сказать, в тыл. А вскоре и война кончилась.

Не первый раз Матвей Петрович встречается с вольными сынами природы. Как Пёс Государев (слегка вороватый пес) принимал их лучших людей в резиденции. Был строг, но справедлив, а затем и милостив. Угодья их посещал. И охотился с ними. И на медведя, и на лося, и на кабана. И на лебедей, и на рыбу. Да, сибирцы рыбу не ловят, они на нее охотятся, с гарпуном или луком. А где еще друг друга лучше узнаешь? Они ему нравились. Потому он и затеял опасную свою игру — ради них. А еще — ради гор и озер, ради елей и звезд.

«Меж вершин елей как свечи стоят звезды. Миры неведомые. Хоры дивные светил. Кто зажег их? Кто учредил эту бесконечность? Кто учинил это величие? Кто и что там дальше звезд?.. Тайна умом непостижимая, но поклоняемая и славимая. Истоки жизни на земле оттуда. Потому что Земля частица Вселенной». *Б.Шергин.*

И каждому самоеду и вогулу до этого есть дело. Гонит он оленей по бесконечной снежной тундре, сидит в нартах и поет, поет. А над ним сполохи красно-зелеными столбами... А Петру в грязном развороченном болоте, в Петербурге, нет до этого дела. Там и неба никогда не видно.

Как истый европеец, князь склонен восхищаться добродушными дикарями. Их мудрость в жизни он переоценивает в укор современникам, соотечественникам. Честны они безусловно! (Князь правда знает, что со своими, но все-таки...). Правдивы, гостеприимны, независимы, бесстрашны. И в одиночку будет охотник бродить по лесам неделями, а на охоте, вкупе с друзьями, действуют как один человек — там не остановишься, не согласишься, что дальше делать, кому куда бежать. Охотник, он и следопыт, и снайпер, и стратег. Не то, что крепостной увалень, которого муштруют: сено-соллома... Он и не даст себя муштровать. Его старшие родственники всему выучили, и подчиняться — тоже. До 40 лет тунгус в подчинении у тестя, отца, дяди. Очень стариков почитают.

Да, вот так у них в семье: стариков — почитают. Мужчин — уважают.

Женщин — ценят. Детей — любят.

Очень любят детей, забавляются с ними, и старики, и старухи, и матери, и отцы. Семья!

А семья только у диких и может быть, думает Матвей Петрович. Если есть царь, да что там, помещик завалющийся — какая может быть семья? Какой ты мужчина, за что тебя уважать, если ты растил сына, помощника, а у тебя его забрали, угнали за тридевять земель и там убили. Кто, зачем? Что он им сделал? А тебе?

А помещик дочь заберет, а то и жену. За что тебя жена будет бояться, если ты ее не защитил? Бояться-то будет, ты ее бьешь, над детьми куражишься, а тебя самого бьют плетьюми и палками. Ты разве муж? Ты тварь дрожащая.

Только решила пройтись насчет традиционных скреп, а Дзен уже материал подобрал. Про главную Няню российской истории и литературы.

Арину Родионовну взяли из семьи, от мужа и двух детей, беременную, сорокалетнюю, к Ольге, старшей дочери. Младенца, как родился, в деревню отправили, выжил ли? На похороны мужа непустили, и на свадьбу старшей дочери. Уж много спустя, в Михайловском, старушка душу отвела — была при Пушкине вроде ключницы, старшая над прислугой. Пушкин вряд ли в хозяйство вникал. Потом и оттуда ее выдернули, у воспитанницы ее Ольги дочь родилась. Тут она вскоре и померла.

А что сейчас? Сына заберут и на убой отправят. Или заразят в казарме. Или, как недавно, из парнишки сделали чудовищного убийцу. Как быть? Какая тут к черту семья?

Якуты, и манси, и тунгусы очень бы удивились, скажи им кто, что русские бьют детей. Зачем? Дети — это радость, забавные, словно зверушки. Младший брат старшего слушает, любое повеление его радостно исполняет, оба они родителям не прекословят, не говоря уж про стариков, а с теми, кто младше их, обращаются терпеливо и ласково. Родители детей ласкают, но не балуют. А у мальчиков одна мечта: скорей бы вырасти, стать охотником. В десять лет мальчик умеет освежевать зверя, которого отец убил, найти в лесу домашних оленей и пригнать их, петлю на зайца поставить. Из лука стрелять, верхом ездить на олене, на коне — это забавы, это и девочки умеют.

Да, а девочки? Они тоже хотят вырасти скорей и выйти замуж? Жизнь у женщины была ох нелегкая... Ну что же, девочки хотели стать, как мама, так же все уметь, все делать быстро, ловко, красиво: поставить чум, сшить и украсить одежду, младенца спеленать, и так, что приезжие родственницы скажут: ах ты искусница наша, умница-разумница...

Матвей Петрович, обходя стоянки двенадцати племен, посматривает на румяных черноглазых малышек. Возятся, как кутята, под ногами у родителей, пищат, хохочут... Он-то своих детей детства и не видел, где-то они там в детской с няньками, жена с другими дамами, а он царю служил, карьеру делал. Может взять да жениться? А что? Хоть и на тунгуске.

«Молодые женщины приманчивы по причине изрядного расположения лица, чрезвычайной веселости и вежливости...» Чрезвычайная веселость — при таких-то нагрузках! Всё, кроме непосредственно охоты, т. е. поисков и убийства зверя — всё на них! Одна возня со шкурами, свежевание туши, выделка, и всё вплоть до нарядной красивой шубы. Дрова для очага, стряпня. Да еще роды и кормление! И разобрать жильё, уложить на нарты, всю кухню, одежду свернуть, упаковать и на новом месте все выстроить заново, всех накормить и спать уложить!

Жена и дети... лучше не думать. Страшно. Предал он их. Две красивые светские дамы, нарядные, напудренные, брови надменно подняты. Молодой придворный, офицер в блестящем мундире. Если бы он тогда их позвал к себе... Нет, не поехали бы. Да и не успели бы. Что с ними будет? Что царю в голову взбредет? Никто вообразить не может.

До отъезда в тайгу адъютант показал ему три письма, одинаково сложенных. Привез, говорит, купец один, незнакомый, тайно к нему пришел, письма для князя от семьи. Как же, незнакомый купец; они все наперечет. Назвался бы погонщиком уж тогда.

— Ты письма вскрой осторожно, — сказал Матвей Петрович, — потом обратно заклеишь. Ему покажешь, говори, не смог передать, не нашел времени. Я приехал, навел тут на всех грозу, распоряжений надавал, даже в баню не сходил, умчался дальше. Уеду я точно: чюкч мирить с с юкагирами. А там в море уйду, моржей бить. В баню-то схожу, туда мне письма занеси.

Сердце рвется, а рассудок видит: письма как под диктовку, все про одно: Драгоценный супруг... любезный отец... милый папочка... вернись, Государь все простит, ценит твои прошлые заслуги, нужна ему твоя служба, все забудет, имущество вернет, дома твои и земли не конфискованы, только описаны. Будешь жить в московском дворце, пиры устраивать... Плакать или смеяться? Что власть с людьми делает... Что царь с его семьей сделает? С друзьями, слугами? Ехать к юкагирам, не ехать — какая разница. Значит, ехать.

А что царь затевает всерьез? Войну? Поход на Тобольск? Не слышно, что поход собирается. А как соберется? Сколько дней маршировать от Астрахани? От Казани? Русские на русских... Петр не постоит за этим, бунтовщиков истребить святое дело. А что наши казаки скажут? Взбунтовать башкир, калмыков? Армию собрать из них, из монголов, бурят. Вон тунгусы на площади развлекаются. Верхами из луков стреляются; стрелы на лету ловят. Скачут, стоя на седле, под конским брюхом, кольцо с земли поднимают, спрыгивают с седла и запрыгивают... Кони плотные, коротконогие, так и катятся. Сердитые. Улучшать породы надо. Чтобы и в снегу паслись, и мороза не боялись, и голодали неделями, и поприглядней были. Бурятам рыжие, башкирам вороные. Бойцам кафтаны суконные...

Суконные. Это хорошо. Армию содержать надо, конные дворы денег стоят. Продавать в Китай пушнину — это останется, но этого мало. Надо заводить производство, фабрики строить. Суконную, в первую голову. Шерсти овечьей кругом девать некуда, и казахам, и калмыкам, и монголам. Домашние мастерские есть кой-где, но надо мастеров добывать настоящих, чтобы качество было. Войлоки валять можно, это они и сами умеют, а вот сукно... Еще бы хорошо попробовать делать фарфор... Мастеров китайских выманить. Похуже, попроще, зато дешевле. И расписывать в монгольском вкусе. Вот вернусь от эскимосов...

Проще бы Петру подослать к нему убийцу. Да не одного. Или агента: здесь найдет, подкупит. Тогда армия подойдет уже только отловить изменников, сообщников, заковать, увезти в Петербург, там казнить на площади. Здесь на месте будут разыскивать еще долго... Долго ли продержится вольная Сибирь? Бесстрашную его гвардию, закаленных рыцарей с верными их конями расстреляют из пищалей и пушек замордованные крепостные русские солдаты. Не придется бравым генералам покорять Сибирь заново до края океана. Бывшие уездные правители сами прибегут каяться: их-де принудили, заставили... одних повесят, других помилуют, новых пришлют. Туземцам двойной ясак назначат. Кто-то взбунтуется — один народ на другой натравят. И пойдет все по-старому, по бывалому...

И об этом говорит князь в собрании мудрых стариков и вождей. Все понимают дети природы: за плечами у них мудрость многих тысячелетий выживания. Таких испытаний новые языки, вроде татар или русских, не знали и не видели. Да и не пережили бы, случись с ними. Умирать за русских, парабитителей или освободителей, не пойдут. Подождать можно...

В кругу почтенных тунгусов, вогулов и якутов сидит незнакомый князю человек. Не старый. Ни на вождя, ни на богатыря не похож, но его знают, сидит как равный. Скромно молчит, иногда на князя взглянет внимательно, словно спрашивает. Лицо умное. Потом объяснили, знаменитый шаман Дюхадэ из народа Ня, нганасан. Его и в других племенах знают. Зовут, когда свой шаман не справится. Сюда он сам пришел, без зова. Пришел, верно, посмотреть, что за правитель такой, от русского царя отложился... Что же, пусть смотрит.

От чукчей на общем совете гость. Статный красавец, очень вежливый, внимательный. Интересуется торговлей. Чукчи гордятся верностью традициям, что слегка осложняет жизнь. Новые полезные обычаи в торговле никак не приживаются.

Чукчи и эскимосы, когда не истребляют друг друга, встречаются, чтобы торговать. Моржовые кожи обменивают на деревянную утварь, мех и тюлений жир. Обмен — почти военное действие. В одной руке копье. Любое недоразумение переходит в кровавую развязку. Обиды множатся, льется кровь. Из мести чукчи до американского берега добирались. Отомстят, захватят добычу и пленников. Когда война становится слишком истребительной и затяжной, заключают перемирие. Договор скрепляют клятвой солнцу, убытки возмещают.

Безопасный обмен — «немой торг». Одна сторона оставляет свои товары и отходит. Другая кладет напротив нужной вещи свою — или свои — и тоже отходит. Иногда, прежде чем «договориться», бывает несколько встречных «предложений».

Приобрести таким образом что-нибудь новое, не традиционное, о чем услышал и мечтаешь, невозможно. А чукчи слышали про русский «огненный бой». Если правда, что рассказывают — тогда держись, эскимосы, каряки и юкагиры!

С этим молодцом Гагарин долго беседовал вечером в гостях у знатного якутского «князца», вождя. Тот был когда-то славным воином, богатырем. Нынче славен оленями, конями, и верблюдами даже. Весь род его могуч, много в нем молодых воинов и охотников, торговцев, певцов-олонхосутов, сказителей. Девушки все до одной красавицы, с ним любили родниться русские начальники. Его дочь видел Матвей Петрович у своего прощенного изменника.

Сидят они на вольном воздухе вокруг огня, говорят неспешно о том, что раньше было, и что еще раньше, и что совсем у начала времен. Гагарин рассказывает, откуда она взялась, русская земля, откуда пришла и куда еще собирается пойти.

— Русские были люди одного языка, но нескольких родов, и эти роды враждовали. Старший в роду не был вождь, они приглашали вождя из одного главного рода, княжеского. В Руси много городов, как Тобольск и Нерчинск, только людей в них больше. Города богатые, торговые. И они все между собой воевали, грабили и убивали. И вот пришел Чингисхан с большим-большим войском, и по одному эти города завоевал. А они не могли помириться и воевать против него вместе. Чингисхан завоевал Русь и отдал в удел сыну своему Джучи...

Собеседники радостно кивают: «Сокровенное сказание» все слышали, все знают. И все, кроме чукчи, неплохо понимают русский, а ему переводят коряк с юкагиром.

... вместе с казахами, татарами, калмыками, мордвой и черемисой. И владели потомки Джучи нашим народом, пока не стали ссориться и сражаться меж собой. А Русь тем временем объединилась, Орду прогнала, и всех, кем Орда правила, отвоевала. А кто платил дань Орде, тунгусам, вогулам, самоеди, велела себе платить. Казахи еще пока вольно гуляют.

Сила у русских огромная, у них огненное и железное оружие. Сибирь большая, горы в ней высокие, реки быстрые, леса дремучие, народов в ней много, все люди храбрые и сильные. Если царь узнает, что вы друг за друга стоите, он не поведет своих солдат в тайгу...

Нехитрая у князя дипломатия. Все глядят на чукчу, воителя, пока ему переводят, а он слушает. Выслушал. Гордо вскинул голову. На коряка посмотрел искоса.

— Нельзя людям не воевать! На земле места не будет! В море зверя не хватит! У меня три старших брата было, двух в бою убили, одного медведь! Я их жен и детей питаю, сыновья вырастут, пойдут воевать, меня тоже враг убьет, сын отомстит — так всегда в жизни!

Да-а, поговорили. Никто не в обиде. Дюхадэ блеснул глазами и на Гагарина посмотрел. Гагарин завтра-послезавтра отбудет с чукчей и коряком посмотреть, как это на кита с баркаса охотятся. Может, кит баркас опрокинет, или морж клыками разобьет. Кто-нибудь глядишь и погибнет, четвертый славный брат или сам Матвей Петрович. Вот и место на земле освободится. А Государству Российскому одной проблемой меньше. Да-а, понимает князь Гагарин, жизнь — не самое главное в жизни...

Тем более, что мужчина, погибший, как ему и подобает, на земле, оживает в одном из иных миров, «как цветы, что здесь увяли, расцветают снова в небе», а миры эти сложно перечислить, в них обитают удивительные существа, особенно в «Облачной земле», Верхнем небе... иногда главная душа поднимается в небо, а другая — «тень» — через погребальный костер отправляется в царство мертвых (но они там живые, там обитают «люди ранних времен», вот с кем поговорить интересно!) через промежуточный мир собак, с ними надо быть поласковой. Неподвижная Полярная звезда отчасти существо Верхнего мира, отчасти привязь для других звезд-олений, но при этом она проход во все другие миры. К ней прилетают на орле или громовой птице, поднимаются по солнечному лучу или дыму костра, или по нитке от воткнутой в небо иголки... Послушаешь вот так-то шаманские байки, и покажется тебе, что «жизнь есть сон»; только почему-то в данной фазе этого сна тебе могут сделать очень больно.

Звезды в небесах...

Ах, какие крупные,

Ах, как высоко...

Гордый лауроветлан ушел в свою ярангу. Матвей Петрович только любезные слова подобрал, только привстал, а тут костер поправили, чагу свежую заварили, трубки раздали. Все оживились, поудобнее устроились. Что еще будет? Придвинулся ближе молодой парень, руки на коленях сложил, зажмурился и запел... Концерт, значит. До рассвета. Как бы не задремать...

Старейшины трех великих родов	На вечные времена
Стали главарей выбирать,	Избраны были – Одун Биис,
Неподкупных грозных судей	Чынгыс Хаан
Для верхних и нижних племен.	И Дьылга Тойон,
Равные властью судьбе —	А писарем был приставлен к ним
Владыками трех миров	Длинный Дьурантай, —

Якутское пение живо и очень точно описал Короленко.

«С некоторого времени до меня стали долетать странные звуки. К однообразному скрипу полозьев и к шуму тайги присоединилось еще что-то, точно жужжание овода, прерываемое какими-то всхлипываниями. Видя, что я с недоумением оглядываюсь, стараясь определить источник звуков, казак усмехнулся и сказал:

Это он поет песню. Вам еще не в привычку.

Это была действительно якутская песня — нечто горловое, тягучее, жалобное. Начиналась она звуком *а-ы-ы-ы-ы...*, тянувшимся бесконечно и по временам модулируемым почти истерическими, рыдающими перехватами голоса. Странные звуки удивительно сливались со скрипом полозьев и ровным шумом тайги»...

Тонкий и любознательный писатель, сосланный правдолюб, не знает, что монотонное «жужжание» несет может быть самые лиричные, самые драматичные, возвышенные слова и чувства... Он еще поведает о странной особенности якутов петь всегда и везде, объясняться пением, даже во сне. Среди его невольных сотоварищей найдутся и те, кто выучит язык, расшифрует странный феномен, запишет тексты и откроет для научного исследования. «Кто знает, что было бы, если бы у русского правительства не было похвального обыкновения заселять самые отдаленные окраины европейски образованными людьми?»

Во времена князя Гагарина эта процедура только началась — заселили отдаленную окраину пленными шведами, по европейски обычными людьми, но намного, намного более образованными, чем само русское правительство.

Сам же Матвей Петрович то ли от усталости, то ли от чаги с дымком, под монотонное красивое звучание с ритмическими эмоциональными вскриками погружается в блаженный покой... он не чувствует усталости, не чувствует своего тела, не беспокоится, что заснет. Он уж спит наполовину, «как только в раннем детстве спят», и во сне ему показывают что-то пестрое, неразборчиво-красивое, меняющееся...

За его лицом тихо следит незаметный в кругу Дюхадэ. Он готов ответственно подтвердить мои слова: чагу они пили! Действительно чагу, а не мухоморы! Не было у них этого в обычае!

Чукчи — да, у них это была своя культура, были духи мухомора, мухоморные девушки. Но это совсем-совсем другая история.

В сны цветные заглянуть...

Нет, не хочет князь засыпать, прерывать ту странную реальность, что сейчас под пение созерцает... Красота по-якутски — это гроза и буря, сотворение мира, и тучи в тучи ударились, и ветры с ветрами сшибались, и устремлялся гром на гром...

...И гибнут горы. Возникают горы. И новых гор низринута страна...

У истока смерти самой,
В глубокой чаще лесной,
В пещере – откуда весь день
Через дуплистый пенёк
Клубится кудрявый дым,
Будто поднимает рога
Трёхгодовалый олень,
Там был небожителями поселен
Старец-ведун Сээркээн Сэсэн,

Чтобы зорким оком он был,
Предсказателем велений судьбы
Тридцати пяти племенам,
Населяющим Средний мир.
У дивного того старика
Длинная до земли борода.
На глыбах каменного плитняка
Пишет он маховым орлиным пером,
Окунает перо в орлиную кровь...

А за волшебным пером
Приставлена смотреть,
Прислужницей верной быть
Проворная девушка-удаган,
Белоликая дочь небес...

Красивые сны снятся
под монотонное пение.
Красивые девушки снятся...

Мне двадцать лет... Я молодой... Я храбрый...

Князь очнулся.

У костра напротив сидит, улыбаясь, хозяин праздника, знатный якут. Курит. Протягивает чашку чая и трубку. Давно бывший губернатор не чувствовал себя таким молодым...

— У тебя в гостях шаман был? — спрашивает.

Вождь кивает: Дюхадэ, очень сильный шаман. Самый сильный. Все духи его боятся, горные, лесные, морские.

— Не погадать ли мне на мое путешествие? Вернусь или не вернусь?

Якут качает головой: — Не надо тебе гадать. Вернешься сильный, богатый. Жену тебе дадим.

— У меня есть жена, сам знаешь. В России.

— Ту жену тебе поп дал, эту мы дадим. Чтобы ты был нашего рода. Ты один, кто тебя защитит? Нас много, мы сильный род, и союзники наши сильные роды. Жену дадим знатную. Что делать, отказываться — обидишь...

— Спасибо. Моржовую шкуру привезу — калым.

— Калым не надо, сами даем...

Стремительно, как побег, совершается инспекционная поездка правителя Сибири на восточный край его владений — туда, где океан, киты, где солнце встает, а дальше только Америка, и больше ничего. Ничего: по приказу Петра Беринг метался взад-вперед, должен был обнаружить Ван-Дименову Землю, не решаясь вернуться, не исполнив царского указа. Ибо царю в Голландии жулики сбывали единственную в мире карту несуществующего материка. Мореходы откладывали возвращение, пока не стало слишком поздно, и почти все погибли...

Гордый воин Тынэнкай спешит преодолеть огромное расстояние, пока снег плотен, пока олени не начнут пробивать тающий наст копытами, ранить ноги острыми ледяными краями. Дважды в знакомых улусах они меняли оленей, как ямщики меняют коней на станциях. Некогда останавливаться на пастьбу. Двое суток они мчались без перерыва, но дальше подставы не случилось, и они ночуют в лесу. Матвей Петрович засыпает прямо на нартах.

С ним один только ординарец, он же курьер, он же телохранитель, слуга, письмоводитель — грамотный, казак, полуякут Павел. Павел — не Павлушка. Он помогает развести костер, пока в котел чего-то бросают, заваривает чай, губернаторский, настоящий, китайский. В стороне олени разгребают и глотают снег, ищут под ним жухлую траву. Беспокоятся. Погонщик тоже неспокоен, отгоняет их от леса. Кто-то видел медвежий след — шатун небось...

Все тихо, дым поднимается вверх по стволам лиственниц. Матвей Петрович, проглотив залпом чашку почти кипящего чая, предлагает его другим путешественникам. Тынэнкай и почтенный эвенк, посланец к чукчам, берут пиалы — и вдруг замирают: какой-то звук из леса, не то взвизг, не то стон. Дерево, может, скрипнуло? Но трое молодых спутников, юкагир, эвенк, чукча — мгновенно исчезают в лесу по ту сторону костра, казак Павел с чего-то бросается на князя и валит его на нарты, а взрослые бойцы привстают и смотрят в лес.

— Волк, — говорит Тынэнкай.

— Волчица, — поправляет эвенк.

— По человеку, — говорит Тынэнкай.

Весь сыр-бор из-за волка? Чем он опасен такой компании?

Следопыт Пананго, эвенк, почти не обеспокоенный, набивает трубку, садится на нарты рядом с князем, чтобы разрешить его недоумение.

— Волк другого человека увидел, не нашего. Нас они всех видят, вон там все сидят, — широко обводит трубкой окружающие заросли. — Ждут, может олешка схватят, или уйдем, им от нас останется. Всегда оставляем. А волчица другого человека почуяла. Зачем прячется?..

Двое молодых бойцов выводят — выволакивают из леса... медведя. Под локотки. Тащат к костру, бросают на снег. Где-то внутри медвежьей шкуры прячется маленькая человеческая голова без шапки, черные волосы взлохмачены, из рукавов торчат голые руки. Один боец в левой руке держит большой лук. Другой, стряхнув пленника, бросается обратно в лес.

— Оленя пошел ловить, — сообщает тот, с луком.

— Верно, хороший у него олень, — объясняет правителю Павел, — давно от нас не отставал.

— Ты почему знаешь?

— След медвежий видели, — говорит Пананго. — Обмануть нас хотел. Следы от задних ног только. На тебя, Матвей, охотится! Большие деньги за тебя, губернатора, царь обещал! Стадо оленей, тридцать голов, десять кобыл, жеребца, коров... Любой бедняк человеком станет, жениться хоть сейчас можно!

Какую же награду, сколько денег назначил Петр за мою голову? — прикидывает Матвей Петрович. — И кто тут пересчитывал в скотские головы, за вычетом своей доли, немало?

Никого нет

Никому верь

Потуши свет и закрой дверь

Кому доверять? И зачем? Вот сейчас мятежный губернатор доверяет свою жизнь чужим людям, занимающим, видимо, высокие места в неведомых ему иерархиях. Очень ему хочется поехать посмотреть, как они живут. Когда-то мог бы пойти к ним с вооруженными отрядами. А теперь он изменил властителю, который ему...

Вот уж кто никому не доверял. Сыну родному... да, я тоже за казнь голосовал, что мне этот заморыш. Верность соратников, сообщников царь покупал, щедро платил, а потом страхом удерживал. Смертным страхом... А мы державе не за страх служили... а за что? Мы, Гагарины, знатней Романовых, Рюриковичи.

Князь смутно чувствует, что у людей, живущих по неписаным и неизвестным ему законам, существуют понятия о защите гостей, странников, изгнанников — послов, допустим. Нарушение таких понятий повлечет позор хуже смерти, главное, на весь род. Может быть так, может и нет. У эвенков ложь и воровство невозможны, недопустимы, обвинение влечет немедленный смертельный поединок. Если грех против своих; а обмануть, ограбить врага — добродетель, подвиг. При этом, если к тебе постучался кровный враг и просит защиты, прими, накорми, укрой от преследователей. Никто же не мешает тебе подкараулить потом по пути и убить. И он это знает.

Трусость, разумеется, тоже грех, несовместимый с пребыванием в семье.

Законы, порядки у всех этих народов кажутся схожими. У дикарей всегда так. Должно же быть какое-то доверие для общей жизни, нельзя же сразу, едва завидев тень человека, спускать тетиву. У наших предков, кто они там были, славяне, финны, наверно так же было. «Великое русских сокровище Честь, их клятва — Да будет мне стыдно...» Ужли же правда так было? Нынче стыдно только не угодить царю.

Недотепа-убийца свернулся под медвежьей шкурой, ноет, что-то скулит, верно жалуется, что заставили его, грозили ему... Его не слушают. Еще двое парней скрылись в лесу, Павел тоже побежал бы ловить оленя, если бы не начальник...

Славно поохотились молодые богатыри! Без лыж, без укруков загнали перепуганного оленя, волков опередили. К счастью, он сам бросился к упряжным, которых тут рядом сторожили погонщики; свои олени сбились в кучу, когда поднялось волнение, погонщики схватились за луки и ножи, а он тут и вымахнул из леса, оседланный, темно-бурый, большой, как конь. С чуть начинающими отрастать рогами. Прирученный дикарь, не иначе.

У жалкого наемника такого оленя быть не могло. Не так трудно узнать, чей он на самом деле, кто, значит, подослал. Эту деталь объясняет князю опытный следопыт и охотник Пананго. Смотрит при этом выжидающе.

Гагарин тяжело встает, опираясь на Павла.

— Ваша земля, ваша тайга, — говорит он обоим вождям. — Ваши законы, ваши народы. Как у вас положено, так и судите. Мне он ничего не сделал, а может и не хотел, откуда мне знать? Может, он хотел в караван напроситься, в спутники? Волков испугался? Олень, может, тоже сам прибил к домашним? Что ж, что под седлом; убежал, наверно. Вы следопыты, вы и разбирайте, как вам думается.

И по глазам вождей видит, что хорошо решил. Все сели, костерок разворошили, котелок поставили. Чай заварили, китайский, набили трубочки...

Чукчи пасут оленей и охотятся на тюленей, китов и моржей

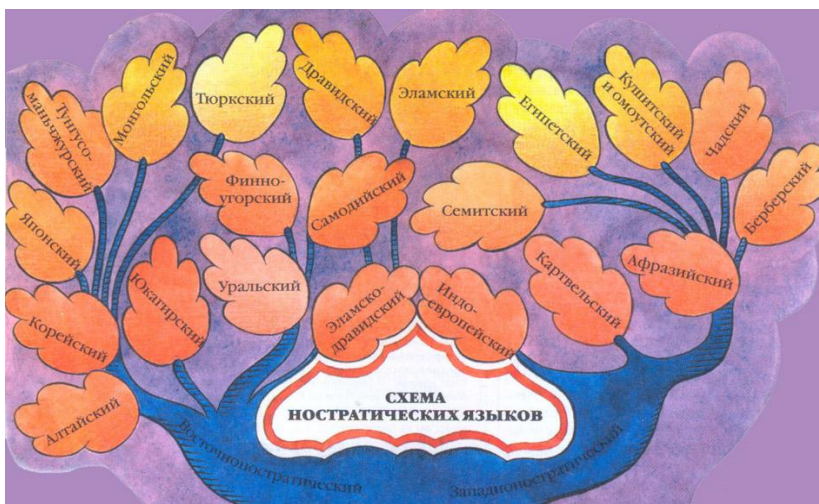
Чукчи - малочисленный сибирский народ, занимающий огромное пространство Чукотки.

Чукчи говорят на чукотском языке.

Происхождение чукчей покрыто глубоким мраком невообразимой древности.

То же самое можно сказать почти о всяком сибирском народе: малочисленный, древний, на огромной территории. Но не про всех можно сказать, что на них русская военная машина обломалась.

Ближайшие соседи чукчей — коряки и юкагиры, а также эскимосы. С ними чукчи воюют и вступают в родство и свойство. В некоторых диалектах заметно влияние юкагирского и корякского языков. Между прочим, коряки первые вышли на берег океана, двух океанов, и занялись по примеру эскимосов охотой на китов и моржей, а чукчи еще тысячу лет на оленей охотились и рыбу ловили; а теперь про коряков анекдоты рассказывают, как мы про чукчей (давно уже не рассказываем).

Как видите, в схеме языков — «ностратических», то-есть «нашенских», — чукотскому языку места не нашлось. О характере контактов между языками чукотским и эскимосскими в настоящее время можно говорить лишь в порядке постановки вопроса... Те, к кому едет в гости Гагарин с послами от эвенков, якутов и юкагиров, называют себя «анкалын» — береговые. Кочевые — это «чаучу», оленные.

Олень, доставшийся посольству — очень ценный приз: это «ламутский» олень, таких разводят *ламуты, эвены* (не эвенки!), за одного коряки дают двух не глядя. Только пока еще неизвестно, что прикажет начальство: наградит им поимщиков убийцы, или велит пустить в тайгу? Самому убийце дали незаметно уползти и скрыться; замерзнет, или доберется в наслег, или охотник какой прикончит, приняв за медведя. Зачем убивать? Брать на себя долг крови?

Весна наступает... вот-вот обрушится на Сибирь гремящими ледоходами... Неужели все-таки московский вельможа решится выйти в море на баркасе, преследовать кита? Мятужный губернатор, князь-Рюрикович, один из богатейших людей России вынужден вверяться этическим воззрениям первобытных вождей. Ни один из вождей не обладает абсолютной властью даже в своем племени. Сакральный ореол, призрак мистической фигуры Царя здесь просто неразличим. У дикарей нет нужного органа восприятия.

А мы, например, сейчас, в третьем тысячелетии, чем обязаны Державе, Власти? Потому что мы здесь живем и кто-то распоряжается, как нам жить. Они там, кто командует, довольно часто меняются (по историческим меркам), меняют правила, придумывают новую причину, почему мы должны их слушаться. В Средние века самым законным доводом было Право Завоевателя; всякие династические претензии легко оспаривались. Так что нам лучше всего опираться на преемственность в составе Золотой Орды. Во времена Гагарина состав власти поменялся не так давно в России и в Китае. Правила почти не поменялись.

Почему Китай не завоевал Сибирь раньше России? Да сама Сибирь, силами своего юго-восточного фланга, периодически завоевывала Китай. Вот только-только, при Гагарине, умер первый император династии кочевников-маньчжур, а им уже приходится отбиваться то ли от бурят, то ли от джунгар... Но Китай подождет. «Нам лет всего пять тысяч, пять тысяч только лет». И получит из рук России самые сладкие кусочки Сибири.

А нам власть пытается доказать, что именно она лучше всякой другой может нами распорядиться. Главный довод, последний, — что она нас защищает. Если бы не она, то... Вообще-то она защищает нас друг от друга. Плохо: часть нас все время обижает другую часть нас. Но мы верим, что все-таки защищает, а то было бы хуже.

Но! Она якобы защищает нас от каких-то врагов со стороны. Врагов выбирает из цивилизованного мира, как бы ровню. Сначала отдает противнику, вчерашнему союзнику, большущий кусок территории, бросая нас (*население*) на милость захватчика. Затем из оставшейся части шлет выгонять агрессора лучших, храбрых, молодых, которых сперва увела из родных мест, где они бы защищали детей, родителей и родную хату. А потом, по трижды перепаханной смертью «своей» территории, едет праздновать «Свою» Победу...

Народ мистически почитает Власть, но на фиг не верит в ее защиту. Люди смотрят в сторону Китая, убежденные, что с Китаем воевать мы не можем. «Если Китайцы захотят, они придут и возьмут. И мы ничего не поделаем...»

Поэтому власть усиленно поворачивает нас лицом на Запад: там наши заклятые враги! Украина! Польша! Ах да, Грузия... И главный враг — Штаты...

В конце XIX века, когда Штаты и не считались великой державой, пишет Короленко, в устье Лены обнаружили шлюпку с пришельцами неведомой расы. Оказались они потерпевшими кораблекрушение американцами. В Якутске взволновались страшно: они просто так или завоевывать?

Пожилой казак послушал и сказал безнадежно:

— Да, брат... Ежели пришли воевать, то всех они нас тут повоюют...

Тут бы развернуть карту мифического чукотского мира... можно сделать игру, как у нас в детстве, с кружочками и кубиком: выпало шесть — отправляйся в нижний мир, а вдруг выпало 10, получай шамана в помощники. Глядишь, доберешься до счастливого верхнего мира, «полей охоты», как говорят индейцы. У них много общего с эскимосами, а у эскимосов с чукчами. Да, но чтобы попасть наверх, надо умереть хорошей смертью! (допустим, №32...)

Но как-то не вырисовывается отчетливая схема. Духи, звезды, направления... Творец — Ворон. Он создал Вселенную и парит над ней на распростертых крылах, должно быть, поддерживает мировой порядок. Взывать к нему бесполезно, никто и не взывает.

Но есть еще один Ворон! Их не надо путать. Один из Воронов заимствован у коряков; одного зовут Кутх, другого Куркыль. Второй очень даже интересуется людьми, он их и сотворил, и всему научил: рыбу ловить, огонь разводить, оленей пасти. Он же и подшутить любит, грубовато так, даже зло. Ну, трикстер, что с него возьмешь. С ним и шаманы имеют дело. А народ про него смешные сказки рассказывает: однажды Врану Кутх послал кусочек сала... Чукчи вообще любят посмеяться: «Смех — это сила».

И развитого, богатого эпоса я не нашла. Вот у эвенов, ламутов — есть. И даже в 60-томной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», которую лингвист, поэт и переводчик, профессор университета Юго-Восточной Аляски Ричард Дауэнхауэр назвал «наиболее впечатляющим из всех издательских гуманитарных проектов России 20 века» — нет чукотского тома... якутских целых три.

Можно объяснить так... у чукчей жизнь была так опасна и трудна, и так при этом занята, что не хотелось отвлекаться, рассказывать про нее. Романтики называют чукчей «Самураи Севера»; а если назвать «Спартанцы Дальнего Востока»? Много в литературе от спартанцев осталось? Правильно, ничего.

У чукчей и воспитание было как в Спарте, если не хуже. Только воспитывала семья, а не какой-то Верховный Совет. Читать страшно. Якобы мальчик с шести лет спать не ложился, спал стоя, разве к стенке прислонялся. Да и спал вполглаза: взрослые подкрадывались с угольком на палке, чтобы вырабатывалась молниеносная реакция...

Дети бегали за оленьими упряжками с камнями на ногах. В руках с шести лет постоянно держали лук и стрелы. Зрение у чукчей на долгие годы оставалось острым. Любимые игры — «футбол» с мячом из оленьей шерсти и борьба. Боролись на скользкой моржовой шкуре или на льду.

Обряд посвящения во взрослую жизнь — рискованное испытание. Например, отец посылал сына в квест. Но не цель была главной: отец крался за сыном, и, едва сын потеряет бдительность — выпускал стрелу... Надо было моментально среагировать и увернуться. Стрела тупая, шанс на выживание есть.

Подросток должен был загонять оленя бегом, догнать и завалить на землю. Удастся — нарисуют специальную тату на запястье. Воины с богатым опытом могли похвастаться линиями лабиринтов до самых плеч. На лице тоже рисовали — когда воин совершал подвиг, на лицо ему ставили точку.

Чукчи, по описаниям путешественников, были достаточно рослыми, широкоплечими и длинноногими. Плотный слой подкожного жира облегал их, как гидрокостюм — и мужчин, и женщин. У них повышенная терморегуляция, высокий уровень гемоглобина, быстрый обмен веществ, иначе они бы в условиях Крайнего Севера не выжили. Себя считают «высшей расой», избранной. Боги создали эвенков, якутов, коряков и эскимосов исключительно как рабов русских, чтобы они помогали чукчам торговать с русскими. Видимо, эта глава вошла в чукчанскую «Книгу Бытия» после того, как они все же вынуждены были поладить с Российской империей. Но до этого они себя показали...

А девушки? Они тоже получали вполне самурайское воспитание. Иногда проявляли способности... Богатырки среди них не редкость, прямо как у Ариосто. Женщин ценят, потому что их мало. Раньше когда-то шаманили в основном женщины, и позже мужчины-шаманы часто ходили в женском платье. Писатель Владимир Богораз, этнограф и исследователь, пишет, что на шаманских обрядах люди вылечиваются от страшных болезней, заживают смертельные раны. Настоящие шаманы могут в руке растереть камень в крошку, голыми руками «зашить» рваную рану. Основная задача шаманов — исцелять больных. Для этого они «путешествуют между мирами». Если чукчу в момент опасности спасает морж, олень или волк — он тем самым «передает» ему магическую силу, и тот становится сильным шаманом.

Кажется, чукчи не дожили до деления на воинскую касту и черный народ; они все были воины. Вождей у них не было, власть главы клана не уходила дальше стойбища. Русским некого было подкупать или соблазнять.

Начавши рассказывать про чукчей, трудно закончить! Про дома из китовых ребер, покрытых моржовыми шкурами, вход сквозь китовую челюсть. Поединок на моржовых головах с клыками, привязанных на палку в виде кетменя; любовь к танцам и музыке (комус, горловое пение); к праздникам, веселью; плащи из моржовых кишок поверх меховой одежды; про гурманские пристрастия не буду, может это правда очень вкусно.

Отношение к смерти у чукчей простое — они ее не боятся. Если один чукча просит другого его убить, то просьба выполняется легко, без сомнений. *То же происходило на полях войн вплоть до XIX века, описано в литературе, в гражданских войнах, не только у Бабея...* Чукчи верят, что у каждого из них по 5-6 душ, и существует целая «вселенная предков»...

Странный, неопределенный, текучий образ возникает, когда со стороны пытаешься вообразить Вселенную народов крайнего Северо-Востока... бесконечное небо, бесконечное море, бесконечная тундра... зыбкая водная пучина на полгода превращается в твердь, снежная белая твердь становится зыбким зеленым ковром, черное небо в алмазах наливается незакатной синевой... человек со своими шестью душами то едет, бредет, бежит один, всегда в центре бесконечного круга, то теснится с семьей в землянке-яранге, то балансирует на скамье легкой байдары с гарпуном в руке среди двадцати родичей... Какая душа у него главная? Кем он был, прежде чем стать человеком?

Вот свирепая касатка, и помощник, и соперник в морской охоте.

Леса, реки, сопки, деревья — все имеет своих покровителей, хозяев. Относиться к ним надо, как к соседям, владеющим оленями. Хозяева могут щедро одарить, могут и наказать.

Все может стать всем...

Катгыргын такая была: захочет — человека в зверя превратит. Служили у неё в работниках рыбка-сайка, серый зайка, олень рогатый, волк зубатый, медуза скользкая, белая лисица, кайра — чёрная птица, северная берёзка да мох подснежный, ягель. Все эти работники тоже тайную силу имели. Правда, они не во всё могли превращать своих врагов, только в самое безобидное для себя существо, и то один раз в жизни, когда им самим смерть угрожала. Заколдовала она охотника Тынэна...

Стоит он у пещеры, грустную думу думает. Подходит белый медведь.

Охотник ему: — Кто бы ты ни был, уходи отсюда!

Разозлился медведь, зубы оскалил, вскинул Тынэн ружьё, курок взвёл.

— Ой, погоди, — говорит медведь. — Не стреляй! — И как рявкнет: — Будь ты зайцем!

И Тынэн превратился в зайца... Понял заяц, что теперь у него одно спасение — ноги.

Побежал в тундру. Долго бежал, проголодался, а вокруг ни травинки, всё белым снегом замело. Сел и заплакал горькими слезами. Вдруг видит: там, где слезинки упали, снег растаял и ягель показался. Потянулся заяц к ягелю, а ягель перепугался, что заяц его съест, да как крикнет:

— Будь ты тюленем!

И стал заяц тюленем. Лежит на снегу, до моря далеко. Весь день полз. Дополз-таки! Плывёт тюлень по морю, а впереди рыбка-сайка играет. «Ага, — думает тюлень, — вот и поужинаю». Только за рыбкой погнался, а она и говорит:

— Будь ты волком!

И стал тюлень волком. Бьёт лапами по воде, того гляди утонет. Выбрался на берег. Стоит, весь в ледяных сосульках, дрожит. А в это время белая лисица мимо пробежала. Волк — за ней. А лисица свернула в сторону да как крикнет:

— Будь ты кайрой!

И сделался волк кайрой. Летит кайра над морем, еле на крыльях держится — так есть хочется. Заметила медузу — и к ней. А медуза прошептала:

— Будь ты оленем!

И стала кайра оленем. Плывёт олень по морю, одни рога из воды торчат. Вот-вот утонет. Море стало замерзать, он по льду вышел на берег. Холодно, голодно, вокруг пусто... Побежал олень в тундру, а на пути стоит белая берёзка. «Дай-ка хоть коры поглодаю», — думает олень. И только прикоснулся к берёзке, она как встрепенётся:

— Будь ты человеком!

Тынэн снова стал человеком. Пришёл домой, обо всём рассказал жене:

— Многое на свете я видел, но такого не приходилось!

— Ещё не то увидишь! — говорит жена. — Я и есть всемогущая Катгыргын!

Типичный сонный кошмар... Но охотника уже трудно испугать. Докажи, говорит. Слабо превратиться в муху? Дура-то всемогущая аж в комара превратилась, он ее и прихлопнул.

Есть хорошая сказка про шамана. Шаманизм у чукчей вообще-то дело семейное, каждый понемножку шаман, каждая чуть-чуть шаманка, бубен в каждом приличном доме. Но бывают ведь особо одаренные люди. Каждый спляшет, да не как скоморох:)

Карта еще не отпечатана, Стралленберг еще не вернулся на родину. Карту они составляли вместе, прикидывая расстояния по рассказам бывалых людей: сколько дневных переходов отсюда до туда на оленях верхом, на нартах, на лыжах, сколько проходит аргиш с утра до вечера летом, сколько зимой... А расстояния-то колоссальные — там 2000 верст, там 3000... как это может выглядеть в часовых поясах? На самом деле от Анадырского залива (моря) до Камчатского перешейка не так близко. Через него добраться к Ламутскому (Охотскому) морю, там по рекам подняться до притоков Алдана, спуститься до впадения в Лену — и дома... Князь обсудил разные маршруты со старейшинами; тревога звала его в Якутск. Что произошло в этом небольшом холодном Вавилоне, что задумала враждебная Россия?

Но это когда еще! Гостеванье, встречи, пиршества, подарки — все превратилось в большой дипломатический форум. Приезжали родственники; приезжали соседи-инородцы; съезжались целыми улусами эвены (ламуты), камчадалы, алеуты, эскимосы, юкагиры. Коряки, якуты присылали оленей для обмена или в подарок. Князь только демонстрировал радость, уважение, неназойливое любопытство дальнего гостя. Не пытался улаживать семейные и территориальные споры, сватать или мирить стародавних кровников — понимал, что не знает ни порядков, ни этикета, очень строгого, когда без всяких слов дают понять, состоялось ли соглашение: принял предложенную трубку — значит да, свою достал — извините... Но само доброжелательное присутствие высокого гостя приглашало людей немного отодвинуть прошлое, восстановить разорванные связи... да, а сколько оленей съели — не поверите. И какие пляски плясали, хороводы водили, пели на двенадцати языках (считая диалекты), молодцы, конечно, удаль показывали, состязались, боролись. Месяц пролетел, вот уж солнце почти не заходит. Иногда всем собранием откочевывали в гости к соседям — аргиши покрывали тундру сплошь...

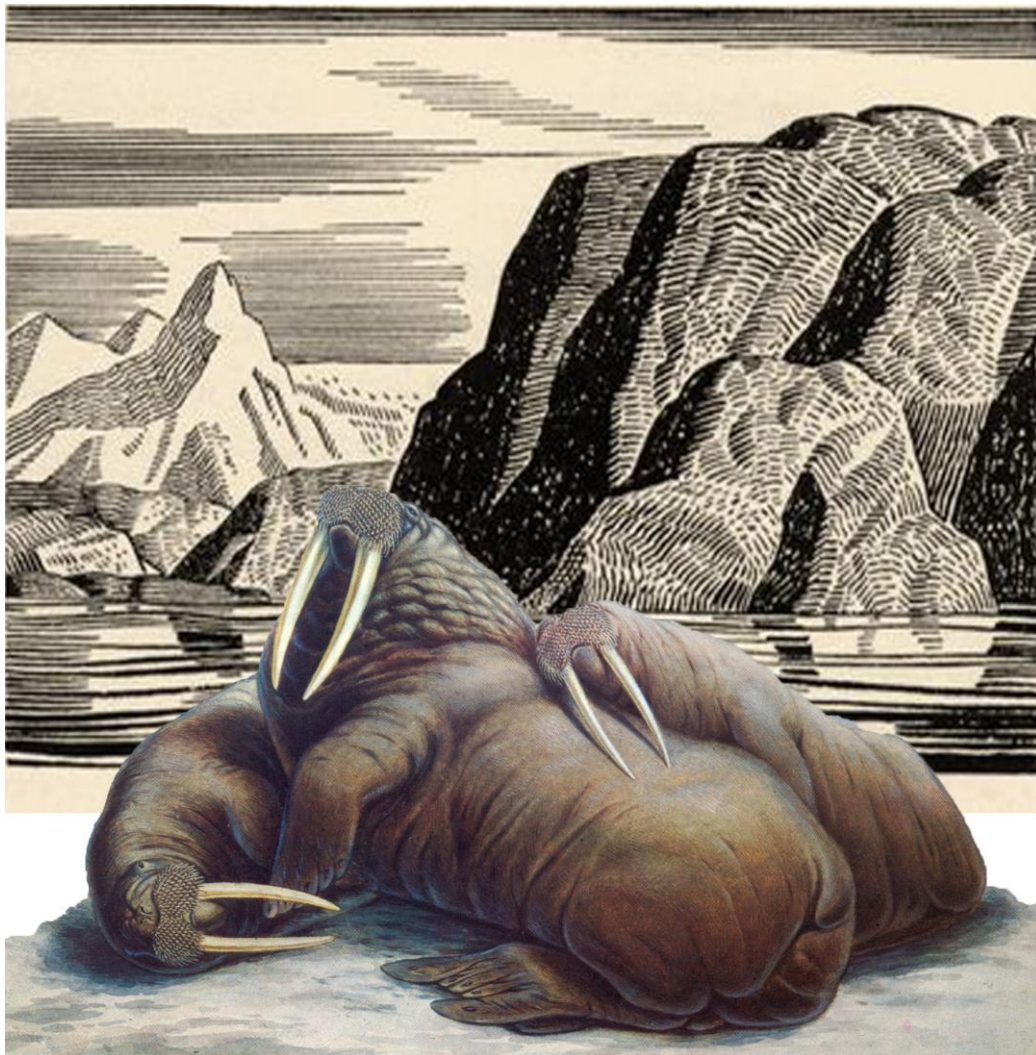
Матвей Петрович одаривал хозяев ценными изделиями Демидовского Нижнего Тагила, ножами, наконечниками копий, гарпунов, топорами. Заказывая, предупреждал кузнецов: украшения не важны, главное — качество стали. Будете получать со всего Дальнего Востока заказы, в уплату — ценные шкуры, моржовую кость. Редкое дерево. Огнестрельное оружие местные уже видели, чукчи на себе испытали. У них даже есть несколько трофейных мушкетов, но припас брать негде, и вообще, думает князь, чем позже оно у них появится, тем, увы, лучше, для них же...

Свои сундуки, с оружием, тканями, бусами и прочими бабьими вытребеньками, Гагарин разгрузил, взамен нагрузил целые нарты пушниной и нарядными шубами, украшениями из резной кости. Оленей у него теперь табун, собачьи упряжки — две эскимосских, веером, одна цугом. Караван поведут сушей его адъютанты и охранники. Если дойдет сколько-то, славный будет калым. Хотя мысль о загадочной будущей жене он отгоняет. Ну, будет так будет. Сам он подумывал, как осядет более-менее прочно, хозяйку завести, скажем, казачку вдовую. Проще было бы. Ладно, пусть будет якуточка, они веселенькие.

И здесь, на краю света, политика продолжается. Курьеры приезжают уже второй раз, привозят доклады, увозят распоряжения. Тайное сообщение: вроде бы в Астрахани и в Казани войска собирались, и не на турок — не в Сибирь ли? А потом у калмыков бунты начались. Так и стоят, ждут подкрепления, должно быть. И у казахов что-то слышно...

И вдруг как обухом по голове: слышали, царь-то, Петр-то, помер... Да ладно, правда ли? Спешить надо. Знают ли китайцы? Или казахи те же? А в океане равноденственные штормы... Прошу прощения у благородного народа Олюторов, Олюторцев! Я про них не знала! На карте Стралленберга нашла надпись — T e r r a O l u t o r i k a, примерно в северной части Камчатки. Решила, что это такое прочтение слова «Алеуты», так и написала синим наискосок.

Потому что «в Камчатку сослан был, вернулся алеутом», кто же там еще может жить? Алеуты там встречаются, но как исключение. А вот в XVII-XVIII веке этот народ очень даже знали. Сведения об алюторцах встречаются в самых ранних известиях о Камчатке. В 1697 алюторцы были «объяснены» русскими казаками и долго оказывали русским вооруженное сопротивление. Этноним «алюторцы» происходит от названия села Алют (Олюторское, Олюторка), жители которого называли себя «алюта-льын» или «элютэ-льын». Некоторые считают их самостоятельным этносом, другие этнографической группой коряков. Говорят на диалекте коряцкого языка, но с коряками друг друга не понимают. Занимаются морской охотой, рыболовством, немного разводят оленей. Кочуют с восточного побережья Камчатки на западное. Кажется, их больше нет... Но в XVIII веке они очень даже были, с их помощью Гагарин и переберется из Анадырского моря в Ламутское, т. е. Охотское. Там он и увидел охоту на моржей...

На Чукотке таких скалистых пейзажей не увидишь. Охота на моржа бывает трёх типов: с воды, на льдинах и покол. Охота на моржа с воды, во время миграции, мало отличается от охоты на кита. Выслеживание, погоня, гарпунение, добивание из луков... Только требует повышенной сноровки от гарпунёра. Самой простой считается охота с льдины, в мае — июне. Охотники на лодках подъезжают к льдине с моржами. Охота на моржей «поколом», при помощи длинного копья, возможна там, где есть лежбища.

Вот что любопытно. На котиков они охотились? Цивилизованный, так сказать, мир узнал о них от Стеллера несколько позже. И не сказать, чтобы мех этих славных животных сразу стал предметом моды, хищнической охоты и запретов, как в конце XIX и в XX в., см. «Балладу о трех котиколовах» и нашу нэповскую мечту («котиковая шубка»! «котик, купи мне котиковое манто!») - мечта генеральш и партаппаратных дам).

У котиков мех гладкий, плотный, шелковый, черно-серебристый, нежный... их почти истребили, но к счастью в моду вошли пушистые меха, и в 55 году запретили охоту.

Котики – они и правда почти *котики*, хотя и тюлени. Они значительно меньше *сивучей*. Меньше и грациозней... В воде-то и морж грациозный, а котики и на лежбище по-своему изящные и шустрые, даже забавные. Им не надо наращивать огромную массу жира и размер, чтобы не умереть в ледяной воде, у них есть то самое «котиковое манто» с пышным густым подпушком, насыщенным воздухом (как у оленей, кстати). Конвергенция!

Подобной идиллии вы никогда не увидите. В летний сезон лежбища плотно забиты тысячами животных, которые заняты любовью, соперничеством, рождением и кормлением детей. Все раздражены, взволнованы, готовы отстаивать свои права. И вот резвые неутомимые котики способны втроем-вчетвером умотать грузного сивуча и заставить его уступить место для собственных гаремов, а потом самки устроят там же ясли. Малыши-котики растут на суше, пока мех не приобретет необходимого совершенства.

Роман стремительно летит к концу!

Любезное отечество тем временем привычно катится в пропасть, пытаюсь, как в советские времена, догнать и перегнать Америку на этом скользком пути. Только как-то более нервно. И мы, как всегда, стараемся занять мозги и руки. Каким-то образом у нас с Таней, что бы мы ни делали, получается книга. Когда-то пытались записывать расходы — давным-давно, когда работали и детей растили. Или выписывали в тетрадку поэтические строчки. Или коллекционировали репродукции японских гравюр...

Даже, знаете, и забылось, почему мы увлеклись этнографией малых народов Сибири, шаманизмом, особенностями северных оленей и т. д. Раньше ведь тоже интересовались, недаром в доме оказалась куча книг типа «Одежда народов Сибири». Не вспомнили трогательный перформанс шамана с собачкой и с тележкой, хотя в прошлом году порадовались, повеселились. Потом сочувствовали ему, крутили пальцем у виска насчет властей: они что, того? Оказалось, того.

Если они в самом деле верят в странное, почему не побоялись мощных Духов Байкала, Алтая и скифской Принцессы-амазонки? Или, как в армии принято, своего командира боятся больше?

В общем, неважно, продолжим наши игры.

Ведь мы играем не из денег, а только б вечность проводить.

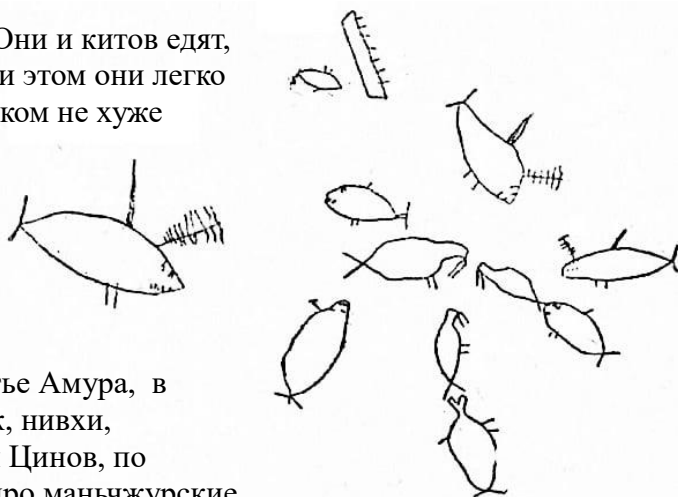
И сколько интересного мы уже узнали! Например, зачем моржу такие огромные клыки? Для драки за самок? А у самок тоже есть клыки, это зачем?

Оказывается, все тюлени, так же как дельфины и пингвины, едят рыбу. А моржи едят моллюсков! Устриц. Клыками выламывают целые пласты выросших на скалу брюхоногих вместе с куском скалы и каким-то образом дробят на зубах или в желудке, не уточнила.

А некоторые дельфины едят моржей. Это касатки. Они и китов едят, нападают стаей, рвут на части, думать страшно. При этом они легко приручаются, берут рыбку из рук, прыгают за мячиком не хуже афалин.

Детский рисунок, современный. Касатки охотятся на моржа с помощью эхолокации — видите антенны? Вверху касатка крутится у байдары с людьми. Клянчит табачку.

Кто знает, что узнаем еще? К сожалению, время не ждет, не войдет байдара бывшего губернатора в устье Амура, в дебри Уссурийского края. Жень-шень, олень-цветок, нивхи, гиляки, удегейцы, тигры... Условно — это владения Цинов, по Нерчинскому договору, но что-то не слышно пока про маньчжурские гарнизоны и форты. Тем не менее, официальное лицо не должно нарушать даже условную границу, особенно потихоньку, как бы ненароком, трусливо. Придет время и для демонстративных нарушений...

Пройдя вдоль северного берега Охотского моря примерно по 58 широте (*власть божья и людская власть — до пятидесятих широт*), совсем уже небольшой отряд Гагарина прощается с отважными олюторскими мореходами, преодолевает невысокий Становой хребет — и вот они уже среди привычных тунгусов. Встречаются кочевья якутов и бурят, лошади и даже верблюды. Теперь — только вперед!

На одном из перегонов их находит казачий разъезд: ищут хоть какой-нибудь власти.

У эвенков на летнем пастбище пропадают отставшие от направлявшегося в Китай каравана русские купцы и чиновники. Посольство. Говорят, что-то важное случилось, не могут ехать дальше... видно, и правда царь умер.

Матвей Петрович берет у казаков лучшего коня, поручает адъютанту и ординарцу встречать караван подарков, следующий вверх по Анадырю, прощается со спутниками — они разъедутся своими путями — и скачет выручать посольство Императора Всея России.

Послов он находит в довольно жалком прозябании на краю тунгусского летнего стойбища. Их не задевают, но и не принимают как гостей; торговцы, отбывая, оставили им палатку, часть вещей они уже выменяли на еду. Лошадей и седла берегут — куда-то надо же будет двигаться, скорее всего обратно. Как прибыть ко двору свирепого и, по слухам, вздорного маньчжура, Повелителя Поднебесной, с верительными грамотами от покойника?

Послы выбегают из палатки, заслышав топот подкованных кавалерийских лошадей, и не с первого взгляда, но узнают-таки главного государственного преступника, Матвея Гагарина, лишённого титулов, орденов и званий, одетого в летнюю охотничью куртку тунгуса. И... чуть не плачут от радости. Можно все объяснить русским языком, а там...

Гагарин спрыгивает с коня, велит расседлать, положить седло на землю, усаживается на него и окликает одного из сбежавшихся пастухов-эвенков, того, что помоложе и помышленей на вид: — Старшего позови! — и когда молодые бегут и приводят отца, встает ему навстречу, приветствует, называет себя Правителем, и говорит:

— Эти русские люди мои гости. Они меня ждали. Будем пировать. Я у тебя оленя беру, дарю коня. *(Распорядился заводным конем из казачьего пикета. Как они объясняются? На путях караванов и кочевий существует какой-нибудь тюркско-монгольско- тунгусский пиджин).*

Эвенк отрицательно мотает головой, машет руками: нет-нет, все наши гости. Парни бегут колоть оленя, бабы костер разводят, ставят котел. Гагарин входит в палатку, послы за ним. Их трое. Двоих он хорошо знает.

— Послание где? — нетерпеливо протягивает руку.

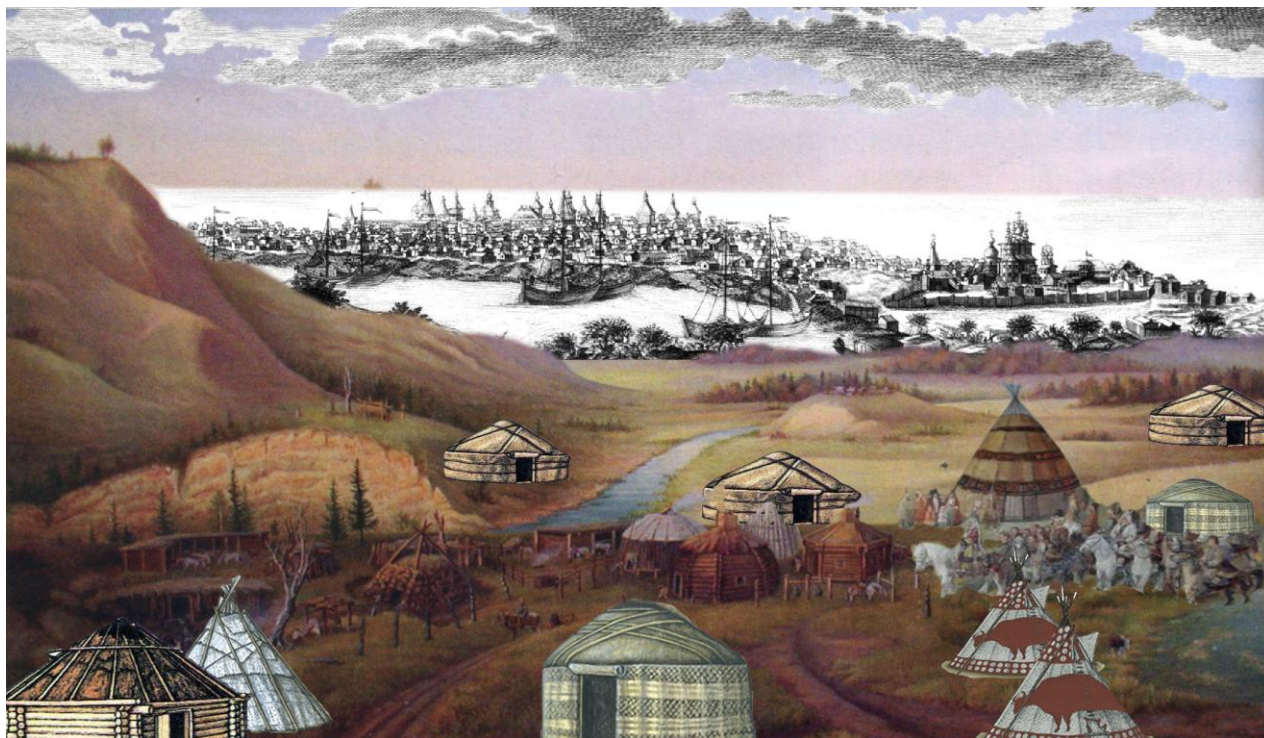
Что делать? Вставать в позу верности долгу нелепо, да и раньше надо было. Распечатывают ларец, достают свиток со шнурами и печатями. Дрожащими руками, двумя, посол подает царскую грамоту Врагу престола. Изменник садится на пол, взламывает печати, машет рукой: садитесь, садитесь — читает.

Послание монарха другому монарху после витиеватого титулования и стереотипного приветствия, предложения закрепить вечную дружбу кой-какими территориальными разъяснениями, содержит указание на то, что отъявленный злодей, клятвопреступник, вор гагарин матюшка, враг заклятый своего государя, злоумышляет коварством измену и Его Богдыханскому Величеству и желает восстановить Его Величество противу дружественного его Российского собрата, почему сказанный вор должен быть скорее поиман и предан жестокой казни в назидание всем безбожным изменникам, к чему власть российская принимает чрезвычайные меры, опасается лишь, что оный злодей укроется в Его Богдыханского и т. д. владениях и т. д.

— Бумага есть? — отрывисто бросает Гагарин. Посол торопливо открывает сундучок с принадлежностями. Гагарин протягивает ему царское письмо: — отсюда досюдова спиши (титулования и приветствия, верхняя четверть документа) — и диктует короткое сообщение: — Государь всея Руси Петр Алексеевич отошел к царственным предкам, но Бог благословил царский род потомством, наследник хоть юн весьма, но наделен мудростью, красотой и величием, окружен мудрыми и просвещенными советниками, всецело преданными благу государства, и желает продолжать взаимовыгодную приязнь.

О сем Правитель Сибири Князь Гагарин извещает Повелителя Китая до прибытия официального посольства из Петербурга.

«Катяка дура, — думает князь, — Меньшиков умный, жадный только очень. А я-то кто был?»
Четыре измученных коня выносят на вершину холма заросших, грязных всадников. Что это?!
Город в осаде?

Матвей Петрович переводит дух. Все окрестности Якутска заняты, кажется, сотнями чумов, яранг, юрт, палаток, всевозможных шалашей и легких навесов на жердях. Не экзотическим видом эти «сени кочевые» смутили путников — только числом. Их присутствие вокруг административного центра огромной области нормально; и в самом деревянном одноэтажном городе чумы, урасы и яранги образуют целые кварталы. В любой усадьбе, во дворе того же казенного дома, где обитает правитель (дом каменный), размещены подобные жилища для приезжих, а также деревянные балаганы, сараи для дров, для саней и нарт, загоны для скота, лужайки для выпаса лошадей — все не сообразишь. Да и хозяева иногда летом живут в юрте.

Среди беспорядочно разбросанных по холмам жилищ не видно всадников с копьями, построенных взводами, ни якутов, ни казаков. Наоборот, видно много женщин и детей, видны костры с котлами, сидящие кружком мужчины, привязанные кони и олени. Где-то собралась большая нарядная толпа — празднуют что-то... Верно, какие-то вести из соседней России достигли самых отдаленных улусов. Или обеспокоило долгое отсутствие губернатора? Да, самое время вернуться.

Кто и как узнал в одном из одичавших казаков князя Гагарина — неясно, только хаотичное брожение обитателей бродячего города устремляется к холму. Правитель скачет навстречу своему народу, встает на стремянах, машет шапкой, кричит что-то успокоительное... то ли «Я вернулся!», то ли «Спокойствие, только спокойствие...» Городской гарнизон не грубо, но решительно отстраняет людей и сопровождает князя в резиденцию. Там силы его оставляют. — Баню, — говорит он, спешившись и едва стоя на ногах, — коней, казаков обиходьте. Воды им, баню, одежду, водки, обед...

В самом деле, как докладывает секретарь прямо в парной, народ стал собираться еще в начале летней перекочевки. Нет бы побыть день-другой — и дальше, поселились и живут, у туземцев городских выспрашивают, где губернатор, нет ли новых распоряжений насчет ясака?

...А тут прислал Демидов верного человека, к губернатору (для простоты употребляли старое звание), искал его и в Тобольске, и в других крепостях, здесь рассказал только ему, секретарю, а как-то все стали узнавать, беспокойство пошло от племени к племени. Он, секретарь, собирал у себя старейшин, толковал с ними, выпрашивал о делах, о жалобах, нет ли ссор, всякую прочую ерунду — и разъяснял, что никакой для них разницы нет, кто в России царь. Царь к ним отродясь не приезжал, только войско присылал, если просрочат ясак; а губернатор-князь отказался служить царю, отделился от него и дани ему не платит. А где он сам, князь-то? — спрашивают. Может к новому царю уехал? Может убили его? — вот поди говори с ними...

Идея европейского престолонаследия, с точки зрения здравого смысла, непостижима. Вот как изображает Короленко сходную ситуацию в конце XIX века:

Они не знают, из-за чего был убит царь Александр II. Очевидно, одни русские соглашались признать его царем, а другие не соглашались... Пока много несогласных, царь не может надеть шапку (корона и шапка по-якутски обозначаются одним словом). Так царь и ходит без шапки. Это, разумеется, очень неудобно. Из-за этого он и распорядился несогласных выслать. Теперь со всей страны требуют депутатов. От них, из улуса, тоже потребовали (тогда действительно по случаю коронации Александра III призывали депутатов). Они в своем улусе сказали: «Пусть надевает шапку. Мы не противимся. Но наш улус бедный, нам убыточно посылать депутатов так далеко». Вот теперь, прибавил он, царь наденет с общего согласия шапку. Тогда и вы получите право вернуться на родину...

Тираны мира! Просвещенные европейцы! Слышите, как рассуждает и ныне дикой сын степей (или друг, или брат, или сват)? Он уверен, что выбирать надо лучшего из равных, а не выискивать, как вы, какого-нибудь припадочного недоноска Хуаны Безумной, чтобы вручить ему абсолютную власть над телами и душами (!!!) сотен тысяч разумных, отважных, умелых и почти всегда честных людей. Или, как в нашем случае, клясться в верности потомку приبلудыша троюродного племянника полоумного Петра, тоже не уверенного в своем происхождении (*это я про Александра II*). Природные! И Рюриковой крови! А был ли Рюрик? А если и был, нам-то что?

Чистый как стеклышко, обривший волосы и бороду, в новом исподнем и старом, всем знакомом, еще губернаторском камзоле, выходит Гагарин на крыльцо к старейшинам, депутатам от всех родов, к местным якутам, эвенкам, хакасам, ненцам, тунгусам и прочим полноправным народам Земли Сибирской. А было тогда народов этих раза в три больше, чем сейчас. Тут и казаки — особый русскоязычный этнос. Чтобы сразу всех успокоить, сообщает: в России, куда они раньше отправляли дани и подати, будет теперь новый царь. Прежний царь умер. Новый царь — его внук. Он совсем еще молодой, воевать поэтому не будет. Будет ему советовать мудрая бабушка, жена покойного царя, очень заботливая и добрая (а какой же еще быть бабушке?) и главный царский воевода князь Меншиков, его, губернатора, старый друг. И он, губернатор, пошлет молодому царю посольство с поздравлением и подарками, а если кто из вождей захочет поехать и посмотреть, каков новый царь и как все в земле Российской устроено — он, губернатор, даст ему грамоту и посольские знаки. И тогда вся Сибирь заключит с новым царем договор и войны больше никогда не будет.

— А присягу мы кому давать теперь должны? — спрашивает казачий полковник, седой ветеран, в шрамах от каряжских сабель.

Матвей Петрович смотрит ему в глаза пристально.

— Кому невтерпеж клятву давать, присягу, езжайте на Яик, там присягайте хоть Петру Петровичу, хоть султану турецкому. Мне ваша присяга ни к чему. Сказано же: не клянитесь, да будет слово ваше: да, да. Я поверю (*сам присягу давал, думает князь, и все про это знают*). А теперь, у кого дело неотложное, у кого наболело — подходите и говорите.

Кто просто пришел поздравить с возвращением, остались обедать.

За обедом захмелевший от чистоты, первой за несколько дней трубки, горячего, и радости, что вернулся живой и опять среди знакомых лиц, князь раскрывает главную доктрину нового, черт побери, государства: равные права всем народам, большим и малым, тайга для всех, океан для всех (оба), вера, так сказать, по вкусу; бедным помощь, вдовам и сиротам защита, и что там еще... да, милость к падшим. Врагам — отпор немедленный и суровый.

Вскоре он уже с трудом различает знакомые лица. Но двоих узнает: капитан Игнат Трофимов, комендант Каменогорской крепости, а рядом с ним знатный якут, батыр, тойон, хороший знакомый, только имя не выговорить. Да, так они же с Игнатом сваты, на его красавице-дочери женат хромой вояка... Он же и мне жену обещал. Если такая же красавица, ладно. А нет, так все равно не отвертишься, придется брать. У Игнатовой жены родственницы были, кажется...

Не перечесть, сколько дел у князя Матвея. Вольно ж ему было уезжать на океан, чего только за это время не случилось. Сколько у людей вопросов, а у него-то к ним? И все надо обсуждать неспешно, как бы с ленцой, за чаем, с трубочкой. Со своих-то он сейчас спросит, казаки, чиновники доложат, отчитаются. До отъезда посылал и к бурятам, и калмыкам, и казахам, и джунгарам. От казахов кто-то приехал, ждет разговора.

Казахи — для России они «киргизы», «киргизцы», а сами они, как и казаки, себя зовут «ушедшие», отделившиеся. И война у них назревает с джунгарами, ойронтами. Как воины, они не хуже, только очень уж несговорчивы. Не так давно мудрый хан Тауке всех согласил, они и свод законов приняли (надо же, прямо как русские). Он еще в русское подданство просился, только чтобы без выплаты ясака, без службы в армии, со своим ханом. Пётр аж облизнулся: пространство-то, земли сколько, хоть в Индию иди, хоть Персию войной. А ответа не прислал. Завяз в Польше, в Швеции... Пядь земли в Европе дороже, чем половина Азии. А он, Гагарин, тогда не осмелился распорядиться.

Что за наследники у Тауке? У них, султанов, жен-детей множество — а стоящего правителя не из кого выбрать. Сын тихий мечтатель, говорят. У степняков бывают богатыри, герои, тоже могут народ объединить ненадолго.

Сейчас у них славный Богенбай-батыр. Только друг за друга бы держались.

С торговым караваном в Китай послано. Эти вряд ли успели вернуться. Как с новым императором сложится? Возьмет, весь караван арестует, товар заберет, и людей не выручишь. Вот бы с джунгарами сговориться, замирить их с казахами и на Китай надавить...

Нет уж, куда нам с суконным рылом в *восточный политик*.

Разве попозже...

С Китаем надо ближе, теснее. Помнится, я просил добыть мне ученого китайца, ханьца. Если купцы вернутся, напомним. А то я богдыхану писал — захочет толмач, так переведет, что от нас ворота на запор. Ну хорошо, заведу я себе ученого писаря, а он кому будет служить? Богдыхану, его брату, тому или другому (много их желающих), ханьским партизанам, Петру? Да, Петр-то умер... зверь он был, но ведь полжизни вместе... сроднились...

Тьфу ты, пьян я что ли? Глаза на мокром месте. Ведь почти не пил. Устал. Спать. В постель, на чистую простынь, если ординарец расстарался, постелил. Эх, надо было раньше, как хотел, экономку завести, казачку расторопную, была на примете. Теперь вот будет жена. Ну не сразу же, калым еще не пришел...

Калым как раз неподалеку пасется. Посылая к казахам, Гагарин поручил купить табун породистых лошадей, голов триста, отборных, молодых. Приезжий посол от какого-то тюре, привел табун чисто рыжих жеребцов и кобыл, без единой отметины. Как и заказывал.

Знатная якутская девушка
едет к жениху. Фото первой четверти
XVIII века.
Якутск

Хорошо дома! Павел, казак, все устроил наилучшим образом. Преданный ординарец лучше всякой заботливой жены: он лучше знает, что нужно мужчине. Князь не брал его с собой: надо же было оставить надежного человека. Павел еще и «доверенное лицо», и особое ухо для «гласа народа».

Князь выходит на заднее крыльцо, где Павел ждет с ведром воды и холстинным полотенцем.

По двору между службами и временными пристанищами бродят люди. Всем скоро будет дело до

губернатора. Лошади, олени — одни привязаны, другие за оградами. У коновязи странная пара: крупный старик-старообрядец и невысокий, щуплый шаман Дюхадэ. Разговаривают спокойно, старик говорит, Дюхадэ, склонив голову к плечу, слушает. Оборачиваются, заметив губернатора, старовер кланяется степенно. Продолжают беседу. Какой-то шум со стороны площади, от ворот, и на заднем дворе вдруг становится людно.

— Одеваться извольте, Матвей Петрович, — говорит казак. Он что, знает, в чем дело? Гагарин поспешно облачается в официальный костюм, надевает форменный парик, шпагу, шляпа под мышкой — выходит из парадных дверей, которые перед ним распахивают. Сквозь нарядную, оживленную, но сдержанную толпу казачий урядник под уздцы ведет мохнатую якутскую лошадку в самых парадных регалиях, а над седлом, из груди меха, красного сукна и металла выглядывает совсем детское лицо...

В жизни старый авантюрист не чувствовал себя таким дураком. Он и у Петра в машкерах не плясал, а тут...

Широкими шагами Гагарин бросается навстречу невесте, обхватывает двумя руками за талию, поднимает и ставит перед собой. А ведь он знает эту девочку. Она шла с сестрой постарше за женой Каменогорского коменданта Игната, подносившей хлеб-соль. Мельком видел, а узнал. Оленьи глаза, и сияют от счастья. Что они, с ума сошли, сколько ей лет?

Рёв восторга, со свистом вылетают из ножен шашки. Поезжане сплошь воины, казаки и якуты. Две разных цивилизации тактично уладили проблему объединения очень разных брачных ритуалов: отказались от всего, кроме главного — брачного пира. Пока молодые (*хм*) под навесом скрещенных сабель шествуют к изукрашенной цветами и лентами кибитке, на дворе и на улицах расставляют столы. Никто не уйдет обиженным! Вчера весь табор варил и жарил.

Героев дня в отдалении от табора ждет новая берестяная «ураса», летний чум, в котором тетка, посаженная мать, постелила пышную постель из шкур.

— Милая, — князь подбирает нежные якутские слова, — ты такая молодая. Может быть, ты за молодого хотела, а тебе велели...

— Я по-русски знаю, — говорит девушка. — И по-немецки немного могу. Я тебя тогда увидела...

Дети природы к чувственности относятся одобрительно. «И она в объятия вошла, Как в залив морской идет волна, И летали в пологе тогда Два весенних лебедя; вились, Друг над другом, белые крыла Опускали, силы истощив, Но взмывали вновь под небеса...»

Песнь старца из Тэги, Хантыйское сказание.

Опустим занавес зависти над этой сценой...

Одни радуются: породнились с великим Тойоном.
Одни усмеваются: наложницу взял. Давно пора!
Один счастлив. Одна счастлива.

Но история — пресволочнейшая штукавина, ее делают без выходных, отпусков и больничных. Вот и Гагарин: сейчас он обсуждает с юной женой подарки, которые предстоит послать царице Екатерине... и конечно будущему царю, царевичу Петру Алексеевичу (полный тезка грозного деда). Главное при этом, чтобы всеильный Меншиков все понял правильно. Главное, нас не трогайте, а мы к вам со всей любовью и дружбой, только дани не ждите. Захотите силой брать, посмотрите сначала, сил-то у вас много ли?

Жена князя не ребенок, конечно, сибиряки не выдают замуж, пока невеста не научится всякому нужному искусству по части шитья, оленей, коней, кочевья, угощения гостей, устройства дома — не меньше 16 лет. А эта умница и языку, и грамоте научилась. И все полезные обычаи помнит. Например, что мальчику — сколько ему? десять лет? самое время подарить детские доспехи, шлем, копье, лук. У ее старшего брата были такие, с серебром, с камнями... новые изготовить не успеют, надо отдать эти переделать, украсить, какой положено талисман приложить. Можно конечно седло детское с чепраком... В казне найдётся обязательно, радуется князь, с китайской парчой, барсовым мехом...

Царице Екатерине по старому, заведенному обычаю меха самые дорогие и редкие, камни, китайские шкатулки, духи. Меншикову кольца с камнями и чистые деньги. Письма. Проект договора на вечные времена.

С китайцами труднее.

Юнчжэн возглавил Китай в 45 лет. Много лет был правой рукой великого интригана и воина, всему научился, ничего не забыл, хорошо подготовлен к царствованию. Суров, подозрителен и ревнив, но очень талантлив и энергичен.

Только отец его, как иные потрясатели вселенной, как Чингисхан, по широте и величию души — а может от равнодушия, тоже неплохо — был веротерпим. Не до того было. Сын сразу же укрепил положение конфуцианских начетчиков, разгромил неортодоксальные секты и обезглавил ранее помилованного отцом писателя. В 1723 он запретил христианство и выслал миссионеров из страны... а как же наших-то?

Захочет, наверно, пересмотреть Нерчинский договор. Как еще посмотрит на независимую Сибирь? Что если как на беззащитную провинцию? У самого проблемы с ойратами-уйгурами, монголами. Ох, как нужен свой человек в Китае!

Говорили, есть подходящая одна семья. Сейчас бедствуют, а при покойном императоре были знатны, богаты, жили в почете. Когда маньчжуры захватили власть, этот чистокровный ханьский род поддерживал Канси, за то и был приписан к «Чисто-белому знамени Восьмизнаменной армии». Доблестные коллаборационисты получали высокие назначения. Жили богато. Глава семьи был знаменитый ученый, библиотеку имел, редактировал книги, дружил с поэтами и драматургами. Заведовал промышленностью на мануфактурах в Нанкине, отсюда и богатство.

Новый император припомнил долги перед казной, началась конфискация имущества семьи, заодно политические преследования. Пришлось переехать в Пекин, теперь живут в квартале для бедных, часть семьи вообще перебралась в горную деревушку. Но учености не забыли, и связи сохранили со многими знатными семьями. Бедность не порок, несчастье не позор; главное, стихи бы писал. Одного вывезти горами сюда, вот и будет консультант по Китаю. Контрабандисты как тучки небесные, вечные странники. Как гуси осенние...

Когда-то люди занимались покорением далеких территорий, мы тоже решили что-то покорять, и захватили гигантскую территорию вечной мерзлоты. Посмотрите на карту, три четверти России — это вечная мерзлота, там люди практически не жили (*поздравляю вас совражиши — Н.Д.*). Мы зачем-то эту территорию захватили. Сейчас выяснилось, что в данный момент она здорово нас спасает: там есть, что из земли добыть. Но это скоро кончится. И что мы с этим болотом большим будем делать? А охранять его все равно надо. Хорошо, что Аляску отдали, нам бы сейчас только Аляски не хватало. Страна с огромной территорией, но маленьким населением, по определению, должна большую часть своих ресурсов тратить на армию, у нее нет вариантов.

Все проходит (*про пандемию, когда она пройдет*), а Небо-то, Вселенная надо мной — вечная, красивая и бесконечная. Но про звезды мало кто вспомнит. Наша страна неблагоприятна в этом смысле... у нас каждая ночь облачная. Россия не звездная страна... *Интервью в Новой.*

Москвичи, вы когда последний раз звезды видели? Я вот уже и не помню. Хотя на окраине живем. За последние месяцы нам и солнца не показывали. Про Питер что и говорить.

(И нравственный закон внутри нас тоже какой-то мутный).

Попробуй тут не увидь неба! Не разгляди звезд! С таким-то зрением! Не хочешь, все рассмотришь, все запомнишь. И спутники Юпитера видел обитатель тундры, и кольца Сатурна. И может быть атмосферу Венеры. И все, что увидит, расскажет родичам, к которым едет. Они покивают головами: видели, видели. Припомнят, как об этом рассказывали деды, что в том верхнем мире происходит, как духи друг к другу в гости ходят, что про нас говорят.

Как же велик мир, стоит только перейти Уральские горы. Китай... А дальше тоже сильное царство — Япония. Еще Сенека писал: «И Тула не будет пределом земли». Воистину так. Японец у нас свой есть, Дэмбей, в Тобольске живет в бывшем губернаторском дворце. Скучает, наверно...

Дэмбей не скучает. Домой он никогда не вернется, там его ждет смертная казнь. Но и в чужой земле подданный божественного императора и всемогущего сёгуна служит отечеству. Дэмбей пишет записки обо всем, что смог узнать и понять. Когда-нибудь он переправит их на родину... *(Записки не сохранились. Книгу «Сны о России» написал другой японец, в конце века).*

Чтобы заполнить бесконечные зимние дни, Дэмбей составил японско-русский словарь. Изучает губернаторскую библиотеку. Увы, большинство книг на иностранных языках. Хранятся также прежние документы переговоров с Китаем; он оживляет свой китайский, обогащает канцеляритом.

Он растолстел, отрастил роскошную шевелюру, взял в дом молодую хантыйку, вдову с двумя детьми. Теперь у них свои двое. Овладел хантыйским наречием уральского языка (у него явно языковой дар). Находит в нем сходство с японским... Лет через двести это явление обнаружит «зырянский Рерих», «Безумный Гараморт» Жаков...

Пробует писать хайку по-русски:

*И леса, и горы
Тихо-тихо снег украл...
Один в пустоте...*

*Звезды в небесах...
Чересчур огромные,
Чересчур близко...*

Беседует с посетителями, с офицерами, чиновниками, купцами, шведами-инженерами. Всех очаровал степенной вежливостью. Беседы записывает в книжку. Для разговора со шведами значительно усовершенствовал свое русское произношение, выучился произносить отчетливо звук «Л». В нашем языке, сладком и гладком, ласковом и ленивом, как без этого (вспомним «слово о эль»). Но если хочешь поговорить на тему артиллерии — очень интересуется сына Ямато эта тема... Ради великого народа он и немецкий выучит, в основном письменный. Очень заманчивые книги с чертежами, с картами. Изучает латинский словарь. Ему уже объяснил кто-то, что это «язык международного общения». Теперь свой хантыйско-японско-русский мечтает расширить латынью. Дети его понемножку болтают на трех языках; средний мальчик подает большие надежды.

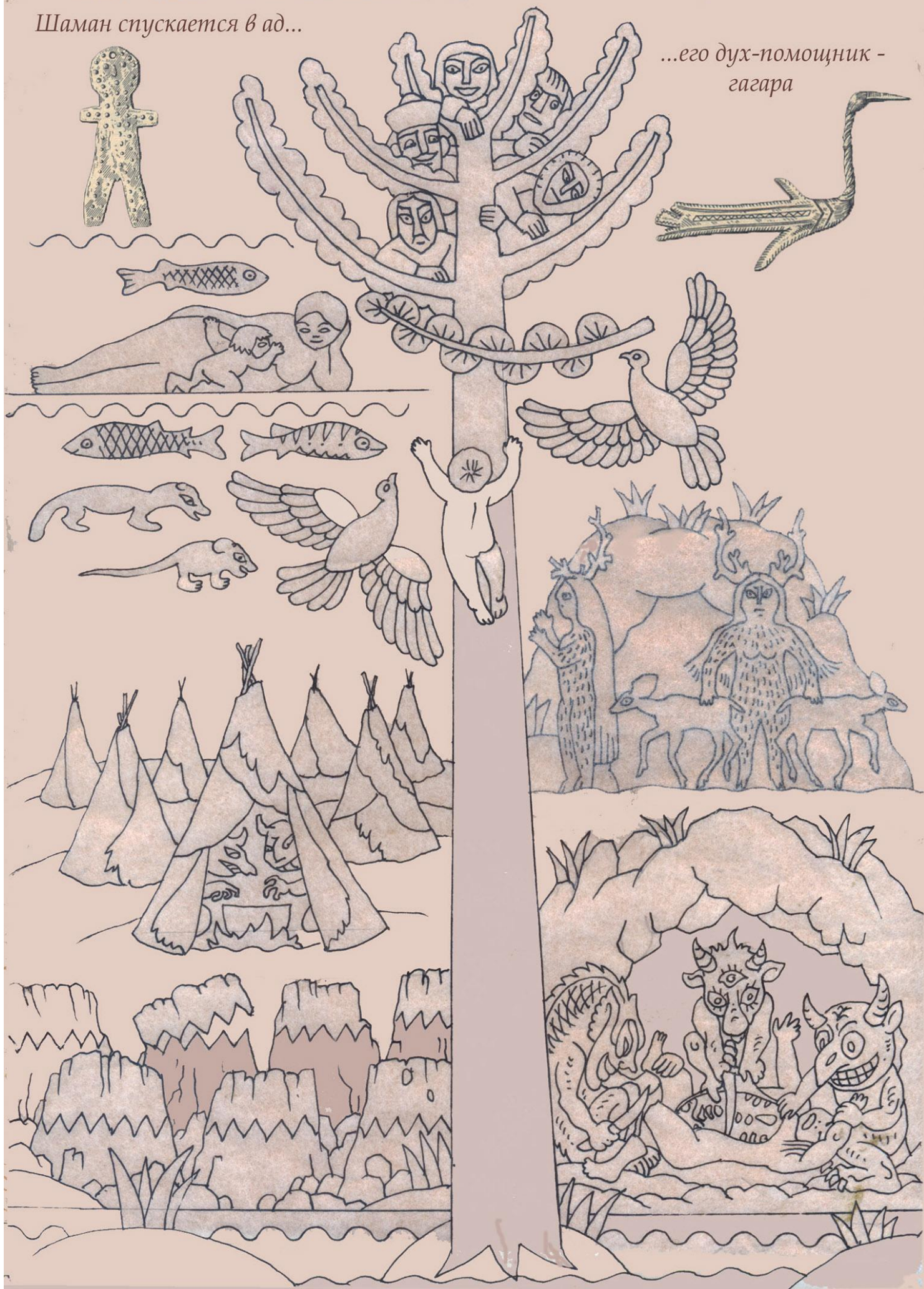
Любопытнее многих других показался ему случайно забредший шаман Дюхадэ. Говорили они по-русски, но более без слов друг друга понимали. Дэмбей узнавал в дикой вере черты синтоизма. Как современные востоковеды замечают в синтоизме пережитки шаманизма. Опять-таки, чтобы время провести, записал некоторые рассказы Дюхадэ о его странствиях.

Рассказ Дюхадэ

Я стал шаманом еще до своего появления на свет, моя мать, будучи беременной, стала во сне женою духа Оспы. Она сказала, что ее ребенок должен стать шаманом от духа Оспы. Когда я немного подрос, говорят, прохворал три года. Во время этой болезни водили меня по разным темным местам, где бросали то в воду, то в огонь. К концу третьего года я, говорят, для окружающих умер, три дня лежал неподвижно. И только тогда очнулся, когда на третий день уже собрались хоронить меня. Тогда происходило мое посвящение.

Шаман спускается в ад...

...его дух-помощник - гагара

...Шел куда-то вниз. Дошел по воде до середины моря и услышал голос «верхней болезни»: «Ты получишь шаманский дар от хозяина воды. Твое шаманское имя будет гагара». Вышел из воды и увидел лежащую на боку обнаженную женщину, хозяйку воды. «Я стал сосать ее груди. Она посмотрела на меня и сказала: «Вот как, оказывается, появилось мое дитя... Ради большой нужды, сильно уставши, пришел, наверно, мой ребенок». Говоря эти слова, хозяйка воды вытащила три рыбы. Одну бросила в Енисей, другую в русские реки и третью в тундренные реки и озера...

Муж хозяйки воды, «главный подземный хозяин», сказал Дюхадэ, что надо обойти дороги всех болезней. Он дал ему провожатых — горностая и мышь. С ними Дюхадэ продолжал свой путь дальше до «преисподней». Спутники привели его на высокое место, где стояли семь чумов. «Внутри чума обитатели поедают друг друга» — предупредили мышь и горностая. «Однако я вошел в средний чум и тут же сошел с ума, сознавая все, что происходит. Это были люди преисподней, люди большой болезни (Оспы). Вырезали они мое сердце и бросили вариться в котел. Внутри этого чума был хозяин моего сумасшествия, в одном из этих чумов хозяин глупости... и хозяева разных плохих, незначительных шаманов. Все эти чумы я обошел и узнал пути различных людских болезней.

Вот прибыли мы на то место шаманской страны, где закаливают мое горло и мой голос.

Привели меня к девяти озерам. Посередине одного из этих девяти озер есть, оказывается, остров. Посередине этого острова растет одно дерево, видом похожее на молодую лиственницу, но такое высокое, что доходит до самого неба. Это дерево хозяина земли...

Я поднял голову вверх, увидел на вершине дерева много разных людей от всякого племени: и тавгийцев, и русских, и долган, и юраков, и тунгусов. Голоса сказали мне: «Предназначено иметь тебе бубен из ветвей этого дерева». Как я заметил, лечу, оказывается, вместе с птицами озер. Как только я стал отдаляться от земли, хозяин дерева закричал мне: «Оторвалась и падает моя ветка, возьми и сделай из нее бубен, и будет он служить тебе в продолжение всей твоей жизни»... я увидел падающую ветку и поймал ее на лету...»

Дальше он пришел к широкому морю без конца и края, но с редкими деревьями по берегам.

Там были семь плоских скал. Они раскрывались, показывались зубы, как медвежьи, и полость вроде коробки. Первая скала сказала: «Я земли давящий камень, я сдавливаю дерновину земли, чтобы ее не унес ветер». Вторая сказала: «Пусть все люди, крещеные и не крещеные, берут от меня камень и выплавляют железо». Остальные чем-то похвастались. Дюхаде пробыл в том месте («привязали меня») семь дней. «Наверно, это приучали меня».

Затем мышь и горностай повели его к высокой сопке, в нее был вход, а внутри светло. Там сидели две женщины, покрытые мехом, с оленьими рогами, у одной из железа. Одна сразу родила двух оленят, выпустила на волю и сказала Дюхадэ, что это его жертвенные животные, один дикий, другой домашний.

Он пошел дальше, увидел высокие скалы с отверстиями, в одно вошел.

«Сидел там голый человек и раздувал огонь мехами. Над огнем висел громадный котел величиною с полземли. Голый человек сказал: «Кто это вошел?», достал из-за спины щипцы величиной с чум, схватил меня и притянул к себе. «Умер» — подумал я. Сильно испугался. Человек отрезал мою голову, тело разрубил на мелкие части и бросил в котел. Там оно варилось три года. «Пожалуй, над его черепом стоит покузнечить, — сказал он. — Наверно, станет большим шаманом. Это наковальня не злого, а доброго шамана». Затем он сильно ударил по голове...»

Затем кузнец, держа голову в правой руке, левой проверил воду в трех котлах, в третьем вода ему понравилась: «самая холодная, со льдом...» и бросил голову в этот котел. Невыносимый холод пронизал ее.

«После этого кузнец снял с огня большой котел, в котором варилось мое тело, и перелил все в другую посуду. Все мускулы были отделены от костей... У нас, у шаманов, бывает несколько лишних костей и мускулов. У меня их оказалось три: два мускула и одна кость».

Когда все кости отделились от мускулов, кузнец сказал: «Весь твой костный мозг стал рекою. Смотри, как твои кости уплывают» — и стал их щипцами доставать из воды. Он сложил их вместе, и они покрылись мясом. Осталась только одна голова... кузнец приставил её к телу. Я принял свой прежний облик.

На прощанье кузнец вынул у Дюхадэ глаза и вставил другие. Своим железным пальцем он просверлил шаману уши, приговаривая: «Ты будешь понимать и слышать разговоры растений». Просверлил затылок, чтобы он слышал разговоры позади себя.

После этого Дюхадэ очутился на вершине горы и очнулся в собственном чуме, где его с тревогой ждали отец и мать. Но болезнь еще не закончилась, ему не вернули сердце, и он был полусумасшедшим. Он уходил и уезжал куда-то без всякой цели. Однажды, на седьмом году болезни, он так ехал и встретил человека (наяву, не во сне). И человек вложил ему через рот вырезанное прежде сердце...

«Из-за того, что мое сердце несколько лет варилось и закаливалось, я могу долго распевать шаманские заклинания, не чувствуя усталости».

Дюхадэ — лицо историческое. До такой степени историческое, что пожалуй мне следовало бы спросить разрешения у родственников. В их числе — Лидия Аксенова, хранитель Таймырского краеведческого музея, потомок Воронов (Нгамтусоу на местном языке), одного из пяти родов нганасан, живущего в глубине таймырской тундры. Она внучка шамана Дюминме, ее прадед Дюхадэ Костеркин считался одним из сильнейших заклинателей духов на Таймыре. <https://tass.ru/v-strane/4997727>

Уже более четверти века шаманов на Таймыре не существует. В 1982 году двоюродный дед Лидии Тубяку Костеркин передал в Таймырский краеведческий музей свое обрядовое облачение и магические предметы, потому что ему уже некому было передать свой дар. Вот о нем, из другого источника:

Последним великим шаманом был Тубяку Костеркин (1921–1989). Он в детстве утонул: «Еле труп мой нашли. Отец (*Дюхадэ*) меня оживил и сказал: этот ребёнок будет моей сменой. Еще раньше он предсказал: «Родится у меня сын, на левом плече его будет родимое пятно вроде пуговицы. Имя его будет Тубяку (Пуговица), он будет кормить моих зверей (*шаманских духов*)». Говорил: как я жил, так и ты живи. И я... шаманил и днями, и ночами...

В конце 1940-х на десять лет угодил в Норильлаг. Выйдя, 500 км пешком добирался до дома. В 80-е годы полярники рассказывали, как Тубяку, посмотрев по телевизору запуск ракеты, удивлённо произнёс: «И зачем столько железа? Я на Луне два раза был без всякого железа!» Тубяку продолжал шаманить и кочевать. Славился как один из лучших рассказчиков эпоса. От него записаны на магнитофон, переведены на русский более 250 напевов разных эпических сказаний (*ситабов*), более 50 развернутых эпических сюжетов: «Тута Хоразума», «Сеу Мелянгана». Они исполняются от 2–3 до 6–8 часов. Исполнение *ситабы* — это театр одного актёра. «Тубяку покорял силой звучания и своеобразным тембром низкого голоса, его выразительными вибрациями, богатством интонационного содержания напевов».

Этнограф Андрей Александрович Попов, записавший рассказ Дюхадэ, родился в 1902 году в селе Угулятцы Вилуйского округа Якутской области в семье сельского священника из русских старожилов. Хорошо знал якутский язык. Окончив школу 2-й ступени в Якутске, работал учителем в родном улусе (1922—1924). Изучал шаманство и быт долган и нганасан. Сам принял обычаи и образ жизни нганасан. Среди его информантов были нганасанские шаманы — *нгэда*, от которых он записал несколько автобиографий (как он сам называл эти тексты). Три автобиографии опубликованы полностью и содержат описания видений во время шаманской болезни. Записывал генеалогии, объяснение смысла некоторых обрядов и атрибутов, экскурсы в космогонию и т. п.

Что нам известно про другого собеседника, Дэмбэя-сан?

Известно, что японских моряков иногда прибывало ураганами и течениями к берегам Камчатки. Мало кто из них выживал, притом обычно это были простые матросы, ничего, кроме судна и своей деревни, не знавшие.

Татэкава Дэмбэй был приказчиком торгового дома в Осаке. Чем торговал этот дом, мы не знаем, но с собой у него были книги по искусству. Может быть, их он и вез из Осаки в Киото в 1695 году? Неужели альбомы с раскрашенными изображениями актеров Кабуки? Театр уже процветал, гравюры начали входить в моду.

Дэмбэя в Москву доставил Атласов в 1702 году. В Сибирском приказе с него сняли показания, и он смог рассказать многое о состоянии торговли и финансов, о гонениях на христиан, о государственном устройстве и военном деле, в том числе вооружении, артиллерии и фортификации. Повидимому, он уже неплохо объяснялся по-русски. После он лично рассказал царю всё, что знал о Японии, и Петр загорелся идеей исследовать Камчатку, Курилы и открыть торговлю с Японией. Дембею он велел стать переводчиком и преподавателем японского языка, но затея как-то не состоялась. Одно время он жил во дворце Гагарина в Москве, а потом про него забыли, предположительно он умер в 1714 году.

Тем более можно валить на него, как на покойника. Про то, что он был великий лингвист, составил словарь, выучил немецкий и латынь, вел беседы с шаманами, записывал эпические сказания и т. п. А почему бы ему между делом, раз он жил на Камчатке и знал про Курилы, не заняться исследованием айнов? Когда-то они там жили, теперь сохранились только на Хоккайдо. Абсолютно загадочный народ!

Пока что доподлинно известно, что по основным антропологическим показателям айны очень сильно отличаются от: японцев, корейцев, нивхов, ительменов, полинезийцев, индонезийцев, аборигенов Австралии, вообще от всех популяций Дальнего Востока и Тихого океана.

Генетика и лингвистика с этим согласны. На Японских островах айны появились около 13 тысяч лет до н.э., создали неолитическую культуру Дзёмон. Так, а сами Японцы откуда?

Дэмбэй только не понял вопросов о связях Японии с Китаем (Китай называется по-японски совсем иначе — «Син» или «Тюоку»), принял его русское название за название японского города Аки́та, и сообщил русским, что из его страны в «Китай» имеется сухопутная дорога.

Еще два слова про Японию! Мы уже отметили параллель между династиями Цин и Романовых, они начались и закончились почти одновременно. Правление сёгунов Токугава началось в 1603 году и закончилось революцией императора Мэйдзи в 1868 году. Чуть меньше трёхсот лет (я раньше начал, кончу ране). И у них тоже был застой. Тенденция, однако!

Конференцзал Гагарина — ограниченный только со стороны улицы забором с воротами двор представительского дома. Перед фасадом армейцы и казаки, позади стихийно меняющееся кочевье. Там устроили что-то вроде беседки, где у князя бывают неофициальные встречи. Сейчас Матвей Петрович обсуждает насущные дела с матерым старовером Тимофеем. Мало отменить гонения, надо как-то это оформить юридически. Позволят ли старообрядцам владеть землей, строиться, как никонианам? Казенной земли они не просят, а если расчистят сами, засеют? Заведут скот? Построят, скажем, мельницу? Будут ли с имущества скитов брать налоги?

— Пока для себя, насущное — не буду. Разбогатеете, будем, как с дацанов и монастырей. Вы вот что: мельницу строите — стройте большую. Будете для солдат молотье. Сколько пудов, посмотрим. Вот и налог вам.

Договорились.

— А ты, Тимофей, — спрашивает Губернатор с усмешкой, — ко мне за стол не пришел, побрезговал, а с язычником, да еще и шаманом, беседовал?

— Так он же нехристь, что животное все равно. Что тут брезговать? Я с ним и жил в одном балагане, из одного ковша воду пил. Ты ж с конем своим из одного ведра водой не погребуешь?

— О чем же вы говорили?

— О Бытии Божиим. Он очень умный. Много понимает. Много мне рассказал про бесов. Про царя нашего покойного...

Губернатор собирается в путь, свои владения осмотреть, проверить, все ли как надо. Охо-хо, велика Сибирская держава... Отсюда, от Якутска до Тобольска, дальше чем от Петербурга до Испании. От Якутска до Анадыря, в другую сторону — еще столько же. Только дороги еще хуже, где есть. Ничего, зимой везде дорога. Надо бы в Нерчинск, с него и начать. Омскую крепость надо проведать, Семипалатинскую — это рядом с казаками.

Казахи у него тут, под рукой. Табун рыжих коней, калым его, привел батыр Кананбай. Такой табун без богатыря целым не доведешь! С ним дюжина молодых жигитов. Им всем Гагарин предложил службу, внаем, зачислил их в казаки, Кананбая назначил подхорунжим, а в хорунжий произвел своего адъютанта-ординарца-курьера-посланника Павла и к ним приставил. Дело ответственное, начало собственной губернаторской гвардии. Пусть он их погоняет, языку научит, к оружию приставит. Павел может все; а тут он как-то заскучал.

А что делать? За одежду, постель, обед и ужин молодая отвечает. Матвей Петрович было и пожалел, с ординарцем бы ловчей, но обошлось: как прежде, не слышит, не видит, а все на своем месте и в нужный момент. Девушка довольно жила в русской семье, порядок понимает и тот и другой. Не стеснялась и у Павла спрашивать, что где лежит и что князь любит. Не обидела, советовалась. И всегда она занята, не торчит перед глазами. Сейчас у нее правда дел достаточно: князь в большой поход собирается, в большое кочевье. Аргиш — дело женское.

В Нерчинске постоянно обитает небольшое торговое представительство. Хотя караван собирается и проходит даже не каждый год, тем более надо держать палец на пульсе. Два-три человека этим и занимаются, фактически это семья, небольшой дом с чайной лавкой. Торгуют и кулями, и фьючерсами. Основные, официальные операции скоро переместятся в Кяхту, но здешнему филиалу тоже что-то перепадет. Здесь же дом для проезжающих, ожидающих, наблюдающих, словом, тихая приличная гостиница. Сейчас в ней расположился правитель с молодой женой, приказчик торгового дома пришел отчитываться со счетами и бумагами. Отдельно проживает японец Дэмбей. Да еще в каморке на чердаке поправляется отставший от последнего каравана больной кули.

И тут вытягивается ниточка, которую хочется вытянуть до конца...

Когда сочиняешь от фонаря, хочется надергать реальных фактов, тем самым добавить убедительности. Вот есть у нас кто-нибудь знакомый в ранней Цин? Кажется, «Сон в красном тереме» написан в XVIII веке? Что делает Цао Сюэцинь при наследнике Канси?

Где-то там, по ту сторону, по представлению европейцев.

Он либо еще маленький, либо совсем маленький. По разным прикидкам ему 4-14 лет. Он растет в бедности, где-то в глуши, без отца. Где-то в северных горах, недалеко от русско-китайской границы. Тогда еще не очень четкой...

Еще не скоро напишет великий печальный роман, в котором тоненькой-тоненькой, но неразрывной ниточкой проходит русский след.

Современники могли вычитывать в рукописи, которую по частям выхватывали из-под руки автора, переписывали и разносили по знакомым, историю падения высокой китайской и т. д., словом, вот так разлагалось дворянство, вот так разлагалась семья. Мы же следим за тем, как детство, юность, нежность, поэзия, талант гибнут в среде взрослых, корыстных, грубо ортодоксальных, лишенных способностей, развратных, никчемных...

Словом, две равно уважаемых семьи строят волшебный сад, «Сад роскошных зрелищ». В другой версии перевода — «Сад Великого Созерцания». Возможны варианты.

Избалованный красивый барчук, главный (единственный) герой романа, и героини, его родственницы, прелестные умные девушки, живут в павильонах сада с девочками-служанками (две из них тоже героини, всего героинь 12). Мальчик, вместо того чтобы с утра до ночи писать иероглифы (и ночью, при свете луны или светлячка), болтается где попало. Вот он навестил бабушку, она в семье самая главная (дедушка умер), и собирается к себе, в свой домик в саду. А тут дождь. Бабушка достает из заветного сундука какую-то драгоценную верхнюю одежду, память великого дедушки, и дает ему надеть, только чтобы ни в коем случае не повредил, потому что дедушка... Эта одежда — «русский кафтан из павлиньего пуха»! Почему кафтан, если в дождь больше подойдет накидка с капюшоном? И почему он «русский»? Кстати, на иллюстрациях Бао-юй идет домой именно в накидке и притом косматой, как японские плащи из соломы.

В этот день в парке что-то празднуют, искра от фейерверка попадает на плащ и прожигает в нем крошечную дырочку. В мохнатом плаще, как он и нарисован, это было бы незаметно, но в тексте он скорее парчовый... Одежду надо вернуть рано утром! Одна из служанок, больная, в жару, приподнимается и говорит слабым голосом: если я не смогу, никто не сделает... А на неё, бедную, еще злится мать мальчишки! Слишком, мол, красивая!

Больной подали пяльцы размером с чайную чашку, моток шелка и моток нити из павлиньего пуха... был, значит. Цин Вэнь натянула ткань на пяльцы, ссучила нитку и начала восстанавливать рисунок, видимо, имитируя тканьё. Поистине китайская работа! Девушка падала без сил, другие поддерживали ее, поправляли подушки, держали светильник, виновник наливал и подносил ей чай. Она смогла все сделать к рассвету, но ей стало хуже, а глупая баба, мать героя, наслушавшись сплетен, обвинила прекрасную чистую девушку, что она соблазняет хозяина, и велела убираться к старшему брату, вот так, в горячке!

Так почему все-таки «кафтан»? Комментарий носителя языка: Там слово «цяоцзиньна», комментаторы пишут, что его сам Цао Сюэцин и придумал. Плащ или куртка или тёплая накидка, действительно написано, что из павлиньего пуха. Какая-то quasi una fantasia.

А что, если пресловутый «Дед», основатель величия рода Цзя, т. е. Цао, участвовал в составлении Нерчинского договора, посещал спорную (российскую) территорию, и получил в подарок экзотическую одежду нивхов или долган? Парадную парку из рыбьей кожи, вышитой шёлком, или плащ-дождевик из моржовых кишок.

А ниточка... барский сынок тайно срывается из дому, чтобы навестить больную в трущобе, куда ее отправили, и прощается с ней, умирающей. Дома он ходит, как потерянный, слагает поминальное приношение духу бедняжки, вызывает ехидное замечание той, которую любит по-настоящему. И она тоже больна, и тоже умрет. Бедная служанка Цин Вэнь только отражение, слабая тень возвышенной Линь Дайюй, но и она, воспоминание о ней возникает в последней трети романа, дописанной другим автором. Ничего хорошего с ленивым, хотя и талантливым юношей, не произойдет. Да и можно ли быть счастливым в превратном мире?

В низкой просторной гостиной торговой миссии собралось интересное общество. В большом кресле, накрытом серебристой шкурой огромного старого медведя, расположился губернатор Матвей Гагарин. На нем строгий будничный мундир и небольшой парик. Японец Дэмбей рассматривает китайскую картину с изображением воина на коне. Приказчик торгового дома, молодой еще, деловой человек неясной национальности, держится у окна. Тут же тот самый «больной кули» — образованный китаец, помнящий времена процветания, испытавший много бед, но сохранивший строгое достоинство известного поэта и ученого конфуцианца.

Его-то, господина Цао, мягко выражаясь, вербуют в агенты. Губернатору нужен секретарь, способный разобраться в китайской юридической казуистике и всяких эквивоках. Способный по выбору иероглифов понять, насколько значим тот или иной документ.

Господин Цао в совершенстве владеет высоким «мандаринским» языком, языком военных, более-менее языком деловых операций, ну и конечно может объяснить слугам, что от них требуется. Приказчик, разумеется, как рыба в воде в языке китайских торговцев, таможенников-маньчжур, пограничников — ойратов и монголов; разумеется, говорит по-русски живо и свободно, с эвфемизмами и поговорками. Знаком с парой туземных языков.

Дэмбей изучал в школе китайский — разумеется, язык китайской поэзии, язык Бо Цзюйи. Он получил очень хорошее образование в частной школе. В XVII веке живая культурная жизнь сместилась в города, богатые купцы желали ни в чем не уступать самураям, и средства им это позволяли. В городах возникали лектории, где изучали науки, литературу, музыку, посещать занятия могли и женщины из торговых и ремесленных семей. Там можно было услышать о западной науке, о необходимости политического равноправия, о необходимости обучать грамоте сельское население, по традиции почитавшееся выше презренных торгашей, но вымирающее с голоду...

Семья Дэмбея занята издательским делом, самым передовым, самым интересным видом промышленности. Спрос огромный! Тиражи доходят до 10 тыс. экземпляров! (правда, книги небольшие). Для них трудятся профессиональные писатели, иллюстраторы. Самые модные книги — в которых главное гравюры, а сбоку пояснительный текст или стихи. Создаются библиотеки, где небогатые люди берут почитать книжки за небольшую монету...

— Моя семья жила так, — грустно рассказывает господин Цао, — словно богатство и знатность обещаны нам небесами навечно... когда настали перемены, мы растерялись... Никто не знал, как надо поступать. И теперь мы не в состоянии даже ухаживать за могилами предков. Мы решили, что будем стойко сносить все, уедем в деревню, как Тао Юаньмин, выращивать тыквы, а наши знатные друзья будут гордиться, как прежде, нашей дружбой. Я зарабатывал переписыванием книг... но в довершение ко всему, моя старшая дочь была назначена одной из четырех гуй-фэй, и чтобы не смущать ее нищим родством, мы объявили, что ушли в горы постигать Дао. Единственное, что меня угнетает, это невозможность дать образование сыну, чтобы он мог впоследствии восстановить славу семьи...

— Если вы, советник, согласитесь делать для правительства то же самое — читать и писать — надеюсь, вы сможете отдать сына в школу. А почему бы вам не перевезти его к себе? Может ли быть наставник лучше отца, искушенного во всех книгах, древних и новых? *(перевод Дембея)*

Нет-нет, заложничество не при чем. Только забота о сотрудниках!

А почему бы китайскому и японскому интеллектуалам не пожить немного здесь, в Уссурийском крае? И климат мягче, природа экзотическая. Красиво. Большая торговля решительно сместилась западнее, в Кяхту. Дэмбей устроит чайный домик на подворье, будут писать стихи, каждый на своем и о своем... тут и мальчика подождут.

Все время забываю про размеры Сибири. Кажется, раз Нерчинск к востоку от Якутска, значит в Приморье, «В Дебрях Уссурийского Края», вокруг него цветут, бегают и летают третичные реликты. А до реликтов тыща с лишним верст. Ничего, в Забайкалье везде красиво.

Приморье по Нерчинскому договору входит в империю Цин, на деле принадлежит себе. Князю бы отправиться вниз по Шилке, вниз по Амуру, любоваться роскошными видами, обняв за талию красавицу жену... Выйти в море, подняться к Охотску, где шведы строят морские суда. Возвращаясь от чукчей, не смог туда завернуть. И сейчас нет времени. Он начал служение Сибири Нерчинским воеводой. Здесь у него сереброплавильный завод. За городом старинный Успенский монастырь. С настоятелем надо обязательно встретиться, должен много знать о туземцах-тунгусах, эвенках. Они уже как-то сожгли город. Не собираются ли снова восстать буряты, буддисты? Православные казаки, крещеные туземцы, приезжая в монастырь, много чего рассказывают.

Кстати, он сам в 1712 году построил здесь первое каменное здание на Байкале. Здесь важные люди встречались. Будет здесь Академия Наук! Раньше, чем в России! Институт Востока, Восточных языков. Дэмбей уже один словарь составил. Труды Академии должны стать известны в Европе. Нужна латынь! Что за наука без латыни?

За ужином Матвей Петрович просит главу торгового дома, если, в случае, забредут из Китая гонимые беглые иезуиты, приютить, в Китай не выдавать, если Советник (господин Цао) захочет с ними поговорить, пусть разговаривает. Хорошо бы хоть один оказался врач... Пожелают, пусть живут вместе на подворье. Книги, какие есть, давать свободно, бумаги, чернил сколько пожелают. Но не выпускать из города! Он, губернатор, потом решит.

Теперь встреча с казаками. Буряты, бургуты, монголы и в казачестве остаются скотоводами, кочевниками, буддистами и шаманистами. Крепко связаны с семьями и родами. И над ними сейчас угроза ойратского нашествия. Пора подтянуться, заняться обучением — очень уж расслабились. Атаману Войска Монгольского и Бурятского указать на близость стычек, а может и серьезных боев. Устроим смотр. Луки у них в порядке, пики — домашнее производство. Посмотреть, посчитать, сколько дать им ружей и ружейного припаса, сколько из них владеют огнестрельным оружием. Амуницию обещать, если на смотре хорошо себя покажут. Нарядный кафтан, мундир — ценная награда, это им прибавит духу. Будет чем дома похвастаться!

И лошади, лошади. Монгольские кони для кочевой жизни — лучше не придумаешь: еда у них под ногами зимой и летом, без питья сто верст пробегут. Спокойные, дружелюбные к людям и чужим лошадям. На них монголы полмира завоевали, и нас, грешных. Кормить не надо, сами кого хочешь прокормят, молоко жирное, мясо вкусное.

Ах, кони, кони-звери! Вашу тень обгоняет народов страх... Вы — истинное золото скифов! Да что там скифы, были да все вышли, а народы так и не пришли в себя от страха... то гунны, то печенеги (но это неточно), то половцы, то, не к ночи будь помянуты, монголы! И все они среди своих степей толстой плеткой погоняли недоезжанных коней. Таких вот невысоких, коренастых, на прочных коротких ногах. Не слишком резвые; а куда спешить, если страх все равно обгоняет и лишает возможности собраться с силами для сопротивления?

Любили, гордились, хвастались. Конь как брат родной, только лучше: нож в спину не всадит. Он и в могилу с хозяином, он и духам желанная жертва. Конь ведь тоже души не чаял в хозяине, жизни без него не мыслит. От чего, по-вашему, пал безвременно конь Вещего Олега? Что ему отборное зерно, ему бы лучше стоять под стрелами врагов. Конь — пьедестал героя! А тут в производители списали...

Но времена меняются. Ростом меньше всех сибирских лошадей, ноги короткие. Для выездки, для строя, для призовых скачек надо улучшать породу. Так чтобы хорошее не растерять, а лучшее добавить. Вот у казахов кони стройнее, суше. Все-таки степи, не горные леса. Горные леса Бурятии и Монголии — отдельная песнь... Священные места, одухотворенные. Загадочные, иногда зловещие... а нам тут чужих не надо...

«Голец Сохондо — древнейший вулкан. Его склоны восхищают прихотливостью форм. В Сохондинском заповеднике берут исток Селенга, Амур, Ангара, Енисей. Они принадлежат к бассейнам разных океанов: Амур течет в Тихий океан, Селенга, Енисей, Ангара — в Северный Ледовитый... А что там растет, что там плавает, летает, ползает, пасется, крадется...» Каждый может сам посмотреть картинки. Картинки Алтая тоже.

Некогда князю любоваться картинами! Он занят модернизацией армии. Того, что в этих местах считается армией: связанных родством, дружбой, побратимством отрядов национальной элиты. Конных, оружных, иногда и верблюжьих... нет, конечно, верблюды не боевые товарищи, они обоз.

Хороший лучник может выиграть поединок с плохим стрелком. Но полк хороших лучников проиграет полку плохих стрелков — если не сможет заманить его на солончаки. Такое бывало. Странную какую-то историю инкриминировали Гагарину с экспедицией Бухгольца, которую он по приказу императора снабдил отрядом в 3000 вооруженных солдат, чтобы искать золото, и которая как-то вся погибла. Может, солончаки, может обычные приписки: отправил 50

инвалидов, написал 3000 рекрутов... Ну, в общем, солончаки тоже не всегда под рукой.

Так вот лошади, лошади... Вот такие они и были, легендарные скакуны Джангара и Гэсэра, упряжные кони, изображенные с таким вкусом и тщанием на стенах древних китайских усыпальниц (они там вообще больше на кабанов похожи, но как мчатся)! Ценили их, лелеяли. Конфуций обличал учеников, которым удалось пристроиться на государственную службу: сразу завели

мягкие шубы и жирных коней. Между прочим, важное свойство сибирской лошади: они быстро нагуливают вес, на случай зимы или дальнего похода. Пока жирный похудеет, тощий околеет.

Тунгусы, те же буряты, своим героям имена давали: Караткан Ноен — Кара-атты-кан, Знатный господин, хан, ездящий на вороном коне; Куладай Мэрген — Герой-лучник на Саврасом (кула, масть дикой лошади, кулана, природная).

Зачем рост боевому коню, чтобы над уровнем ковыля возвышаться? Но время требует. Есенберлин всегда отмечает: показался всадник на огромном коне. Ясно, богатырь едет. Да, всадник тоже огромный. Надо сделать скидку на реальные размеры степняков. Не надо представлять чудовищного врубелевского Илью Муромца: сила не в массе, она в особом строении мышечного волокна, у людей и коней. Хотя князь Гагарин мог воображать богатырского коня вороным фризом, какие в московские времена возили его золотую карету. Не пропала эта ценная порода, «чёрное золото Голландии», когда-то выведенная для рыцарских турниров, «красивейшие лошади в мире»! Пожалуйста, можете купить!)

Не для нас, не для степной безжалостной войны черные лебеди. Здесь тоже хороши. Бурятские, монгольские лошади — все одно, 130 см в холке у жеребца.

Семенов-Тяньшанский нахвалиться не мог «прекрасными киргизскими (казахскими) конями». В его записках лошади заметно улучшались по пути с запада на восток: сначала были вятки, потом лошади приписанных к Тагильским заводам мужиков, те жили много лучше средней России, а зарабатывали почтой, и лошадой держали отличных, для проезжих. Дальше казаки, наездники природные, и вообще воля и труд человека дивные дива творят. Добрался он куда следовало, а там и горы, и перевалы, и ледники, и ледяные реки...

Вот на этих крутых маршрутах и показали себя невысокие, неказистые, безотказные, верховые и вьючные... как бы их назвать? Английские разведчики, партнеры наши по «Большой игре», пишут — «пони». Это по-английски не те, кто мальчиков катают и девочек катают; просто невысокие лошади. Как быть переводчику? «Пони» — это игрушки; «лошадки» — тоже, да еще деревянные. Лошади, кони — пропадает оттенок. Трудно дело перевода!

У них там еще верблюды по горам лазают, горные реки перебредают. А нас учили, что верблюд в гору не пойдет, он даже между барханов петлями ходит, так там и тропы вьются, только бы не лезть вверх. А что они, хуже Ганнибаловых слонов или Суворовских пушек? Умный и в гору пойдет, если хорошо заставить.

Коней под седло пасут и воспитывают отдельно от основной массы, тех и не объезжают. Есть еще ханские аргмаки, известные по именам. Их держат на привязи, кормят, чистят, наряжают. Искусственно создавали местные породы, скрещивали с привозными. «Аргмак», высокая лошадь — араб или ахалтекинец, или полукровка, от пожалованных султанами. Вот и китайцы у себя еще в IV веке какую стройную лошадь вывели.

В Европе запрос на «блистательных, полувоздушных», «не касающихся земли», обгоняющих мысль, возник из зависти к персидским и турецким владыкам. Раз надо, значит надо. И англичане завезли к себе Тюрка, захваченного в 1686 году при разгроме турок под Веной. Казахские лошади — это лошади вообще, от косматых, как якутские, до улучшенных текинцами, ханских боевых. Таких «вообще» лошадей, в платоновском смысле, ярко-рыжих, без отметин, калым за невесту, поделили между собой её отец и сват, известные лошатники, чтобы заняться селекцией, скрещиванием, на основе отборной элиты.

Сама невеста, теперь жена, выбрала кобылу с жеребенком и жеребчика-трехлетку. Тогда же он подарил любимой два скифских талисмана из кургана под Тобольском. Почти все золото он тогда отправил царю, а эти себе оставил, на счастье, чтобы и золото множилось, и кони. На одной жеребцы грызутся, на другой кобыла вылизывает жеребенка новорожденного.

Но уж совсем чудо — это якуты... Древнейшая порода, палеолитчики находят останки в 30 тыс. до нашей эры. Вместе с волосами, наверно, с шерстью. Там все такие были, и мамонты, и носороги; те вымерли, а кони к людям прибились. Так и жили вместе: зимой -60° , летом $+40^{\circ}$. Севернее их только олени и медведи, да и то медведь зимой спит. В этой породе лучше всех разбирается юная удаганка Умсуур, жена губернатора. Знает, какой род какую линию разводит, кто по мастям отбирает, кто самых гривастых, кто курчавых...

Но теперь у нее свои будут, особенные. Как вспомнит о них, улыбается и поет... Якуты и якутки чаще поют, чем говорят.

— Что поешь, ласточка?

— Про коней пою, про коня Нюргун-боотура, Вороного, про Мотыльково-белого коня Юрюнг-Уолана, про Красно-буланого коня Кыс-Нюргун, воительницы, чтобы мой был такой...

Жаждой пространств
Обуянный конь,
У коновязи застоявшийся конь,
Как поющая на лету стрела,
Спущенная с тетивы,
С места рванулся,
Вдаль поскакал.
Словно крылья гоголя по весне
Ветер в ушах Нюргуна свистел.
Дивный конь
Широкой грудью своей,
Твердой, бронзовой грудью своей
Рассекал налетающий вихрь.
Грива черная на ветру
Клубилась тучею грозовой,
Кромсаемой молниями в высоте,
Пласталась, как темный дым;

На грани летящих белых небес
Стоя рожденный конь Вороной
С юношей седоком
В бескрайнюю ширь
В непомерную высь
Торжествующего неба взлетев,
Ровно тридцать три ревущих дня,
Тридцать три вопящих ночи подряд,
Не отдыхая, скакал.
Мчался ввысь, устремлялся вниз,
Слетая с колен коня,
Восемь вихрей кружились, гудя;
Хватаясь за гриву коня,
Семь безумных илбисов
Билось, вопя;
Под чугунной грудью коня
Серные мелькали огни...

Как гром, как летняя гроза, пронесся отчаянный Правитель Сибири с Востока на Запад, по степному, озерному, горному, Южному краю необозримой земли. Он создавал, он лепил армии. Из ленивых, вздорных, заносчивых, глупых, жадных, вероломных, хвастливых, непокорных. Только трусливых не было. Не водятся они там.

Из родов извечно враждовавших, грабивших друг друга, дравшихся насмерть за пастбища и водопои, считавших взаимные обиды со времен до Чингисханова нашествия.

И солнце восходило... Восходило раскаленным добела металлическим диском, сжигавшим последние клочки утренней свежести. И заходило багровым кругом в пелену пыли над горизонтом. И гудели ветры, и пронеслись, скручиваясь в ходячие столбы, смерчи... И взрывались громами страшные сухие грозы, и бесились в тучах огненные кони...

По краю степи, порой углубляясь в нее до самой пустыни, движется пестрый караван всадников и повозок. Порой он занимает весь неширокий степной окоем, превращается в ярмарку с ревом верблюдов и скрипом колес, то словно растворяется, и только три-четыре всадника скачут к северу, под кров тайги...

Скачет Матвей Петрович, создает новую армию. Ничего нового в его замысле нет: небольшие летучие отряды отчаянных молодцов. Живут они своей жизнью, пасут стада и табуны, кочуют зимой и летом — но по зову губернатора слетаются вместе, башкиры и якуты, казахи и буряты, чтобы напасть, поразить, напугать, обратить в бегство и исчезнуть...

Коней им надо получше; этим он уже занят. Сейчас он недалеко от Удинска, будущего Улан-удэ. Волна слухов катится далеко перед ним: Большой Воевода, Великий Тойон, Верховный Правитель скачет по горам, лесам и степям, с ним красавица жена и десяток казаков! Каждый старший в роде, каждый, кто хоть чем-то себя считает, не может этого пропустить; внуки-правнуки спросят, где был наш почтенный дед, когда губернатор скакал по нашей земле, и с каждым беседовал, расспрашивал о жите-бытье?

А следом, как и должно быть, как пенный след по воде, тянется и расходится волна рассказов: как выезжали навстречу вожди враждующих народов, как сидели на одном ковре, пили кумыс из одной чаши, ели одного барана и разъезжались к своим улусам союзниками и друзьями. Да еще соперничали: кто лучший дар поднесет бывшему сопернику.

Мудрые аксакалы прославились справедливыми решениями, богатые баи — щедростью и роскошью пиров, а молодёжь — удалью. Матвей Петрович и не подозревал даже, сколько подвигов ловкости и отваги (спортивных достижений, сказали бы мы) совершилось во время его исторической поездки. Геройскими играми он очень интересуется, вместе со всеми смотрит байгу и делает ставки, обязательно присутствует на джигитовке и козлодрании, но столько событий происходит одновременно, за всеми не уследишь. Победителям, что в конных играх, что в стрельбе из лука, в метании копий — дарит дорогие песцовые шапки, кожаные пояса с бронзовыми пряжками. Дарит суконные халаты, красные хлопчатные рубашки. Хвалит всех и приглашает на большой осенний праздник в Семипалатинск. Там каждый покажет свою доблесть!

Парни постарше, если родители не возражают, могут записаться в казаки (а там из ружья дают стрелять!). Высокую лошадь ему дадут, кафтан.

Насчет примирения врагов — не шутка. Даже кровная месть, даже между чужими народами, разрешается, если провести подробное, обычно многодневное, расследование, и договориться о возмещении, выкупе. Сколько историй выслушал губернатор, не понимая даже, о чем идет речь! А ему и не надо. Есть для этого особые люди, ничего в них нет особенного, не знатные, не богатые, не ученые, часто, как и батыры, из черного народа. Много знающие, умные люди, справедливые и честные. Беспристрастные. Как возникает такая репутация, не всегда понятно, но их решение непререкаемо, и мало того — оно устраивает всех.

Присутствие Правителя земли Сибирской, командира всех солдат и казаков, распорядителя всех караванов, покровителя сирот (об этом уже известно), начальника шведов, делающих пушки, корабли и книги с изображением Земли и Неба укрепляет соглашения всей мощью земной власти; духи Земли и Неба проследят, чтобы договор не был нарушен безнаказанно. Все прекрасно, память о победившей правде и мудром начальнике будет передаваться от улуса к улусу и от поколения к поколению. Но Гагарин хотел бы и для себя иметь хоть какие-то документы, записи, как разрешился спор о колодцах и пастбищах, о нарушенном сватовстве, о ложном обвинении в барымте. Где взять ему секретаря, чтобы языки знал, и местные неписанные законы, имена-прозвища мог произнести и хоть как-то записать это по-русски? Были у него от времени до времени местные толмачи, но они в своих местах и остались. Теперь нужен универсальный гений.

У туземной знати всегда найдется певец-сказитель, жырау (примерно скальд), есть и домашние, есть знаменитые, хранители тысяч исторических сказаний, устных летописей. Многие уже ездят по аулам, наслегам и улусам, передавая всем, всем вести о замечательных событиях, встречах, разговорах и договорах, о победах в играх — и в поэтических турнирах тоже, и о них расскажут, цитируя удачные ответы. Должен найтись такой гений! Потому что не зря князь Гагарин глотает степную пыль из-под копыт бешено мчащихся молодых коней с босыми мальчишками на спине.

Борет его великая мысль: не допустить страшную беду, которая вот-вот постигнет землю и народ казахов. Мы знаем, что постигнет, страшное опустошение джунгарского нашествия; князь не знает, но чувствует, что оно неизбежно. Он надеется: когда китайцы (маньчжуры) узнают, что в степи готовы сотни небольших, тренированных, хорошо вооруженных отрядов из самых азартных юношей и подростков, казахов, бурят и якутов, а за ними русское казачество и армия с огненным боем, они подумают, стоит ли поощрять и поддерживать хищничество джунгар; как бы они, обратившись вспять, не привели за собой губернатора Сибири, который не побоялся и самого царя-императора всей Лусии...

Да, но где сказания на сотнях сибирских языков, воспевающие отважного мятежного князя? И где прилежный летописец Великого Похода Матвея Гагарина?

Пока что я за него, но еле справляюсь. Жаловалась уже, что совершенно теряюсь на просторах Сибири! Карта, на которой помещаются одновременно Улан-Удэ и Семипалатинск, мелкая, неразборчивая и без рельефа, а на общей карте такая мелочь, как Нерчинск и Кяхта, не обозначены. Достала любимый гимназический атлас 1912 года и растерялась...

В гимназиях география была важнейшим предметом, наряду с историей и латынью. Легендарные бабушки и тетушки довоенных лет без запинки перечисляли столицы множества государств, которых часто в наше время уже и не было... Свежие у них были мозги, не замутненные отношениями высоты и медианы в равностороннем треугольнике.

Чтобы как-то что-то держать в голове, пользуюсь градусной сеткой. Например, Нерчинск, Кяхта и Семипалатинск почти ровно на 50-й широте, почти там же Акмолинск. Тобольск много северней, примерно 58, Якутск аж на 62. Анадырь еще северней. Улан-Удэ там нет, но он чуть ниже Байкала, а Иркутск чуть выше. И конечно везде горы, горы...

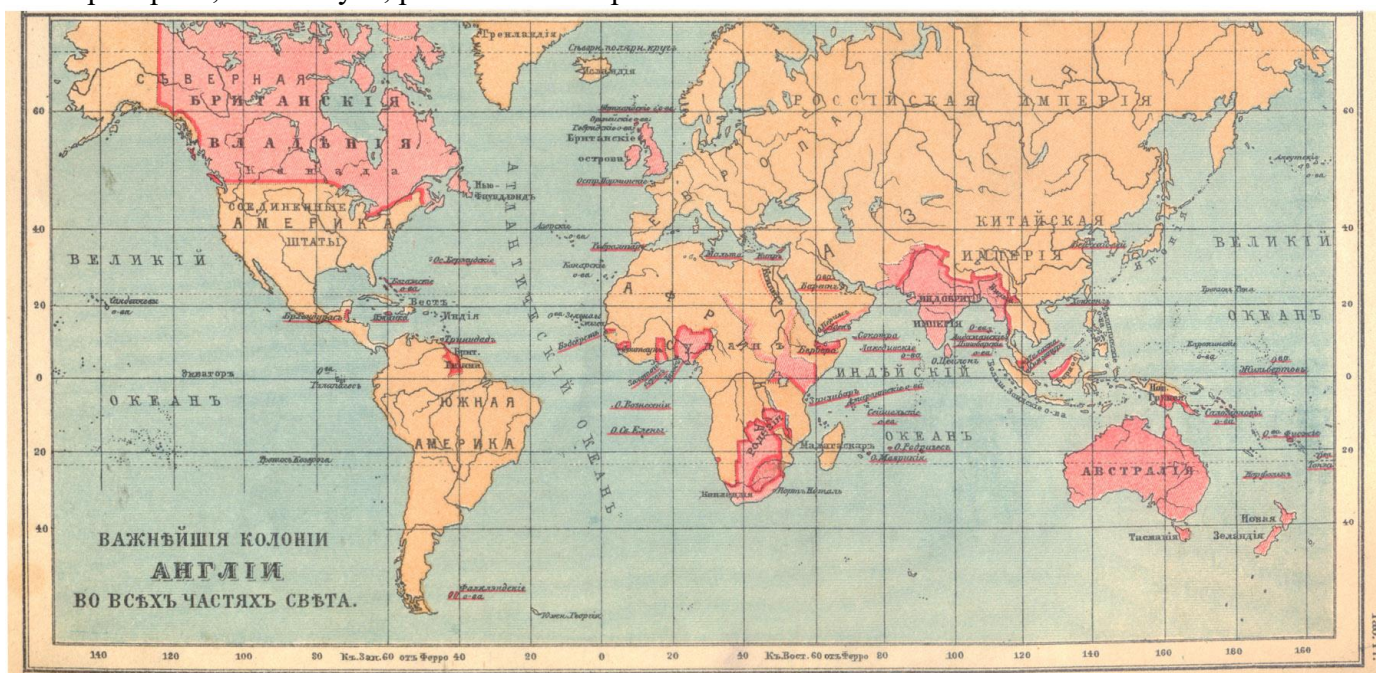
Теперь меридианы. Тобольск... Я же сама недавно писала, что Уральский хребет почти весь почти целиком лежит вдоль 60° восточной долготы! А он на 80°. Так, а где у нас нулевой меридиан, т. е. 180°? Пересекает Камчатку и Колыму... а, вот внизу карты тоненько мелко обозначено: Къ Вост. 120 от Ферро

И где это Ферро? Похоже, в Исландии.

Къ Вост. 180 от Ферро находятся Соломоновы острова. Ну ладно, раз уж они так решили... На картах Европы долгота указана от Ферро. Долистали наконец до Европейской России, и теперь считаем от Пулкова! Но не забыто указание, что нулевой Пулковский меридиан Къ Вост. 50 от Ферро. И тут уже Урал вальяжно разлегся на 30° ...

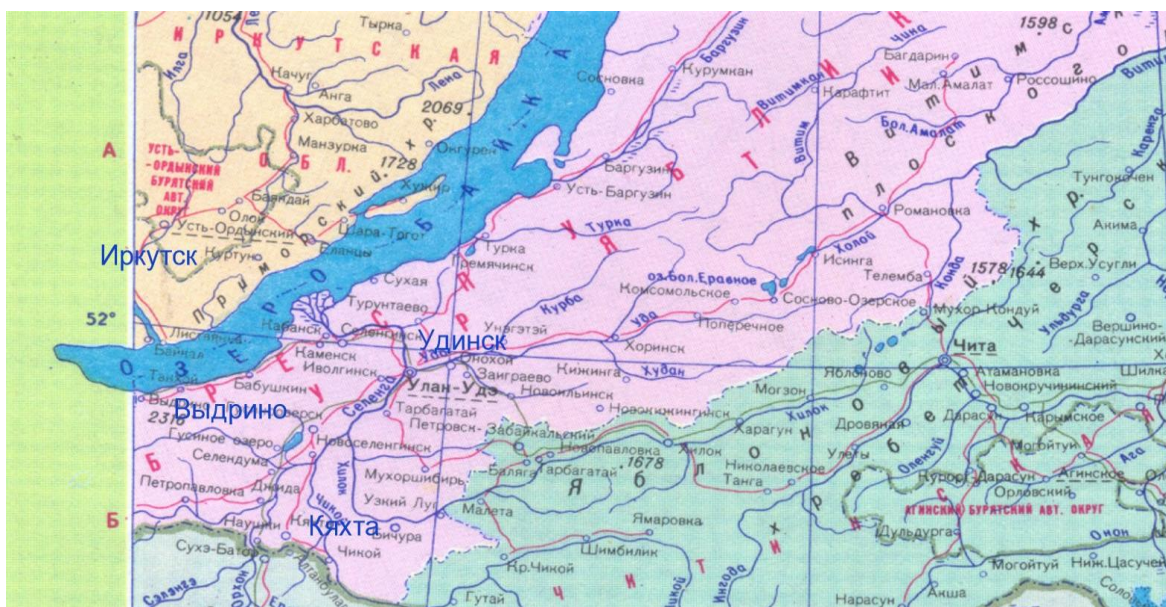
А Гринвич надменно игнорируем? Нет, на карте Великобритании и Ирландии координаты даются от Ферро, но помечено и «0 от Гринича», и «Гриничъ Вуличъ» подписан рядом с Лондоном. Словом, я гимназистка шестого класса, и по географии у меня трояк. И меня дразнят: стоит Париж на Тереке в Северной Америке...

...а еще «вместо могучей реки Ориноко пик Ориноко стоит одиноко...», а «в Сахаре снега невпроворот», такая наука, располагает к приколам.

Забавная карта того мира... Посмотреть в меркаторовой проекции, так у англичан не так мало осталось! Но по-моему обычная проекция тоже меркаторова. А наша-то Сибирь, а?

Там, где ныне процветает столица Бурятии, в XVII веке был перекресток путей, кочевых, торговых — перекресток интересов. Среди юрт и яранг два-три каменных дома и десятка два изб. Здесь проходил караванный путь в Нерчинск, а теперь в Кяхту. По Селенге, на которой образуется непостоянное стойбище, сплавливались в Байкал, пересекали его и по Ангаре поднимались в Иркутск, город могучих купеческих семей. Матвей Петрович этим путем послал на карбасе к наместнику просьбу — пополнить запас красивых вещей для подарков баям и батырам. Встречу назначил в урочье Выдрино, у самой почти юго-западной оконечности Байкала. Там он собирался на просторе продолжить свой деловой карнавал.

Выдрино, как и Удинск, живет интересами и заботами торговли с Китаем, зарабатывает, предлагая купцам вьючный скот, продовольствие и свои услуги, перепродает доставленные с севера меха и красивые кожаные вещи. Тут же и веселятся, соперничают, хвастаются лошадьми и верблюдами. Здесь создается репутация знаменитых скакунов и наездников. Князь может рассчитывать на сочувствие своим планам улучшения местных пород...

Когда-то в 50-х дед дал мне почитать журнал «Вокруг света» года примерно 1910. Небольшая заметка о том, как некие коннозаводчики намерились впарить богатым киргизам (казахам) кровных английских лошадей. Привезли показать 4-5 жеребцов и кобыл. Местные знатоки-любители только отмахивались: да куда, да зачем? Таким только в манеже красоваться! Да ладно, быстрее наших — а если весь день скакать? Да они у вас... да у нас...

Хозяева, бывшие кавалеристы, предложили устроить скачку — 50 верст по сильно пересеченной местности, с оврагами и прочими радостями. Ну кто же откажется от состязания! Поскакали все приезжие кони и наездники и местные — без ограничений числа. Сначала гости далеко ушли вперед — быстрее их породы нет и не будет — но когда они начали осторожно, шагом, чуть не в полуприсяди спускаться в овраг, «киргизы» просто туда скатились всей ордой и выскочили наверх, и понеслись с визгом и топотом... на ровном месте англичане их снова обошли. Овраг был не один. Но неженки-аристократы намного опередили соперников перед финишем, и пришли конечно взмыленные и запыленные, но азартные и готовые скакать дальше. Притом во время скачки одна кобыла попала передней ногой в сурчиную нору, ногу сломала, но донесла всадника до конца и тоже была из первых!

Дальше, конечно, обязательный *той*, во время которого были заключены соглашения о сотрудничестве. В журнале были фото коней с кличками, фото заводчиков с фамилиями. Если в Первую и Вторую в армию не всех забрали, в Гражданку и позже не всех съели, может кто-то из потомков этой кобылки по степи скачет...

Что же, старый интриган так просто доверяет прежним сотрудникам и споспешникам, ныне, увы, сообщникам — градоначальникам, воеводам, комендантам, казачьим атаманам, купеческим старшинам? Нет, зачем? Зачем обременять человеку совесть своим доверием? Каждый за себя, за свою семью, за своих клеветов. У многих властных лиц наверняка заготовлены покаянные челобитные, исповеди, как государев изменник их совратил, принудил, запугал и пр. Сейчас явно в Петербурге не до неверной Сибири, там обеими руками цепляются за престол, зубами вгрызаются... А здесь пока привыкают жить по-новому. Оно и выгодно: раньше надо было награть в казну, губернатору и себе что останется, теперь самый большой кус, казенный, отпал. Губернатор берет много, армию содержать, строить; а как без нее? И себе остается, только бы не зарываться, Гагарин не велит обижать туземцев.

На туземцев можно положиться, они и довольны, и ничем не рискуют: ну, придет царь, они не понимай, тогда русским платил, теперь русским плачу, завтра русским плачу, какой разница?

В Выдрино князя встречает богатый знатный бурят. Предупрежденный своими агентами, он выслал навстречу всадников со свежими лошадьми, шатрами, припасами, дровами и приглашением разместиться в усадьбе нойона (или тойона, или хана?) Помимо караван-сарая возле самого тракта, у хозяина повыше в горах, ближе к Байкалу летний дворец из нескольких помещений, нарядные юрты для гостей и очень красивый дацан. И хозяин, и домочадцы, и ламы ходят в шелковых халатах разных цветов. Роскошный халат синего китайского шелка преподносят Губернатору, а жене его — полное женское убранство.

Хозяин неплохо говорит по-русски, сыновья и племянники тоже. Просвещенные промышленники и торговцы, кто-то и китайский понимает. Люди образованные, внимательные, вежливые. После отдыха и обеда предлагают посетить дацан, а вечером в их честь устроят ритуальный круговой танец ёхор, танец единения, в котором забывают обиды и разногласия, всем чужим и своим желают добра и счастья. Если гости пожелают, могут послушать песни из «Абай Гэсэра» или «Аламжи Мэргэна»...

Гагарину очень понравилось тихое, медленное буддийское богослужение. Понравились ламы, строгие и ненавязчивые, шелковые занавески, душистые палочки-свечи. Главное, все было очень недолго. И среди присутствующих Матвей Петрович увидел хорошего знакомого, шамана Дюхадэ, тоже в шелковом халате. И он смотрит на Гагарина, словно ждал встречи...

— Искал тебя. Говорить хотел, — говорит Дюхадэ.

— Рад тебя видеть, поговорить с тобой. Много же ты прошел. Ты в Нерчинске с Тимофеем беседовал, со старовером.

Ранным утром после трехдневных праздников, встреч, молебнов, переговоров, хороводов, подарков и состязаний два нестарых мужчины стоят на краю обрыва, откуда виден Байкал.

— Он очень умный, Тимофей. Я к нему в стойбище ходил. Хорошо живут, очень чисто, работают много. Поют. Он мне все про вашу веру рассказывал. Очень правильная у вас вера. Книги показывал. Большие книги, много книг, и там все написано: Бог слово сказал, и все стало быть. По-нашему тоже так. Эти все книги русские написали?

— Это все давно написано, на другом совсем языке. Тогда русских не было еще. Пришли русские, узнали про книги, захотели читать. Для нас эти книги на русский язык перевели, потом мы стали их сами у себя печатать. У Тимофея, должно быть, рукописные книги еще есть, они и сами пишут, переписывают. Печатные книги тоже есть.

— Я знаю, ламы бурятские читают по печатным книгам, им привозят, в Китае доски делают и печатают сразу много книг. У них тоже хорошая вера. Очень красиво поют, только совсем ничего непонятно. Картинки у них висят, очень красивые. Очень много нарисовано.

— Они молятся на совсем другом языке, очень древнем, из Индии. Народ ничего не понимает, ламы потом объясняют, что надо делать, как верить, как молиться.

— А у китайцев какая вера?

— Есть такая же, как у бурят, буддийская. Есть «чин чина почитай», государственная. Про них тебе в Нерчинске китаец расскажет, господин Цао, если дойдешь. У них есть еще вера Дао.

— У нас, нганасан, нет книг, и никто про нашу веру не знает и никогда не узнает. Как мир устроен, что в нем вверху, что в тундре, что внизу. Какие духи сильные, какие злые...

— Хочешь, я тебя научу писать русскими буквами? Это просто. Ты на своем языке русскими буквами запишешь, сына научишь читать и писать, он тоже писать будет. И других шаманов научит. Вот ты по-русски говоришь, а сможешь тогда читать и писать; если напишете книгу по-русски, ее все смогут читать, вот хоть бурятские шаманы; тут многие русский знают.

Ну вот, думает Гагарин, помимо китайско-греко-латинской я еще бурятско-нганасанскую академию задумываю, с якутско-чукотско-хантыйскими факультетами.

— Да, тут шаманы умные, очень сильные есть шаманы. Про свои пути рассказывали.

— Ты с ними здесь камлал?

— Не моя тут земля. Я и бубна с собой не брал, и одежды. Я слушал.

— Шаманов?

— Их тоже, и духов здешних слушал. Очень сильные Духи: Байкал, Алтай. Говорили мне. Я ведь тебя искал, тебе говорить хотел. Очень сильный враг у тебя, князь, очень злой.

Еще бы не быть, думает князь Матвей. — И кто он, ты его знаешь?

— И ты знаешь. Царь тебе враг.

— Царь? — удивляется правитель. — Царь мальчишка еще, за него другие правят.

— Нет, не этот, — отмахивается Дюхадэ. — Он умрет скоро, долго жить не будет. Тот царь, старый, его возьмет, он и отца его убил. Хочет сам царствовать.

— Он же... умер?

— Умер, а он жив. Он там живой, внизу. Очень глубоко, наши духи его не видят, достать не могут. А он ворочается, земля дрожит. Он камень грызет, духи слышат. Он очень сильный.

Очень злой. Он там растет. У него рук много, он роет, он хочет до тебя добраться, убить тебя.

Как спокойно он говорит, думает князь. Никакого транса, глаза умные. Слова подбирает...

Он давно про это думает. Вот искал меня. Что же ему сказать?

Вера. У всех вера, — думает странствующий Правитель, покидая обширные земли народа монгольского происхождения, буддийского — в целом — исповедания. — Поговори хоть с казаком-старовером, хоть с якутом, хоть с уйгуром-мусульманином, рано или поздно договоришься, что Бог один, а дальше кто во что горазд. И никому он не мешает жить как хочется, вернее как получится.

Уйгуры вспомнились, потому что на большом бурятском приеме в честь губернатора, на торжественной церемонии в храме была маленькая семья уйгуров-буддистов. В целом уйгуры мусульмане, что не мешает им по наводке китайцев (маньчжур) буддистов азартно истреблять единоверцев-казахов. Не нам их попрекать, христианам. Мы, может, и креститься придумали по-разному, чтобы не стыдно было в глаза глядеть, когда убиваешь.

А уйгуры некогда были велики, но умалились. В промежутке времени от Империи гуннов до Чингисхановой орды в великой степи царил Уйгурский каганат. Их-то и называли «тюрьками». Были они гордые, потому что были свободны... О, сладкое слово Свобода! Верно, рабы его придумали в рабских мечтах; вольным надо еще объяснить, что такое «невольа»...

Как все степные сообщества, каганат был союзом отдельных родовых объединений, самые сильные роды правили и выдвигали вождей. А вожди были «подобны соколам, от которых не может ускользнуть при охоте ни один зверь». Назывались роды по древним оазисным поселениям среди непригодных для жизни человека песков пустыни Такла-Макан. У каждого рода-племени были свои обычаи, одни пасли скот, другие землю копали и что-то сажали, и песни у них были свои, и одежда...

И вера у них тоже была, кто как привык. Когда-то военачальники исповедовали манихейство, многие поклонялись Будде и храмы строили, тенгрианцы шаманили, как у них положено. Христиане были тоже, несторианцы. Книги писали: письменность у них была изначально, несколько раз менялась. Уйгурское письмо было одним из официальных писем Монгольской империи и державы Тимуридов. Сильные — щедры и веротерпимы; потом пришел ислам, кончились буддийские библиотеки на уйгурском языке, и занесло их песками...

Этого всего Матвей Петрович не знает, а мы вот знаем, а главное, знал Гумилев. За «Хунну в Китае» следуют «Древние тюрки» — может он их писал не в таком порядке, но в истории как раз древние тюрки заполнили пробел между гуннами и монголами. Три грандиозных волны внушили историку-романтику идею подъема и падения этносов, пассионарного взрыва и неизбежного затем угасания. Хорошее учение, только, подобно всеильному учению Маркса, оно годилось для отведенного ему места и времени. Первая и третья волны, помнится, напугали нашу цивилизацию до судорог; а может, и вынудили шевелить мозговой извилиной.

Что есть этнос тоже, кажется, не совсем договорились. Все-таки это скорее не народ, а сброд; осталось только определить слово «народ». Печально, но, похоже, на определенной стадии государство необходимо, чтобы относительно прочно окопаться в истории. И постоянная территория. Так что пусть не мечтает Гагарин — даже если он своим острым разумом постиг механизм истории, как Гумилев, что и российское государство когда-нибудь тоже вот так расточится. Государство — это каменный каркас, остов, коридоры, коридоры, в коридорах двери, и кто за этими дверями обитает и на каком языке перестукивается, ему дела нет. Народы заменяемы. Были татары, стали русские. Язык межнационального общения русский.

В этих местах был уйгурский одно время. Но были и эпических сказаний они не создали, в отличие от монголов. Что поделаешь, где приходит ислам, там кончается всякое творчество. Уйгурам суждено сцепиться насмерть с маньчжурами, по наводке тех же маньчжур (но уже в статусе титульной нации великой державы) почти истребить казахов, претерпеть от тех же маньчжур почти полное истребление, а затем, много времени спустя, стать неприятной занозой в лапе китайского дракона.

Картинку — чудная картинка, правда? Взяла без спросу в блоге: <https://albert-motsar.livejournal.com/287502.html>

Там еще много таких китайских акварелей, качество замечательное, можно увеличивать сколько угодно. В акварелях со множеством подробностей изображена «Третья ойратско-маньчжурская война (1755-1759) — война между Джунгарским ханством и маньчжурской империей Цин за гегемонию в степях Восточной Азии».

Китайцев (маньчжур) легко узнать по красным шапкам с черной меховой оторочкой. Видно, что они везде наступают, нападают и побеждают.

События отстоят от времени нашего рассказа лет на 30, но как раз их-то мы и пытаемся предотвратить в своей альтернативной ветви. Да, задача... не Ньютонова «проблема трех тел». Их тут гораздо, гораздо больше, и все с нерастраченным пассионарным запасом. Встревоженный невольно нелепыми словами шамана, Матвей Петрович спрашивает себя: не напрасно ли я это затеял? Решил собрать двенадцать язык (нет, больше, много больше) на богатырские игры. Не вышло бы совсем худо? Народы первобытные, горячие, гордые, да у многих еще и память о прежних стычках. Разыграются и передерутся всерьез. Взять хоть казахов...

Казахов именно и хочет защитить губернатор, как бы провидя в будущем совершенно особые отношения этого народа с русскими. По крайней мере, особую роль Казахстана в жизни нашей семьи. Он бы и джунгар (уйгур, ойратов) спас, будь у них историческое будущее.

А кой у нас годик? Какое, милые, у нас... десятилетье XVIII века?

Годы 20-е, годы великих потрясений на Востоке и на Западе.

В 1722 году умер первый цинский император Канси.

В 1725 году умер Петр I. Про это мы уже писали. Царицей (императрицей) стала Екатерина I. Умерла 6 мая 1727. Новым царем стал 10-летний Петр II, и вскоре он смог отделаться от Меншикова. Прожил и процарствовал до 1730 г.

«Годы великого бедствия» в Казахстане (1723—1727 гг.)

Между этими событиями остается только 1726 год.

Гагарин, как только узнал про смерть Петра и обстоятельства нового правления, отправил и Екатерине, и Меншикову письма и богатые (очень богатые) подарки. Просил о своей семье: нельзя ли начало нового царствования ознаменовать милостью к невинным, пострадавшим за его вину? Вину свою как-то упоминал вскользь, туманно, как некие обстоятельства и т.д. А Меншикову не до его детей, он своих мечтает пристроить получше... Пустые хлопоты.

1726 — год коня, если не ошибаюсь. Время войны...

Смерть Канси, воевавшего с ойратами-уйгурами, развязала руки Джунгарскому ханству, и натренированные в боях с маньчжурами, сплоченные под властью Цеван Рабдана, ойраты хлынули в казахские степи. Казахские роды дорого заплатили за беспечность и несговорчивость своих султанов и ханов. Им пришлось покинуть веками насиженные места, откочевать к пределам среднеазиатских ханств, где тоже их не ждали...

Если бы одни Джунгары! С запада на казахов постоянно нападали волжские калмыки и яицкие казаки, с севера — сибирские казаки, за Яиком — башкиры, с юга бухарцы и хивинцы.

А мы еще жалуемся, что окружены врагами!

Набеги — это еще терпимо. Нашествие дело другое. Агрессия Джунгарского ханства принесла голод, разрушение, разграбление, нанесла невосполнимый урон: тысячи мужчин, женщин и детей были угнаны в плен. Да не особенно и в плен брали. Кочевники воюют на истребление, им не рабы нужны, а земли, пастбища, степь. Женщин и детей убивали, что вообще-то не принято. Стариков выгоняли на солончаки, в пустыню, они там умирали от голода или с ума сходили. Этих не трогали: безумцы священны...

Как шли кочевники, разные люди из разных племён, с разной верой, по пути изобретая идентичность, — величественная и странная картина. mingqi

Никогда не могла понять Чингиза Айтматова с этими его манкуртами. Все тогда пришли в ажиотаж: это мы, это символ нашей истории, это нас лишили памяти... Ну не может быть идиот пастухом, у него ни одной овцы не останется! Такого раба можно посадить возле юрты зерно молотить или кожу мять, но на это есть бабы, пусть и рабыни. И придурков своих обычно хватает. Чабан лицо ответственное. Айтматов мог бы это знать.

Часть казахов отступила к Сырдарье. Перешли её и направились к Ходженту. Другие откочевали вдоль рек Яик, Ори, Ирғиз к границам России. Сражаясь, казахи приблизились к Тобольску, а за ними по пятам джунгары... Таких бедствий народ не помнил с монгольского нашествия, с XIII века. Да и то — тогда погибла примерно треть населения, нельзя сказать казахов — часть населения этой степи. После «Великого бедствия» казахи не досчитались уже двух третей сородичей. А в Поволжье казаки и калмыки, в Средней Азии каракалпаки и узбеки нападали на обессилевших казахов.

В знаменательном 1726 году в местности Ордабасы близ г. Туркестан собрались ханы трех жузов и договорились созвать единое ополчение. Главой и предводителем избрали авторитетного правителя Младшего жуза Абулхайр-хана. Ополчения трёх жузов соединились (не так просто и не сразу, как во всякой настоящей войне, кто-то опоздал, кто-то было раздумал...) и во главе с ханом Абулхайром и в Булантинском сражении разбили джунгарские войска в предгорьях Улытау, в местности Карасиыр. Исход сражения, как часто бывает, решило нападение из засады небольшого отряда батыра Богенбая.

Первая за многие годы крупная победа казахов над джунгарами вернула народу уверенность в своих силах. Местность, где произошло это сражение, получила название «*Қалмақ қырылған*» — «Место, где были истреблены калмаки».

Все это время джунгары воевали на два фронта. На западе они вели захватническую войну с казахами, а на востоке отбивались от Маньчжурской империи Цин. Многие историки и монголоеды говоря о стойкости джунгарского войска. Говорят, что у джунгаров остался менталитет ещё времен Чингисхана — «ярко выраженный коллективизм».

У казахов, должно быть, сохранился менталитет вольнолюбивых кыпчаков-половцев еще со времен до Чингисханова нашествия. Но... «тогда же вся степь заговорила о восемнадцатилетнем вожде, неожиданно нападавшем на отряды джунгар, уничтожая всех до последнего... с безумной отвагой бросался он в бой, и боевой клич его был «*Аблай!*»

Аблай (см. купюру в 100 тенге) — это подтверждение мысли, что лучший, если не единственный, способ сплотить упрямый народ — смертный ужас. Юноша, осиротевший, скрывавшийся от врагов-родичей, взял себе имя деда, прославленного патологической жестокостью, настоящего живореза... Так же, как с отрядами джунгар, он позже расправлялся со стойбищами семей, не желавших присоединиться к нему. Благодарный народ до сих пор ставит ему конные памятники, называет проспекты, да что там — в Алма-ате его именем назван Казахский университет международных отношений и мировых языков (бывший Казахский государственный учительский институт иностранных языков)!

Но это еще совсем не скоро. Пока ойратам надо отбиться от Китая, от маньчжур.

Кстати, почему «Место, где были истреблены калмаки» — *калмыки*? — Калмыки же у нас, на Волге? А, вот: «Являются потомками ойратских племён, мигрировавших в конце XVI — начале XVII веков из Центральной Азии на Нижнюю Волгу и в Северный Прикаспий» (Вики).

В 1726 году началась очередная ойрато-цинская война. Джунгарское ханство вынуждено перейти к обороне западных границ.

Где-то рядом в этих событиях участвуют киргизы, и, очевидно, создается грандиозная эпопея «Манас». Главный сюжет — война киргизов с китайцами, т. е. калмыками, они же уйгуры или ойраты. Смертельный враг киргизов и самого Манаса — китайский хан с характерным именем «Конурбай». Соперничество длится долгие годы и превращается в открытую войну на уничтожение из-за ссоры во время праздничных спортивных игр. Играли-то честно, а побежденный обиделся... А победитель возгордился. И началась война, в которой лучшие богатыри киргизов погибли, и погибли их изумительные кони.

К слову сказать, у современного читателя сама фигура Манаса вызывает сомнения. Такой он авторитарный, такой заносчивый, нетерпимый. Давали ему не раз разумные советы, он что, их слушал? Реальный Аблай был совсем другой. Он и с джунгарами братался, и в Пекин ездил, и русской царице покорные письма писал, и Пугачеву дружбу обещал. Прославился при том коварством и беспощадностью, а Манас назван «Великодушным».

Игры и праздники в Семипалатинске уже назначены, удальцы и батыры готовятся, съезжаются. Среди них и уйгуры, и калмыки, и башкиры. И монголы, и якуты, и горячие бурятские парни. С северо-запада собираются ханты-мансийцы. Конные скачки не по ним, но как дойдет до стрельбы из луков или борьбы в охачку, они себя покажут. Мало ли что случится? Правда, гибель в состязаниях почетна, как в бою, иногда даже больше. Если все честно. Но страсти, азарт, заклады...

Кто будет распоряжаться турниром, кого назначить «маршалами»? Должны быть безгранично уважаемые люди. И реальная сила. Российской власти больше нет, он, бывший всеильный губернатор, сам же оставил себе роль благожелательного советчика. Казачье войско подчиняется ему по старой привычке; надо бы это как-нибудь узаконить, со временем. Да, он им жалованье платит. Пусть они, люди казенные, охраняют резвящихся дикарей. Чтобы не слишком разрезвились... Когда состязания закончатся, они, как хозяева гостям, покажут свое искусство — рубку лозы, перестроения, что у них еще.

Только ничего огнестрельного. Нечего дразнить гостей.

Приглашу, пожалуй, чукчей, в качестве наблюдателей, по особому мандату. Очень уж они серьезные. У них если копьёметание, так друг в друга.

А ведь еще один исторический персонаж написал, оказывается, письмо в Петербург в 1725 году. Это правитель Младшего жуза Абулхаир-хан. Через год он первый победит уйгуров в серьезном бою. Может его письмо сохранилось где-нибудь в придворной канцелярии?

О чем писал Абулхаир русскому царю, и какому? Еще Петру? Наследники Петра не заинтересовались его предложением принять земли казахов в российское подданство. Какие-то движения начались, кажется, только при Анне Иоанновне. Домовитая немка решила, похоже, что лишний участок не помешает. Советский писатель Ильяс Есенберлин убедительно и подробно пишет, как присоединение к империи разом избавило степняков от неизбежного поглощения Джунгарией, а дальше маньчжурским Китаем. По-видимому, одна только тень России напугала захватчиков и отогнала куда-то совсем за горизонт.

Исполнив долг, писатель переходит к рассказу о бедствиях разоренных, согнанных с родных мест людей, о взаимных кознях ханов, вынужденных так или иначе ладить с джунгарами и сносить обвинения в предательстве, о попытках благородного Абулхаира сохранить единство и согласие трех жузов, о интриганстве и двуличии российских наместников... ни одного солдата не получил Абулхаир в помощь себе, ни одного ружья, не то что пушки. Но подписал массу обязательств, очень тяжелых, например не переходить на западный берег Жайка, в Нижнее Поволжье, где у казахов были родовые земли; не мешать селиться и распаивать земли казакам и крестьянам; сопровождать и пропускать караваны и посольства, выдавать беглых, отправлять к русским заложников, а другим соседям не давать.

Абулхаир, победитель в «Анракайской битве» (зима 1729-30 года), ставшей началом гибели Джунгарского ханства, лишился поддержки других ханов, вынужден был совершать опрометчивые поступки. Снова нападают казахи на казахские стойбища, снова пленных гонят в Бухару, продавать. Снова темные связи с джунгарами, кругом предатели, лазутчики, коварные жены. Рассорился с родственниками и был убит. Возможно, по наущению русских властей, чтобы заменить его сыном: «Сын хана остается сыном, пока не захочет стать ханом».

Еще русские добились разрешения, буде найдутся где-нибудь казахские девочки-сиротки, их крестить и отдавать замуж за переселенцев. После этого казачьи рейды участились, и надо же, каждый раз попадались на пути бедные сиротки, лет так 12-15... Сами казаки давно женаты, приемышек отдавали мужикам. Недорого. Тогда и стали говорить: у нас девушки по денежке...

Читаешь, и становится ясно, что наша альтернативная история — тоненький ручеек рядом с бурной рекой, мутной и грязной, с водоворотами и омутами, где черти водятся...

И Гагарин не получил ответа на свою просьбу пощадить родственников. Дочерей его вроде бы не тронули, а сына Алексея Петр отдал в матросы. Князь этого не знает. Думается самое худшее; уж лучше бы знать.

О почте надо думать отдельно. Пора бы Сибири как-то представиться Европе. Вот Петр переписывался с Лейбницем. Тот очень интересовался Сибирью, Камчаткой, Сахалином, Китаем, Японией. Китайские книги заказывал русским торговцам, и ему отправляли. Лейбниц помер, но есть другие ученые. Ньютон в Англии жив, кажется, хотя кто знает, к нам газеты не доходят... (*Ньютон умер в 1727 году*). Еще бы газеты из Европы получать!.. Лейбниц Петру указывал, где открыть в империи университеты: в Петербурге, в Москве и Казани (для начала). Наш царь отмахнулся. Самое время нам, как задумано, открыть в Нерчинске и Семипалатинске, тоже для начала. Вот отпразднуем Йихсыт, праздник солнцестояния, и займусь. И напишу в Лондон, в Королевское общество, попрошу советов, книг, учебников. Письмо пошлю через Стамбул, через Британского посла. Вот отпразднуем... не по душе мне этот праздник, риск огромный. Что подделаешь, дипломатический этикет требует. Петр интересовался Японией. Вот уж глаза завидующие, руки загребущие; руки и точно были длинные. Все, что есть в Европе, пусть у нас будет; а что у нас есть, так и останется. А Япония так, до кучи, чтоб уж тоже была. Вот Европа ему клочочка не отдала...

Какой виток сюжета! Можно бы отдельный роман сочинить... Мы уже начинали когда-то. Лет этак 50 назад. У нас были друзья журналисты, отчасти на японской почве, больше конечно на основе внезапной взаимной симпатии. Они когда-то поехали на Сахалин работать, из мечтательно-романтических чувств. Но Страну Восходящего Солнца даже во время морского рейда не видели, даже полоской на горизонте...

Все из детской книжки «Маленькие японцы». Гравюры, маленькая игрушечная страна...

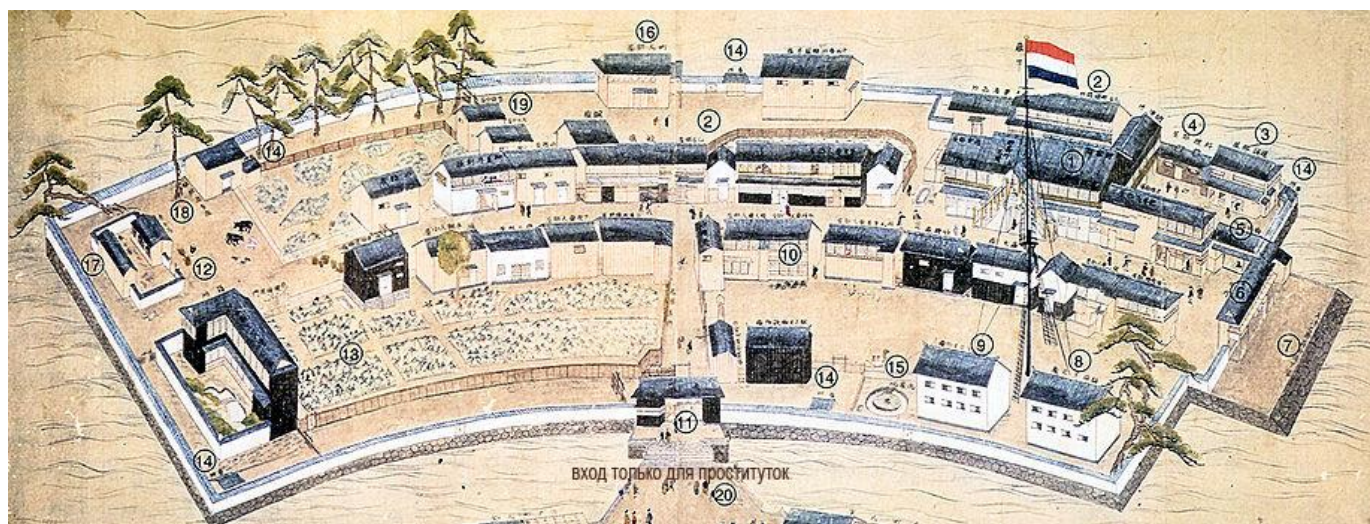
У нас долго висела репродукция «Девушка с письмом» Вермеера. Мы и придумали вместе: девушка читает письмо от брата-моряка из Японии. Голландцам одним разрешали торговать с этим государством, они и пользовались, без конкуренции вывозили всякие интересные вещишки. Брат у нее моряк, может даже капитан. У него происходят экзотические истории, он знакомится с каким-то самураем, ронином, искателем приключений, кто-то где-то скрывается, кого-то преследуют — про это и написано в письме.

Скоро мы поняли, как нам не хватает реалий. Стали собирать, увлеклись Куросавой. Узнали кстати, что голландцы в Японии жили в полной изоляции, даже не в Нагасаки, а на крошечном искусственном острове Дэдзима в бухте Нагасаки на о.Кюсю.

Торговать с Японией могли только Китай и Голландия. Дэдзима — искусственный остров, и нога чужаков не касалась священной земли Ямато. Сам остров всего 120 на 75 метров, 1-2 метра над уровнем моря. Обычно там находилось 10-12 европейцев, в несколько раз меньше, чем японских чиновников и служащих, следивших за каждым шагом европейцев.

Представители голландцев менялись ежегодно, чтобы не завели друзей в Японии.

Так что не состоялся роман по переписке с одним из 47 ронинов у дочери Вермеера...

Возможен другой роман! Петр не любил отказываться от своих планов. Он решает внедрить в экипаж голландского торгового корабля своего человека. За большие деньги покупает место матроса для Алексея Гагарина, образованного, знающего иностранные языки, готового на все, чтобы оправдать семью изменника перед царем и отечеством (по мысли царя).

Можно заглянуть в «Путешествия Гулливера», он и в Японию попал, и даже ездил ко двору. Зимой глава голландской фактории с подчиненными отправлялся в город Эдо, к стопам сёгуна. Такое путешествие занимало 2-3 месяца... Значит, были какие-то возможности! Компания ежегодно предоставляла сёгуну доклад о делах в Европе и в мире, что позволяло японскому правительству быть в курсе мировых событий (с точки зрения голландцев).

Не исключена и мадам Баттерфляй. На Дэдзиму допускались женщины, но только особого статуса — в Японии он не был позорным. Если рождался ребенок, он становился японцем, но мать могла его кормить, пока папу не услали домой...

Японцы страстно интересовались чужаками, их книгами, наукой, медициной, астрономией. Костюмами, причудами, живописью... но им не позволяли.

Не сразу понял князь Гагарин, на что замахнулся, объявляя Азиатские Олимпийские игры! Грандиозные размеры предстоящего события выяснились со временем, но азартная душа его играла и веселилась. Игры и состязания означают, само собой, пир на весь мир. И не на один день. Когда он, в прежние времена, угощал обедом из 50 блюд 150 гостей на золотых тарелках, это было не так разорительно...

В степи, устраивая «большой прием», поминки по знатному родичу, торжество по случаю провозглашения ханом, очень богатая семья может остаться с одними долгами и никогда уже не выбраться из бедности... Но иначе нельзя! И дальше — как повезет. Гости могут разехаться по улусам сытые, благодарные, но не воодушевленные. Или *той* станет событием, народной памятью, прославит род, семью, богатырей, коней, да что там — певцы перечислят чаши и ковры, чепраки и уздечки, всю семью по именам, подарки, призы... Сохранятся имена поэтов, и те, кто не был до сих пор знаменит, начнут с этого дня свою карьеру.

Решающее испытание для Правителя, Губернатора. Либо он восхитит всю Сибирь щедростью, умением распорядиться, способностью держать в руках разгульное веселье; если на этих играх покажут себя славные батыры и начинающие храбрецы, если впечатляющие события вызовут взрыв поэтического творчества, если песни и баллады будут кочевать от языка к языку... да, тогда он — истинный царь Сибири!

Если же игры пройдут вяло и бестолково... если возникнут споры и раздражения, если люди разойдутся обиженные — ну, значит, не стоило и сыр-бор заводить, с самого начала. Незачем от России откладываться. Ну что ж, посмотрим!

Степь к югу от Семипалатинска покрыта шатрами, палатками, летними юртами. Он уже видел такое однажды, подъезжая к Якутску; но сейчас масштаб много, много больше... стада и табуны тянутся на закланье. Невидимые, словно к полю битвы, подбираются волки, лисы, шакалы. Слетаются коршуны и вороны. Развешаются полотнища и конские хвосты на пиках, гудят сурнаи и карнаи, звенят домбры, не дожидаясь начала праздника, вьются хороводы девушек...

Да, и точат ножи булатные, кипят котлы чугунные...

Последнее распоряжение казачьим атаманам и офицерам — чтоб до конца праздника ни одного пьяного. Буду рубить головы (*никто не усомнился; лет через сто губернатор Перовский казака одного живым в землю закопал*). Начальника — в солдаты без выслуги. Потом, если все пройдет гладко, хоть упейтесь, сам выкачу. Отпетые сотники и полковники понимающе кивают головами.

Отовсюду, кажется, пришли! Не побоялись, не поленились. Северные оленные люди тоже тут. В стороне на холме, за небольшой рощей, видны военные палатки и угол деревянного строения. Вокруг мелькают верховые казаки с бунчуками вестовых. Лагерь губернатора, там же и шведы. Кто-то оттуда скачет навстречу Гагарину. Это Стралленберг — машет рукой, довольный. Подъезжает, спешивается.

— С благополучным возвращением! Ну, теперь начнется... Кстати Мессершмидт вернулся!

— Живой? Ну надо же... Вернулся Данила Готлибович? Давно ли? Где он?

— Позавчера. Вышел из леса в Тобольск, узнал, что вы здесь, поехал сюда. Живой, едва-едва. Болен, изменен. После бани поел, повеселел, расспрашивал, что за парад народов тут... Рисует вашу супругу...

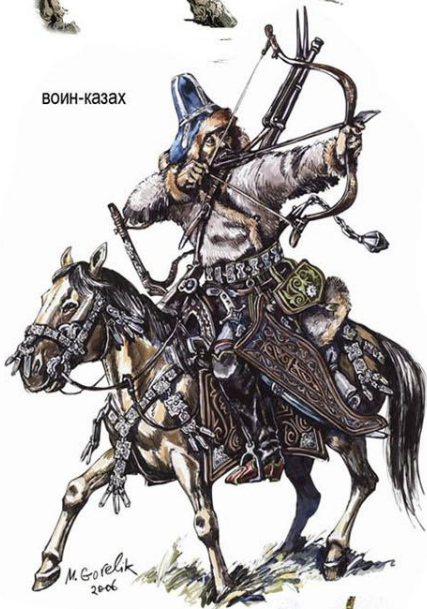
всадник калмык

всадник калмык

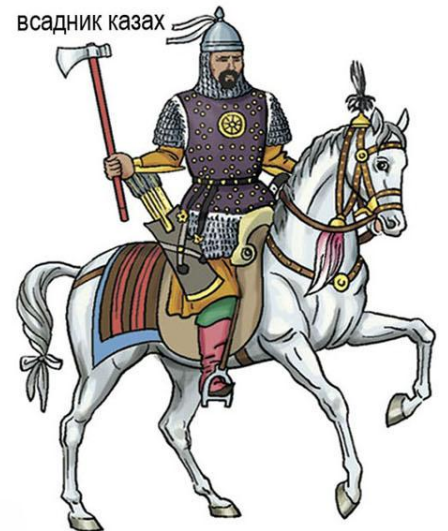
Воин калмык

воин-казак

всадник казах

всадник казах

воин калмык

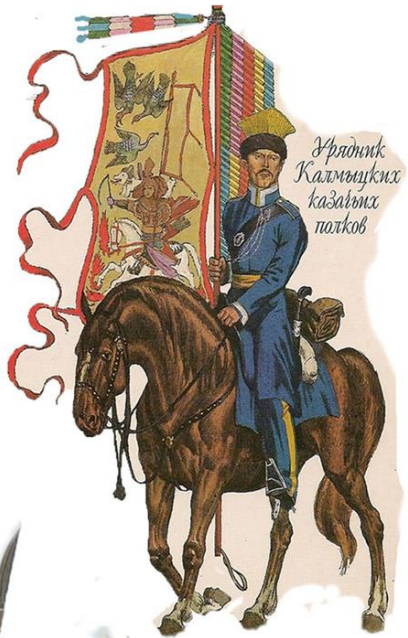

всадник башкир

ВОИН МОНГОЛ

Набор для игры в солдатики. Вооружение, приемы боя мало изменились со времен империи Чингисхана. Военная мода тоже. Эти смешные человечки были неистово храбры и порой совершенно бесчеловечны

Фрндик
Калмыцких
казацких
полков

ойрат
батыр

ойрат
- уйгур

зсадник
якут

ВОИН
хакас

маньчжур
из восьми-
знаменного
войска

лучник
на коне

ВОИН
хакас

конный
лучник

Первооткрыватель Вечной мерзлоты, или Великий неудачник.

Странные мы все-таки люди! Из немецких имен в нашей истории, хочешь-не хочешь, запоминаем каких-нибудь Бенигсенов и Тотлебенев, хотя бы из «Войны и мира», не говоря о Бенкендорфе. А эта фамилия у нас ассоциируется совсем с другой стороной жизни...

Первая научная экспедиция в Сибирь состоялась в 1719 г. Во главе ее стоял доктор Даниэль Готлиб Мессершмидт, приглашенный Петром I проездом через Данциг (*Польское королевство*).

«Это был молодой, страстно преданный науке человек, далёкий от искательства, от практической жизни. Мессершмидт обладал энциклопедическим образованием того времени — врач и натуралист, талантливый рисовальщик, латинский поэт, филолог, знавший восточные языки и быстро научившийся по-русски»...

Петр поручил ему собирать древние раритеты, этнографический материал и археологические коллекции. Молодой ученый собирал также материал по флоре и фауне Сибири, сведения об ее истории, древние рукописи на персидском, арабском и татарском языках, касающиеся истории разных сибирских народов. Вел археологические раскопки, копировал петроглифы.

Он описывал различные сибирские народы (*почему-то живущие с ними бок о бок русские этого не делали — наверно, приказу не было*) и пытался классифицировать их языки. С языками помогал ему пленный швед Филипп Иоганн Табберт (*известный нам как составитель первой карты Сибири Стралленберг*). Остальной штат состоял из немцев, но для ловли насекомых и сбора растений был куплен за 12 рублей 14-летний мальчик Ваня Путинцев. Несколько драгун охраны сменялись в острогах по маршруту. (*Что-то стало с Ваней? Может быть он стал ученым?*)

А дальше... Путешествие по диким местам продолжалось восемь лет. Путники продвигались на лошадях по долинам и горам, на лодках и плотах по таежным рекам, летом их поедом ела мошкара, зимой пробирали до кости морозы, мучили повсеместная грязь и неустройство, волокита и мздоимство местных властей, воровство, лень и бегство проводников. Лодки не раз тонули, гибли коллекции, кончалось продовольствие, но Мессершмидт неумоимо проводил географические измерения, исправлял карты, собирал и описывал растения, отмечая неизвестные науке виды, делал чучела птиц и животных, разыскивал минералы, узнавал и записывал слова местных языков, сравнивал их с известными, добывал древние рукописи, тщательно описывал каменные статуи, покупал находки раритетов и древностей.

А жалованье не выдавали годами! Официально Мессершмидт ездил от Медицинской канцелярии, перед ними он должен был отчитываться, им сдавать коллекции. Платить ему должны были 500 р. в год, капля в море перед такой задачей.

Мессершмидт открыл енисейскую письменность и уголь в будущем Кузбассе, вел метеорологические наблюдения, определял широту, исправлял карты. Пытался решить проблему этногенеза сибирских народов. Это была одна из первых попыток научного подхода.

Народы угорской и самодийской группы он относил к первому классу народов, имеющих общие корни с гуннами и скифами.

Народы тюркской группы, татары и якуты, размещались во втором классе, вместе с арабами, сарматами и скифами.

К третьему и четвертому классу древних народов (древние азиатские скифы и восточные скифы соответственно) он относил монголо-тунгусские народы и палеоазиатов.

Главный его вывод заключался в том, что современные сибирские народы возникли в результате долгой истории, древних миграций населения и смешения языков в Сибири.

Мессершмидт требовал, чтобы ему доставляли «к древности принадлежащие вещи, якобы языческие шейтаны (кумиры), великие мамонтовы кости, древние калмыцкие и татарские письма и их праотческие письмена, также же каменные и кружечные могильные образы», во исполнение указаний Петра: «древние золотые и серебряные вещи, которые находят в земле древних поклаш, всяких чинов людям велено объявлять в Тобольску и велено у них брать те вещи в казну великого государя, а отдавать им за те взятые вещи ис казны деньги».

«...Ежели кто найдет в земле, или в воде какие старые вещи, а именно: камня необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбы или птичьи, не такие, какие у нас ныне есть, или и такие, да зело велики или малы перед обыкновенными; так же какие старые подписи на камнях, железе или меди, или, какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее всё, что зело старо и необыкновенно — такожъ бы приносили, за что давана будет довольная дача, смотря по вещи, понеже не видав, положить нельзя цены...»

«Великие мамонтовы кости» даже известные ученые считали останками огромных амфибий или морских животных, а большинство — подземных животных, боящихся света. Даниэль Готлиб опознал в мамонте родственника слона.

В Сибири Мессершмидт первым обнаружил и описал вечную мерзлоту.

Мессершмидт был человек огромной работоспособности, но вернулся из экспедиции нервный и больной, как он пишет, «претерпевая великие труды и поездки, лишился здоровья своего от нетерпимых многократных болотных и протчих вод».

По возвращении в Петербург (Петр умер, новые властители плевать хотели на флору, фауну и этнографию) Мессершмидт претерпел массу неприятностей, занимаясь обработкой полевых дневников, подготовил рукопись 10-томного «Обозрения Сибири, или Три таблицы простых царств природы», содержащую сведения по исторической этнографии, географии, экономике, флоре и фауне, женился на местной немке, которую, странствуя в Сибири, видел в видении...

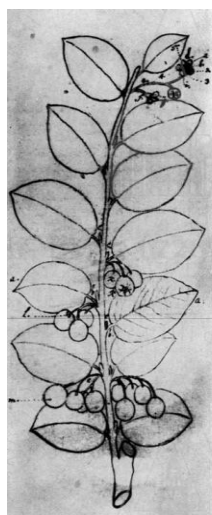

Abb. 37: Mespiloides
(Zu den Tagebuchaufzeichnungen vom 20. 7. 1724)

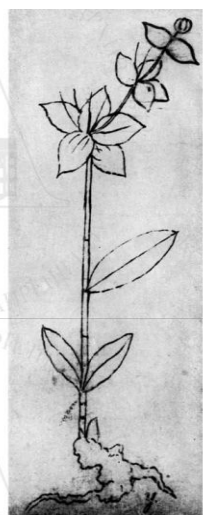

Abb. 38: Tithymalus saxatilis platyphyllus
(Zu den Tagebuchaufzeichnungen vom 21. 7. 1724)

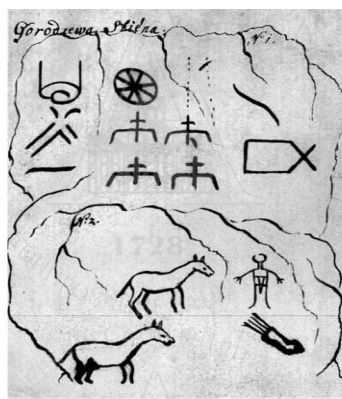

Abb. 8: Felszeichnungen an der Gorodovaja stena
(Zu den Tagebuchaufzeichnungen vom 26. September 1722)

Abb. 32: Capra caprestris
(Zu den Tagebuchaufzeichnungen vom 1. 7. 1724)

Рис. 2. Чепецкая удмуртка.
Карандашный рисунок
Д.Г. Мессершмидта.

Рисунки из дневников Д.Г. Мессершмидта

В 1731 году он уехал в Данциг. Но судьба его преследовала. Корабль потерпел крушение, и Мессершмидт вернулся на родину, потеряв имущество и свои записи. Возвратился в Петербург и скоро умер в бедности...

Это все произошло в той печальной реальности, где мы все обитаем; в лучшей, справедливой параллельной ветви его убедят остаться в Семипалатинске, Нерчинске, Тобольске — где пожелает — и стать президентом Академии. И Стралленберг не уедет на родину в 1723 году, когда закончится шведская война. Кстати, Йохан Густав Ренат тоже перейдет на службу к просвещенному губернатору Гагарину. Вот только сейчас Гагарин обещал ученому этнографу редкое, мало кому из европейцев доступное представление — шаманское действо...

Даниэль Готлиб Мессершмидт наслаждается: за столом любезного просвещенного губернатора цитируют латинских поэтов Овидия и Вергилия!

Лоренц Ланг, только что вернувшийся из Китая, решавший там пограничные споры и вопросы торговых караванов, привез с собой замечательного архиерея, знатока латинской поэзии, Иннокентия Кульчицкого; впоследствии он станет митрополитом Тобольским (позже причислен к лику святых. Его именины в день Сибирских святых, 23 июня по н.ст.). Этот замечательный человек разговаривал свободно и без всякого ханжества о вещах религиозных, о том, что было интересно иностранцам: почитании икон, постах... Два лютеранина (Ланг тоже швед) задают порой наивные вопросы и получают на них умные исчерпывающие ответы. Мессершмидт готов пересмотреть отношение к русским (варвары, дикое скопище пьяниц и хапуг), тем более что главный его обидчик — немец, в Петербурге, в Медицинской академии.

Временами разговор переходит на китайский. Господин Цао спрашивает господина Ланга о положении китайских ученых и поэтов при власти маньчжур; правда ли, что каллиграфия в забвении, что письмо становится примитивным, вульгарным? А поэзия?..

Лоренц Ланг обещает показать привезенные книжки. Дэмбэй, знающий, как всякий образованный японец, хотя бы основы китайского, жадно вслушивается. Мессершмидт вспоминает, что царь посылал ему вдогонку распоряжение посетить заодно также Китай и все что там найдется описать; Даниэль Готлиб отложил письмо и забыл о нем, по причине невозможности даже задуматься о постороннем в своих тогдашних обстоятельствах. Теперь вспомнил и думает: а почему бы нет?..

Стол накрыт в тени небольшой беседки из срубленных молодых березок, на холме, чуть в стороне от массового гулянья. Соотечественников, сподвижников, казачьих полковников, свата Игната Гагарин пригласит позже, что их смущать: разговор ведется, кроме латыни и китайского, на «немецком», т.е. на шведском. Как в приличных европейских домах, рядом с хозяином сидит хозяйка, до того юная, красивая, сияющая, что хоть не смотри... На маленькой хозяйке о-очень большого дома китайский шелк и золотые украшения. Она-то до сих пор полагала, что ее место возле котла с мясом, но Матвей Петрович вызвал из Тобольска повара, и на столе на больших блюдах разложено что-то ей неизвестное.

Молодая якутка хорошо говорит по-русски, с милым акцентом, понимает немецкий и может ответить на вопрос; но когда Ланг или Иннокентий читают Вергилия, так трепещут ее ресницы, так вспыхивают глаза, так меняется дыхание, словно она не слова понимает, а прямо волнуется о судьбе героев...

Со стороны, где бушует народная гульба, доносятся звуки бубнов, рогов и барабанов, заунывное пение. А здесь, в беседке, пронизанной лучами заходящего солнца, провозглашают учреждение Сибирской Академии Наук. Все встают, с криками «Виват!» поднимают бокалы... отнюдь не шампанского. Что же, князь объявил сухой закон, чтобы самому потихоньку от своего доблестного войска распивать вино? Нет. Еще в начале обеда сотрапезникам предложили, в виде научного эксперимента, попробовать и сравнить разные чаи, напитки и настои. Правда ли, что лучше всего возвращает здоровье чай из березовой чаги, или все же лучше черный, перезимовавший под снегом, лист бадана?.. Настойки облепихи, ирги, гонобобеля... не хочет ли кто-нибудь отведать кумыс?..

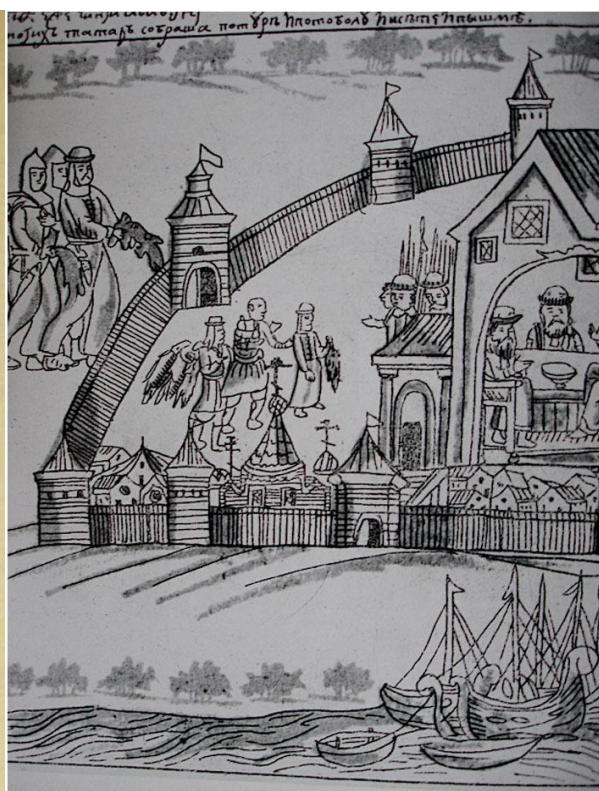
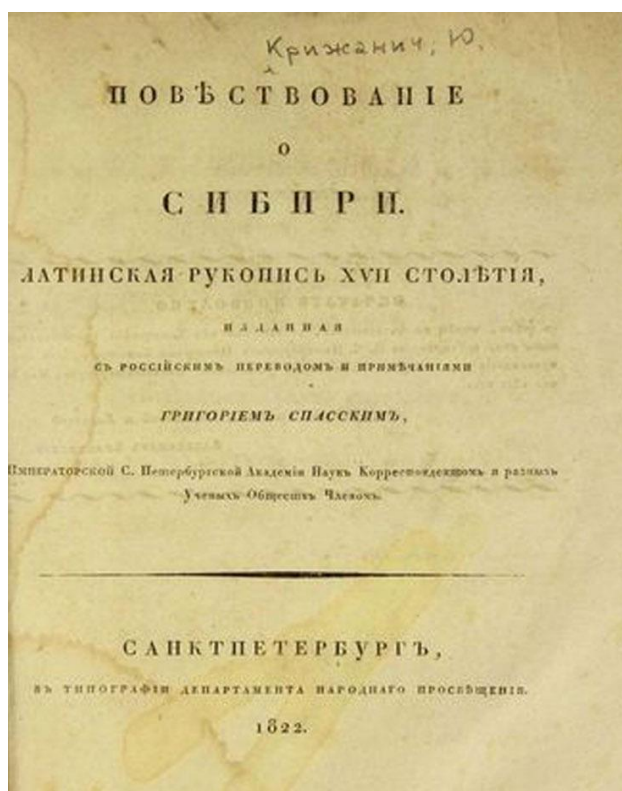
Первый президент академии Даниэль Мессершмидт пожелал назвать новое научное учреждение именем поляка Юрия Крижанича, проведшего 15 лет ссылки в Тобольске. Его труд «Historia de Sibiria» содержит этнографические сведения о вогулах, остяках, самоедах, татарах, бурятах, калмыках. Мессершмидт изучал книгу Николая Витсена (1696 г.): «О Северной и Восточной Тартарии», где автор ссылается на Крижанича.

Еще один польский революционер изучает наши колонии...

Не революционер и главное не польский.

Юрий Крижанич (1618-1683), хорват, ученый, богослов, философ, писатель, лингвист, историк, этнограф, публицист, энциклопедист, священник-миссионер. Пропагандировал унию католической и православной церковей и единство славянских народов. С этими идеями по приглашению русского посла в Вене приехал в Москву, где ученым предлагали все условия для работы, в 1659 году. (Русский язык он выучил еще в Риме, вслед за греческим. Тогда же, изучив византийскую литературу, буквально заболел православием и мечтой объединения церковей).

В 1661 году вот за эту самую унию и отправился в Тобольск. Там за 16 лет написал свои основные труды: «Политика», «О божественном Провидении», «Толкование исторических пророчеств», «О святом крещении», «Грамматическое изыскание о русском языке (*идея всеславянского языка*)». Это был первый в Европе опыт создания сравнительной грамматики славянских языков.

В Тобольске ему жилось неплохо. Он мог гулять по городу, разговаривать с людьми. Встречался и беседовал со «столпом старообрядчества» Аввакумом. Между серьезными трактатами написал «Повествование о Сибири». «Сибирь безмерно выгодна и необходима для этого царства. Ибо от всех тамошних народов мы можем добывать их товары без денег за наши простые отечественные товары, то есть за простые ткани и полотна, за соль и за жито».

С 1676 жил в Польше, вступил в орден иезуитов. Погиб 12 сентября 1683 г. под Веной в битве с турками-османами, участвуя в военном походе Яна Собеского.

Интересно, в Тобольске есть памятник Крижаничу? Аввакуму где-то есть, кажется.

Поинтересуйтесь его идеями панславизма во главе с русским народом! Страшно интересно!

Мы главные, от нас пошли все славяне, но испортились, а мы сохранили «самовластво»!

Въ Сибири повсюду находящяся неизвѣстныя гробницы древнихъ народовъ, на поверхности коихъ поросли уже кустарники или лѣса и копорья не иначе можно ошыскашь, какъ съ помощію демонскаго чародѣйства (29).

Даже пытаться не буду изобразить эпическое Пиршество Народов. Отсылаю читателя к тому же Манасу издания 1960 г., «тризна по Кокетею». Поминки эти занимают половину тома и что-то очень много времени, не помню сейчас. Полгода? Больше? С него станется, с Манаса. Чтобы весь мир видел, каков он хан. Народ, между прочим, ропщет, жалуется на разорение, мудрые уважаемые люди пытаются урезонить гордеца... Куда там!

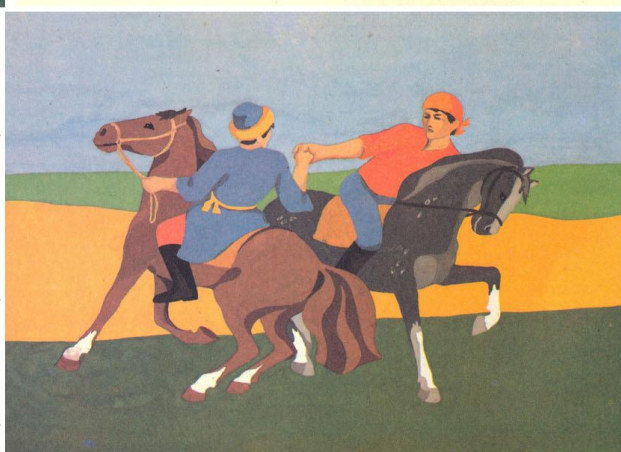
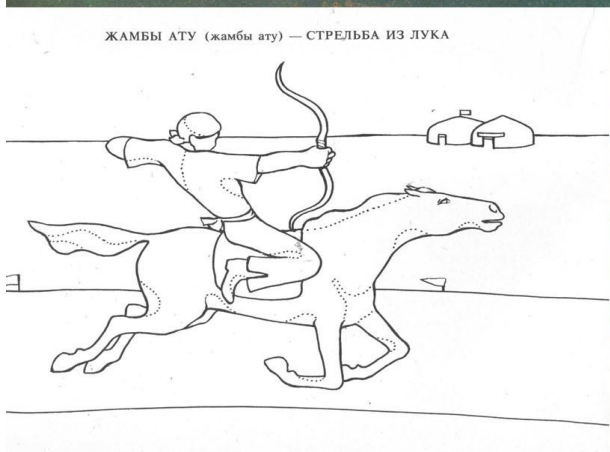
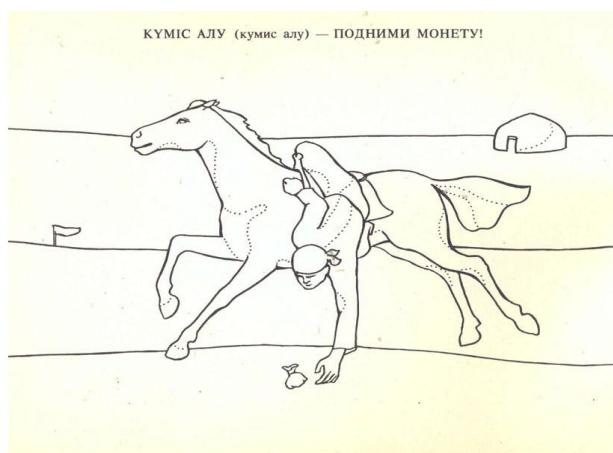
Покойный Кокетей, хотя и был сказочно богат, увещевал наследника-сына, увещевал родичей не размахиваться на слишком грандиозное торжество. Народная мудрость гласит, что за пиршеством по пятам следует бедность. Но кто слушает мудрецов!

Подстать пиршеству игрища. Разумеется, во всех состязаниях, в стрельбе, поединках, скачках выигрывают дружинники Манаса. Копятся обиды, копится зависть...

Нет, у нас все не так. Не с подневольного народа собирал Губернатор скот на съеденье, все выставил от себя. Главное внимание обращалось на устройство игр, чтобы каждый мог себя показать. Нетерпеливая молодежь разных родов — одни давно соседствуют и соперничают, иные впервые узнали о существовании один другого или нескольких других. Примеряются слегка, без особого азарта, в разных видах спорта: борьба на поясах, стрельба по мишени, перетаскивание или бросание камней. Понемножку джигитуют. На палках дерутся. Кто во что больше горазд. Коней посматривают, сравнивают ревниво: может, и не стоит саврасого выставлять на байгу.

Что же мы-то? Вот уж точно ленивы и нелюбопытны... Кажется, возьми в плен побольше шведов и поляков, загони их, куда и бурый волк костей не заносил, они тебе тут же карту нарисуют, местные наречия запишут, изучат обычаи. В Казахстане это очень заметно.

Простенькие молодежные игры, у всех конных народов они примерно одинаковые: у монголов, якутов, казахов, киргизов. Как только солнышко спустилось, жара немножко спала, осоловевшие от еды бесчисленные гости (отнюдь не каждому и не каждый день удается насытиться, да еще так вкусно), булькая разнообразными напитками в животах, тянутся к площадкам, где резвятся молодые... нет, никаких кыз-куу, никаких девичьих скачек: девушек оставили дома. Пусть скотину доят с матерями. Ну-у... в общем молодцы, молодцы. Но в наше-то время не кошелек на скаку подхватывали, а монету зубами поднимали... Одна байга вернулась, другую ждут. Будет ли козлодрание?...

Устроитель бала в курсе происходящего. Его штаб, его информационный центр — все тот же одаренный казак Павел. Он ездит у подножия холма с беседкой, где пируют знатные лица, отъезжает и возвращается. К нему то и дело подскакивают вестовые, докладывают: где-то юкагир с долганом подрался, развели, усовестили, помирили. Кок-пар разрешили все-таки, будут следить во все глаза. Опасная штука, редко чтоб никто не погиб. Было бы честно... В стороне и тоже на склоне расположились молчаливые невозмутимые чукчи. Что им мелкота суетливая, мальчишки-пастухи? Они ростом, силой, воинским искусством всех выше. У них дело к губернатору, говорить будут.

Губернатор между тем беседует с образованными гостями. О шаманизме. Все они о нем наслышаны, но самим видеть, участвовать не приходилось. Князь обещал сеанс — и сам не рад. Вспоминает свой опыт... Но обещано. Зовет Павла: проведай тунгусов, узнай, здесь ли Кимонко? Между тем смеркается, скоро совсем стемнеет...

Так что же? Добрый хозяин старается за своим столом усадить рядом людей, которые могут быть друг другу полезны. Или интересны. Они уж сами договорятся, встречаться им потом или нет. Интерес нынешних застольников к шаманству чисто академический, хоть и живой. Побеседовать не запрещено и духовному лицу; а затевать камлание с жертвоприношением — дело хлопотное, долгое. Дойдет до этого, тогда и посмотрим.

Пока создадим интимную обстановку. Убрать столы и стулья, постлать на траву сено и ветки, в середине разложить костер — а вокруг срубленные березки — здесь, на вершине, впору служить Небу, Ульгеню, посвящать ему священного синего коня. Не всерьез, конечно: там как раз женщины и шаманы не участвуют. И синего коня не припасли. Об этом князь шутливо рассказывает, усаживая гостей на траву. И раздает трубки, да не с чагой, с душистым табаком.

— Вашмилость, смотрите, кого я привел! — Павел деликатно отступает, и на границе теплого света костра и синих сумерек остается невысокая фигура.

— Дюхадэ! — Матвей Петрович устремляется к другу, на ходу обращается к гостям по-немецки: — господа, вы видите самого знаменитого шамана... — повторяет по-русски.

— Я не шаман... — тихо отвечает худощавый, бедно одетый человек.

— Прости, ты хотел сохранить тайну...

— Тайны нет. Я теперь просто бедный ня Дюхадэ. Духи лишили меня дара. Мой бубен погиб. Я не могу больше летать в небо и спускаться в нижний мир.

— Как это может быть?

— Я спустился слишком глубоко.

Плавню обогнув растерянного мужа, юная женщина почтительно, как родного, берет под руку пришедшего, ведет его к костру, усаживает удобно, подкладывая сено, приносит налитую чашу и трубку, которую раскуривает и подает ему, когда он не глядя возвращает ей пустую чашу; чашу она сразу наполняет снова и держит в руке, сидя чуть сзади и в стороне.

— Великие шаманы рода моего дали мне бубен, — тихо, горестно продолжает Дюхадэ, — в нем носил я души их. Где теперь они будут жить, как будут говорить с нашим родом? Видно, волки настигли в лесу священного оленя, побратима того, чьей кожей с песнями и заклинаниями обтянули мой бубен... Видно, молния сожгла ту корневистую, ветвистую, красивую лиственницу, из ветвей которой сделал я рукоятку и перекладину, позвоночник и ребра крылатого моего, послушного моего, отважного моего зверя, за облака уносившего меня, в подземную реку опускавшего меня, по черно-синей воде подземной реки плившего со мной? Солнце и луна и звезды были на бубне моем, горы и лес и море были на нем, как дорогу мне найти без него? Духов-помощников как позову без него? Старые песни как узнаю без него? Олененок мой, бык-олень мой могучий, долго-долго искал я тебя, косточки твои собирал по лесам, душу твою искали семь хвостатых волков с матерью, за живой водой летали двое воронов, жертвенной брагой оживляли родовые шаманы, и в тебе ожила другая душа моя, шаманская сила моя... Потерял я тебя, погубил я тебя...

То ли плачет, то ли бормочет старик, да на каком языке-то? Кто осознает, что утрата бубна для шамана — это утрата всего; и кому вообще дело до именно этого шамана? Прекрасная аборигенка суеверна, ее это должно волновать, и губернатор встревожен. Возможно, бродяга был его важным агентом. Странно выглядит старик; и не старик он вовсе, плечи широкие, осанка свободная; и глаза блестящие, и голос гибкий. Лицо только темное, словно обожженное... Обещали шамана — вот и шаман. Что ведет себя странно, а как себя шаман должен вести? Мессершмидт заинтересован. Тонкий слух полиглота и абсолютная память этнографа схватывают целые периоды, чтобы потом как-то зафиксировать на страницах дневника. Лоренц Ланг не отрывает взгляда от круглого личика молодой хозяйки.

Митрополит Иннокентий вздыхает сочувственно: духовный кризис у человека, дело известное. Должен сам пережить, никто не поможет. Он встречался, много с шаманами разговаривал. Некоторых крестил. Тех, кто верует хоть во что-то, легче обратить.

Дюхадэ допил очередную чашку дымящегося чая, отдал хозяйке и выпрямился.

— Что было, тому и быть, что случилось, верно, должно было случиться, — начал он спокойно. — Сам я виноват, не послушал старика из Тэги, свернул... Белый олень мой крылатый вернулся к звериной матери, верно обо мне тоскует; что ж! Не могу ходить к духам, могу о них говорить. Голос мой при мне. Расскажу про последнее мое странствие.

— Шел я сперва по знакомым местам, сухие степи и сопки прошел, нужный камень нашел, в нижний мир спустился... все мне знакомо! Железная черная гора, где кости мужей рябыми кучами, конские кости пестрыми кучами навалены... Гора подпирает небо, небо о гору с лязгом ударяется, между ними ловко проскочил... земную пасть легко преодолел, к морю подземному вышел, через него мост, как волос... что мне мост! Олень мой крылатый, лебеденок мой, меня перенес... на дне моря кости шаманов, кто сорвался, не дошел. В холодном царстве подземном железные деревья растут, злые духи в них прячутся, чудовища от меня врассыпную! Знают, боятся!

У моря истоки семи могучих рек, у истоков мыс лесной, на нем костер горит, старец у огня, лебедя белей, восседает. Кричит: «ты куда, Дюхадэ, собрался? Если душу умершую провожаешь — не туда ты забрел! Желтую речку, что рыбой кишит, ты проходил! В черной речке, где чернобрюхие чудища пасти зубастые разевают, ты двенадцать лет назад прошел, Родителя чернобрюхих ты изловил! Дерево, где Стокрылый дух птенцов питал человеческим мясом, ты спалил! Семерых братьев превратил в золу! Что тебе еще надобно?»

Сказал я ему, что хочу войти в Железный чум, который стерегли Семь братьев. Стал он меня молить, стращать, уговаривать, чтобы не входил я туда. В этом Железном чуме вход в нижнего подземного мира нижний подземный мир, вход такой узкий, что волос в него не просунешь, и такой широкий, что вся Сибирь в него провалится, и эхо не донесется. Никто там не был, нет там ни ближнего ни дальнего, ни темного ни светлого, ни твердого ни жидкого. Солнце и Луна и Звезды черные так ярко светят, что сразу ослепнешь. И звучат там слова огромные и непонятные, стоны звучат и угрозы, кто их услышит, разум теряет и память...

Я его и спросил: как он это узнал, никто же там не был, некому и память было терять? Пойду я, а вернусь без ума и без памяти, пусть так и запишет: такого-то числа такого-то месяца ушел в тот мир знаменитый шаман Дюхадэ, а вернулся слепой и глупый, как младенец, плакал и мочился... Пошутил. Сел на своего оленя и поехал на запад, к железному чуму...

Дюхадэ не мог рассказать, что он постиг в мире, вывернутом наизнанку, в багрово-красной тьме, словно внутрь, в свой мозг с кровью, смотрел. Другому духовидцу открылось неотвратимое будущее русского мира, в образе страшного всадника на ящере, на чудовище, с дымным факелом в простертой руке. У Даниила Андреева был перед глазами силуэт «Медного всадника», в памяти стихи Блока, он осмысленное записал как метафору. Чудовище с тысячей щупалец и клешней, с зубастыми пастьями на змеиных шеях без глаз, роющее в мета-литосфере норы и ходы, чтобы прорваться к подобному же существу, загрызть его или хотя бы оторвать щупальца, захватить их место... Уицраор — символ народа-государства, ведомого демоном завоеваний, расширения... Кровавая роса — пища этого монстра, и народ-носитель должен питать его непрерывно страданиями и гибелью, если не чужими, то собственными... Медный всадник — живое оружие Жругра, российского уицраора... Ничего этого не понял простой шаман Дюхадэ. Он просто напуган и просит друга Матвея не ходить завтра — нет, уже сегодня — смотреть поединок на копьях, завершение праздника.

Догорают угольки в костре, бледнеет небо, растворяются в нем звезды. Не хочется уходить, не хочется расставаться. Когда еще доведется побыть в таком обществе, поговорить на всякие странные необязательные темы, послушать стихи на исчезнувшем великом языке, увидеть людей, издалека приехавших изучать дикарей в звериных шкурах, и доказывать, что у дикарей свои предания, песни, свое объяснение мира? И чтобы рассказать потом о дикарях, об их языках и обычаях, в тех краях, куда вечером уходит солнце?

Лоренц Ланг хотел бы дольше любоваться на красавицу-хозяйку. Господин Цао думает, что она красивее всех его родственниц. Дембей вспоминает хрупких маленьких японок. Правитель видит, что гостям хочется продлить собрание; не велеть ли подать ранний завтрак? Ланг прерывает молчание. Он спрашивает по-русски:

— Правда ли то, что я слышал — будто бы у якутов самыми сильными шаманами бывают молодые женщины? И чем они красивее, тем сильнее их чары?

— Так и есть, — неожиданно отвечает Дюхадэ, которого считали спящим, — голос девушки-шаманки летит птицей-кукушкой, пролетает все небеса, проникает за все преграды, приникает к лунному уху Юрюнг Аар Тойона, прародителя, и слушает он ее с наслаждением. Умсуур Удаган, покажи знатным друзьям свой дар!

Словно только этого и ждала, хозяйка пиршества окликает кого-то в темноте, подбрасывает в огонь дрова, берет у подошедшей служанки маленький бубен и начинает обходить костер, чуть напевая, чуть касаясь пальцами натянутой кожи, чуть приподнимаясь на цыпочки. И вдруг запеваеет во весь голос, кружась:

Белые удаганки небес
Подымая вихрь
Рассекая крыльями
Синюю мглу
Разрывая перистые облака
Стаей куропаток
Вниз понеслись...

Речи волшебные говоря,
Вещие напевая слова,
Дочь Солнца
Кюэгелдьын Удаган
Дочь Месяца
Ыйбалдьын Удаган
Дочь Желтой Звезды
Айбалдьын Удаган
Дочь звезды Чолбон
Ньюолур Удаган
Дочь Полярной звезды
Сэймэлдьын Удаган
И шестая с ними сама
Айыы Умсуур Удаган
Громко начали они заклинать,
Запели они
Заветную песнь.

Доом-эни-доом!!!
Доом-эни-доом!!!
Громче, бубен, взывай,
Неистово грохочи!

Не напрасно летели мы,
Огненно-красной одеждой шумя,
С блистающей высоты!

Силою власти
Вечных небес
Силою грозных
Священных небес
Наши песни
На землю радость несли,
Наши речи
Излечивали от ран!
Мы властны
Разрубленное срastить
Мы властны
Разрушенное обновить
Песенной силой
Заклятий своих

Мы освобождаем тебя
От гибельных черных чар!
Вызволяем тебя
Из-под власти зла!
Чистотою небес
Очищаем тебя!

Воспрянь, вставай!
Преград не знай!
Доом-эни-доом!!!
Доом-эни-доом!!!

Убитых в бою
Подымали мы,
Умерших давно
Оживляли мы!
Если ты уснул —
Встрепенись, проснись!
Если умер —
К жизни вернись!

Равных силой
Не знавший досель
Равного ты нашел,
Достойного врага повстречал...
Хоть по силе ты и могуч,
Но, привычный к солнцу средней земли
Не выдержишь ты
Верхнего мира
Ветров ледяных,
Смертной стужи
Подземных бездн...

Твой неумный враг
Коварствами околдует тебя
Чарами отравит тебя
Обманами обойдет

Благословляемый силой небес,
Ты смелее в мертвую воду ныряй,
Ты не утонешь в ней!
Закаленного мертвой водой
Никакая стрела тебя не пронзит,
Никто огнеглазый
Не сглазит тебя!
Слава твоя
Высоко возрастет,
Доброе имя твое
Далеко тогда прогремит!

Главное событие Великого тоя должно войти в предания...

Поединок литературный. С купюрами.

Богатырь Богембай резко повернул коня назад. Косматый гнедой жеребец, тяжело кренясь и сдерживая ход, сделал полукруг и понесся обратно... Лишь ветер свистел в пустой степи да с каждым скачком богатырского коня гулко отзывалась и словно охала земля...

Вот он, Шуно-Дабо, джунгарский багадур, тоже заметил казахского батыра и таким же мощным рывком поворачивает белого косматого великана-коня. На полном скаку проносятся они друг мимо друга, едва не коснувшись стремянами. В клубах пыли поднялись и опустились тяжелые дубины-палицы с окованными железом головками. Тяжкий стук, будто две гранитные скалы столкнулись в небе, послышался в степи, и далеко отлетели сломанные дубины.

А батыры уже снова поворачивают коней... Снова мчатся они навстречу друг другу, взметая пыль, но теперь уже не палицы в их руках, а тяжелые сверкающие мечи-алдаспаны. Гром ударов и скрежет раздался при их сближении. Но теперь уже не разъехались батыры, а закружились один возле другого, высекая искры. Когда же притупились старинные мечи, батыры снова разъехались и натянули луки, стремясь достать стрелами вражескую плоть. Но и это никому из них не удалось...

Уже дважды можно было подоить кобылу за то время, что сражались они. Батыры устали, пот заливал глаза, тяжело поднимались руки в железных доспехах. Да и кони еле несли своих тяжелых всадников. Тогда они слезли с лошадей и бросились друг на друга с кинжалами. Вскоре и кинжалы выпали из стиснутых противником рук...

... Батыры не смотрели друг на друга, пока не поднялись в седла и не отвернули друг от друга лошадей. Только отъехав на несколько шагов, они разом оглянулись.

— Богембай-батыр, совесть наша осталась чиста, — сказал Шуно-Дабо. — Поединок наш был честным, как в древних песнях. А впредь пусть будет так, как кто сумеет. Берегись, не попадайся мне больше один в степи!

— Да и ты уж не удивляйся, если застаю тебя врассплах! — ответил Богембай-батыр.

Они отказались от древних правил. Подобно зверям, решили они охотиться друг за другом.

Мне ужасно нравятся эти картинки, только фамилию художника не могу разобрать.

Многолетние соперники, годами искавшие встречи, в случайных стычках не разрешившие свой спор, становились со временем не то закадычными врагами, не то заклятыми друзьями — своего рода побратимами...

Каждый огорчился бы, узнав, что враг его пал от другой руки, что не ему — честь победы...

В романе Есенберлина (*в песне-сазании о битве батыров*) они позже встретились в знаменательном сражении между джунгарами и казахами, Богембай одолел и тяжело ранил Шуно-Дабо, и почти у него на глазах того, раненого, подло добил родственник (в отличие от народного батыра Богембая, Шуно-Дабо был претендентом на верховную власть, следующим в очереди — тот самый племянник, который и стал потом контайчи Галден-Цереном...

Слышу коней тяжкий танец, Вижу смертную борьбу...
Поединок эпический. С очень большими купюрами.

С пиками наперевес
Коней вздымая на дыбы,
Храбро встретились они.
Долго метились они:
«Врага не в грудь и не в живот —
Изловчусь на этот раз
Пикой ткнуть во вражий глаз!»
При взмахе двух блестящих пик
Вырывался в тот же миг
Страшного испуга крик:
«Кто-нибудь из этих двух
Несомненно, мертв уже,
Безгласным трупом простерт уже!»

Неудачей разъярены,
Не сдержавшие коней
В разные стороны оба врага пронеслись;
Коней повернули оба они.
На всем скаку повстречались опять,
Пики наизготовку держа.
Каждый при этом думал так:
«Если я копьё всажу
Выше на два-три вершка
Золотого кушака,
Выше луки седельной его —
В сердце я поражу врага!»

И в один и тот же миг
Оба в седлах качнулись они,
Пиками замахнулись они,
Криками захлебнулись они —
Лязгнули пики в брони их. ..
А поединщики-враги
Оказываются, уцелели опять!

Еще сильнее ожесточась,
За гривы конские схватясь,
Взялись батыры теперь за клинки —
Бились, точно двое львов,
Рубились, не щадя голов,
Сталь клинков была остра,
Искры, будто из костра,
Сыпались из-под клинков...
Но и клинками батыры тогда
Не причинили друг другу вреда.

Схватились они за секиры тогда,
Стали по шлемам друг друга рубить,
Старались черепа пробить.
Снова лязгала сталь о сталь...
Наблюдая сечу их,
Ярость нечеловечью их,
Содрогались млад и стар.

Настолько явственно висит Смерть над местом схватки — словно черная птица, словно темная туча — что лязг стали и хрип бойцов звучат в полном молчании... каждое горло сжато, каждый вдох перехвачен, чтобы сразу, всем вместе, выдохнуть вопль ярости и торжества.

Безмолвные, огромные, как ледяные глыбы, воины-чукчи в костяных панцирях ограждают поле сражения, отделяя от толпы зрителей, конных и пеших, и окружают толпу. В первом ряду, верхами, губернатор, Мессершмидт и два шведа, Ланг и Стралленберг. Китайский аристократ и японский бизнесмен остались дома; князь поручил супруге занять двух академиков. Буде пожелают, провести семинар на тему якутской поэзии.

Он и сам бы не пошел. Тяжело, да и скучно. Жаркая, потная толпа, зловонная и кровожадная. Честный мирный исход, «победила дружба», никого не устроит. Стоило ли сходитьсь издалека смотреть на представление! Да они могут и сутки простоять не шелохнувшись. Все оценивают: качество металла, прочность доспехов, силу замаха, усталость коней. Кони правда устали. Всадники разъезжаются на свои позиции. Берутся снова за пики. Кажется не так уж рвутся навстречу один другому, и кони движутся нога за ногу... Скорей бы кончилось. Вернуться домой, вымыться холодной водой, провести еще вечер, как вчера...

Страшный удар копьём в спину валит Гагарина с седла. Он еще успевает услышать хруст собственных костей и протяжный, звенящий женский вопль...

Гагарин лежит на ледяном каменном полу. Лежит как-то странно, мучительно и неудобно, но повернуться или встать не может. Что-то тяжелое и холодное держит его, ему очень больно. Темнота. Тяжелый, густой воздух, невозможно дышать.

Звуки тяжелых шагов, скрежет ключа в замке, скрип железных ржавых петель. Тяжело отворяется дверь. Немного света, в дверь входят. Как здесь тесно, как близко стены... Люди в тяжелых сапогах наклоняются над ним с двух сторон, хватают, поднимают его. Тяжелый звон железа. Да, он же в цепях. Цепи падают. Какая боль, только бы не закричать. Во рту пересохло.

Двое или трое тащат его сквозь узкую низкую дверь. Очень тесный коридор, несколько шагов и ступени вверх, пять или шесть. Его волокут. Там коридор шире и выше, и вдали светлый прямоугольник. И сырой морозный ветер оттуда. Он приговорен к повешенью. Значит, уже?.. Хорошо бы, и поскорей, только бы не вернули обратно, не ждать больше ничего. Оттуда, где свет — шум и резкие воинские команды, сигнал горна. Иногда крик.

На пороге светлого прямоугольника возникает узкая, очень высокая черная фигура. Он не видит лица — глаза ослабели — но знает, кто это. Те, кто его волок, отстраняются — он вот-вот упадет — черный хватает его за плечи.

— Матвей, сознайся, — страстно и хрипло шепчет черный. — Не поздно еще. Скажи правду, все прощу, все тебе верну...

О чем он? Что за вздор. Не задерживал бы лучше, отошел с дороги.

Фигура царя настолько узкая, что за ним князь видит в морозном утреннем тумане силуэт виселицы вдали и площадку эшафота.

— Признайся... — шелестит настойчиво.

Гагарин шагает вперед, и царь должен посторониться. Преступник расправляет плечи и ступает твердо.

Сияют горы, скачут кони, женщина поет.

Над Невою резво вьются
Флаги пестрые судов;
Звучно с лодок раздаются
Песни дружные гребцов;
В царском доме пир веселый;
Речь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пирует царь великий
В Питербурге-городке?
Отчего пальба и клики
И эскадра на реке?
Озарен ли честью новой
Русский штык иль русский флаг?

Побежден ли швед суровый?
Мира ль просит грозный враг?
Годовщину ли Полтавы
Торжествует государь,
День, как жизнь своей державы
Спас от Карла русский царь?

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.

Конец книги